ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

29 марта
1989 г.
№ 13 (5235)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С 1929 г.
ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
ЦЕНА 20 коп.

ЗА ДЕМОКРАТИЮ, ГЛАСНОСТЬ, ПЕРЕСТРОЙКУ!

В НОМЕРЕ:

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ВЫ ГОВОРИТЕ?

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ЛГ»
Стр. 3

26 марта состоялись выборы народных депутатов СССР

Фото В. БОГДАНОВА, Ю. ИНЯКИНА, Е. ФЕДОРОВСКОГО

ОПРАВДАНИЕ ГОГОЛЯ
Стр. 5

ЧТО МЫ ДУМАЕМ
Стр. 12

КАРОЙ ГРОС

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
Стр. 14

Пленум правления Союза писателей СССР

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

21—22 марта состоялся очередной пленум правления СП СССР.

Вступительным словом пленум открыл первый секретарь правления СП СССР В. Карпов. С сообщением о работе избирательной комиссии по выборам народных депутатов СССР выступил ее председатель А. Дементьев.

Тайным голосованием на пленуме были избраны народные депутаты СССР от Союза писателей СССР (сообщение избирательной комиссии публикуется в сегодняшнем номере «Литературной газеты»).

Пленум рассмотрел и утвердил наказ народным депутатам СССР от писателей страны.

В обсуждении наказа приняли участие В. Карпов, Ю. Рытхэу, К. Кудиевский, А. Агабаев, А. Шадрин, П. Шермухамедов, Н. Никонов, Д. Кугультинов, А. Омарова, В. Санги, Г. Сухорученко, Б. Бедюров, И. Кашпуров, Ю. Прокушев, Е. Евтушенко, Т. Ахмедов, Ю. Верченко. Была оглашена телеграмма Т. Каипбергенова.

Заслушав информацию Ю. Грибова, пленум после обсуждения тайным голосованием избрал правление издательства «Советский писатель».

После сообщения С. Михалкова пленум принял решение, которым Московской и Ленинградской писательским организациям до очередного съезда писателей СССР предоставляется право окончательного приема в члены Союза писателей СССР, пятилетний срок полномочий правлениям этих организаций, право открытия собственных печатных органов, создания книжных издательств, домов творчества, поликлиник и других учреждений социально-бытового назначения.

Председательствовали на заседаниях В. Карпов и Ю. Верченко.

В работе пленума приняли участие заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС В. К. Егоров, первый заместитель председателя Госкомиздата СССР Д. Ф. Мамлеев, первый секретарь Краснопресненского РК КПСС Ю. П. Прудников.

ИТОГИ ВЫБОРОВ

21 марта 1989 года состоялись выборы народных депутатов СССР от Союза писателей СССР.

В выборах принял участие 341 человек.

Народными депутатами СССР от Союза писателей СССР избраны: **АСТАФЬЕВ Виктор Петрович, БЫКОВ Василий Владимирович, ВОРОНОВ Юрий Петрович, ГОНЧАР Александр Терентьевич, ЗАЛЫГИН Сергей Павлович, МАРЦИНКЯВИЧЮС Юстинас Мотеевич, РАСПУТИН Валентин Григорьевич, ЧИЛАДЗЕ Отар Иванович, ЧОБАНУ (ЧЕБАН) Иван Константинович, ЯКУБОВ Адыл.**

Результаты выборов: Астафьев В. П. («за» — 271; «против» — 70); Быков В. В. («за» — 278; «против» — 63); Воронов Ю. П. («за» — 254; «против» — 87); Гончар А. Т. («за» — 319; «против» — 22); Залыгин С. П. («за» — 293; «против» — 48); Марцинкявичюс Ю. М. («за» — 333; «против» — 8); Распутин В. Г. («за» — 283; «против» — 58); Санги В. М. («за» — 193; «против» — 148); Чиладзе О. И. («за» — 302; «против» — 39); Чобану (Чебан) И. К. («за» — 283; «против» — 58); Якубов А. («за» —296; «против» — 45).

О РАБОТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ

А. Дементьев, председатель избирательной комиссии по выборам народных депутатов от СП СССР, в своем сообщении отметил, что обстановка, в которой проходила предвыборная кампания, еще раз подтвердила: гласность и демократия действительно стали жизненной, духовной атмосферой нашего общества, атмосферой доверия и откровенности, которая дала возможность каждому избирателю выразить свою волю. Из 92 первоначально предложенных писательскими коллективами кандидатур в списке для тайного голосования было оставлено 70 человек. Голосование проходило в несколько туров. В результате на 10 мандатов пленум выдвинул 12 кандидатов. Сейчас их 11, ибо Леонид Максимович Леонов взял самоотвод уже после того, как был зарегистрирован в избирательной комиссии.

Следя за предвыборной кампанией, знакомясь в печати и на встречах с кандидатами с их программами, можно с удовлетворением отметить, что в основу этих программ легли проблемы, выдвинутые перед писателями самим ходом перестройки, — это и межнациональные отношения, и экология, и издательские дела, и творчество во всех его проявлениях.. Здесь нельзя не сказать о том, что политическая платформа каждого из кандидатов основывалась на известных положениях предвыборного Обращения ЦК КПСС к партии, к советскому народу.

На встречах кандидатов в депутаты с избирателями высказывались предложения о демократизации нашего союза, о скорейшей выработке новой редакции устава СП СССР, об увеличении числе журналов и издательств, о материальном положении писателей. По поступившей в избирательную комиссию информации, таких встреч было 15. На них присутствовали в общей сложности более 5 тысяч человек. Выступили 70. Встречи проходили в Москве, Вильнюсе, Киеве, Кишиневе, Минске, Тбилиси, Ташкенте, Иркутске, Красноярске и на Сахалине.

В адрес избирательной комиссии поступили письма от самых разных людей, в которых наряду с поддержкой и одобрением выдвинутых кандидатов содержатся и критические замечания в адрес некоторых из них. Письма, имеющие отношение к нашим кандидатам, но не подписанные, комиссия рассматривать не сочла возможным.

НАКАЗЫ ДЕПУТАТАМ

После подведения итогов голосования, при обсуждении наказа выступил В. Карпов.

Прежде всего, сказал он, от имени Союза писателей СССР сердечно поздравляем наших товарищей с избранием их народными депутатами СССР.

В ходе предвыборной кампании в секретариат правления СП СССР поступили десятки писем с наказами будущим депутатам, на встречах с избирателями активно обсуждались программы кандидатов и высказывались многочисленные пожелания в их адрес. В наказах избирателей — не только поддержка политики партии и проходящей по ее инициативе перестройки, но также и деловые, конкретные предложения. Так, например, писатели Москвы ждут от своих депутатов твердых шагов в решительном ограничении власти должностных лиц, в утверждении принципов подлинного народовластия. Необходимо непосредственное участие народа в выборах всех органов власти сверху донизу; необходимо принятие закона, ограничивающего срок пребывания выборных лиц на руководящих постах. Депутаты-писатели, сказано в одном из наказов, должны всемерно содействовать утверждению в жизни норм социалистического плюрализма и гласности, чувства товарищеской доброжелательности, консолидации сил в пользу перестройки, высокой требовательности к себе и другим.

В письмах, полученных секретариатом в период предвыборной кампании, на предвыборных встречах много говорилось об условиях жизни и творческой работы писателей. Не все обстоит благополучно. В качестве наказов писатели выражали пожелания, чтобы наши депутаты больше проявили энергии в реализации решений партии и правительства о художественной интеллигенции, и в частности известного постановления «Об улучшении условий деятельности творческих союзов», выполнение которого сильно тормозится в некоторых министерских кабинетах.

Избиратели обращали внимание на необходимость поднятия престижа работников культуры, на повышение их общественного авторитета, улучшение материального положения. Многие избиратели просили уделить особое внимание нашим библиотекам, положение которых сейчас крайне нуждается в улучшении.

И на самом пленуме выступавшие говорили о том, что волнует каждого, говорили о болях и бедах своего народа, своих регионов, своих творческих организаций.

«Боль моей маленькой родины становится зловещей реальностью», — говорится в телеграмме, присланной в адрес писателей — кандидатов в народные депутаты СССР народным писателем Карелии Т. Каипбергеновым. Слова его тревоги о судьбе Арала, об экологическом состоянии нашей земли были поддержаны писателями, депутаты получили наказ — активно включиться в борьбу за спасение окружающей среды, памятников истории и культуры, языков малых народов.

Наказы очерчивают широкий круг проблем — это совершенствование избирательной системы и повышение роли женщины в общественной жизни, право на обсуждение любого проекта, осуществление которого затрагивает интересы десятков тысяч людей, и свобода вероисповедания, охрана человеческого достоинства и прав гражданина, решение проблем крымских татар и немцев Поволжья...

Не обойдены вниманием проблемы книгоиздания, развитие сети издательств по всей стране, работа средств массовой информации и многое другое.

Наказы писателей своим товарищам-депутатам свидетельствуют о возросшей гражданской активности, желании видеть нашу страну демократическим, правовым, процветающим государством.

Завещание для НАСТОЯЩЕГО

ПРЕМИЯ ИМЕНИ Н. И. БУХАРИНА ПРИСУЖДЕНА ПОСМЕРТНО ИВАНУ НИКИФОРОВИЧУ ХУДЕНКО. ОРГАНИЗАТОР ПЕРВОГО ПОДРЯДНОГО КОЛЛЕКТИВА НА СЕЛЕ, ОН МЕЧТАЛ О ВРЕМЕНИ, КОГДА МЫ СТАНЕМ ЭКСПОРТЕРОМ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ.

С первых же шагов эксперименте в Акчи «ЛГ» уделяла ему внимание. Мы не только печатали статьи о нам, но и проводили совместно с социологами изучение общественного мнения по проблемам самоуправления и хозрасчета. Для спасения дела газета командировала в Акчи экономистов, финансистов, юристов. Увы, борьба закончилась поражением общественности и личной трагедией И. Н. Худенко. Экспериментальный совхоз ликвидировали, а спустя два года И. Н. Худенко и его сподвижники пошли под суд. Сам Иван Никифорович умер в колонии.

Но тема Худенко не исчезла со страниц «ЛГ» (статьи А. Ваксберга «Кому это нужно?», В. Белкина, В. Переведенцева «Драма Акчи» — это только 1987 г.). Все более очевидным становилось, что эксперимент Худенко не прошлое, а будущее сельского хозяйства страны. И вот коллективный подряд стал реальностью сегодняшнего дня. Что ж, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Но по сей день идет борьба за реабилитацию И. Н. Худенко. Его дело пересматривается сейчас комиссией Прокуратуры СССР, и мы уверены, что доброе имя Ивана Никифоровича будет восстановлено.

Отрадно, что Фонд имени Н. И. Бухарина одну из первых премий присудил И. Н. Худенко. Диплом и премию Анна Михайловна Ларина-Бухарина, сопредседатель фонда, вручила сыновьям Худенко. Они намерены использовать деньги на сооружение памятника отцу.

Лауреатами премии имени Н. И. Бухарина стали также американский ученый Стивен Коэн, написавший книгу «Бухарин. Политическая биография 1888—1938», и наш постоянный автор, доктор экономических наук Отто Лацис.

М. ФИЛИППОВА

ПЯТЬ *из шести*

22 марта в Доме политического просвещения МГК и МК КПСС состоялся расширенный пленум Советского комитета защиты мира и президиума Ассоциации содействия ООН в СССР по выборам народных депутатов СССР.

Те, кому предстояло голосовать за кандидатов в депутаты, выдвинутых участниками движения за мир, хорошо знали их предвыборные платформы.

Председатель избирательной комиссии Р. Богданов сообщил, что на пять депутатских мандатов зарегистрировано шесть кандидатов: писатель, главный редактор журнала «Октябрь» А. А. Ананьев, патриарх Московский и Всея Руси Пимен (в миру С. М. Извеков), академик АМН СССР, директор НИИ патологии кровообращения Министерства здравоохранения РСФСР Е. Н. Мешалкин, главный редактор белорусского республиканского журнала «Работница и селянка» М. И. Карпенко, председатель СКЗМ, писатель и драматург Г. А. Боровик, директор Института США и Канады АН СССР академик Г. А. Арбатов.

Голосовал 641 человек. Неиспользованных бюллетеней — 218 (потенциально голосующих могло быть 859). Результаты выборов таковы: Ананьев получил 496 голосов «за» и 145 «против», Арбатов — 363 и 278, Боровик — 504 и 137, Извеков — 610 и 31, Карпенко — 486 и 155, Мешалкин — 418 и 223.

После подсчета голосов и оглашения результатов председатель СКЗМ сказал: «Конечно, жаль, что не избран вместе с нами Георгий Аркадьевич Арбатов. Он, несомненно, человек достойный, но ничего тут не поделаешь — законы демократии неумолимы».

Г. АПРЕСЯН

Предварительные ИТОГИ

НЕ ОЖИДАЯ ОКОНЧАТЕЛЬНЫХ ИТОГОВ ВЫБОРОВ, КОТОРЫЕ НАША ГАЗЕТА СМОЖЕТ ПРОКОММЕНТИРОВАТЬ ЛИШЬ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ, КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ЛГ» УЖЕ В ПОНЕДЕЛЬНИК ПОСТАРАЛИСЬ ПОЛУЧИТЬ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В РЯДЕ ОКРУГОВ.

Наши корреспонденты из Киева сообщили об избрании народными депутатами СССР Н. Амосова и Ю. Щербака.

Ленинградский корпункт передает: из двух кандидатов-писателей (Б. Никольский и Н. Скатов), баллотировавшихся по одному округу, борьбу за депутатский мандат продолжит главный редактор журнала «Нева» Б. Никольский. Предстоит второй тур голосования, поскольку по итогам выборов ни один из трех кандидатов в этом округе не получил необходимого большинства голосов.

Продолжат также борьбу О. Сулейменов (Казахстан), Ю. Черниченко (Москва). Среди избранных депутатов, как нам сообщили корреспонденты «ЛГ», М. Мачавариани (Грузия), М. Шаханов (Казахстан), М. Мартинайтис, А. Чекуолис (Литва).

Свое сообщение в редакцию прислал собкор по Дальнему Востоку. Читатели помнят ситуацию, возникшую в 97-м округе Владивостока, где баллотировался командующий Тихоокеанским флотом адмирал Г. Хватов. Результаты голосования в этом округе таковы: депутатом избран заместитель декана юридического факультета Дальневосточного университета В. Шеховцов.

О предвыборной борьбе в Житомире «Литературная газета» писала несколько раз. Здесь подавляющее большинство голосов получила журналист А. Ярошинская.

Во время избирательной кампании не раз звучали критические замечания по поводу несовершенства новой избирательной системы. Все это так. Но результаты свидетельствуют о главном — избиратели получили право выбора и возможность тайного голосования. И потому прошедшие в воскресенье выборы явились важнейшим шагом в дальнейшей демократизации нашего общества.

Соб. инф.

А выбор был— ОТМЕНИТЬ ВЫБОРЫ...

ЕСЛИ ПРЕДВЫБОРНЫЕ БОИ В БОЛЬШОЙ АКАДЕМИИ НАУК ПРИВЛЕКЛИ В БОЛЕЛЬЩИКИ ЧУТЬ ЛИ НЕ ВСЮ СТРАНУ, ТО СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ В ДРУГОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ, АКАДЕМИИ ДОЛГО ПРОИСХОДИЛИ В ТИШИНЕ И БЕЗВЕСТНОСТИ.

Только 1 марта с. г. в «ЛГ» появилась статья Н. Логиновой «Ассоциация на бумаге...» (и 15 марта продолжение разговора — «Замочная скважина» на пустыре»). Газета выражала тревогу: педакадемия решила проводить выборы совместно с некоей мифической Ассоциацией педагогов-исследователей, организатор которой Л. Рувинский объявляет себя полководцем стотысячной армии, а реально в его отряде всего-то 205 человек.

Три работника Центральной избирательной комиссии проводили проверку. И тут всплыли невероятные факты. Оказывается, еще прошлым летом не обсуждавшиеся никем в академии программа и устав «ассоциации» были... утверждены. Тайно — единоличной подписью бывшего вице-президента АПН А. Бодалева. Спустя два месяца тот же Бодалев (опять же от имени президиума) попросил райотдел милиции утвердить образцы печати и угловой штамп для «ассоциации». Еще через два месяца другой бывший член президиума, исполнявший тогда обязанности президента АПН, И. Зверев подписал постановление о вступлении всего президиума АПН в эту «ассоциацию» и даже... о перечислении на ее счет трех тысяч (взносы!). Наконец в декабре Г. Филонов, третий бывший член президиума (он и поныне здесь секретарь партбюро), ходатайствовал перед Центральной избирательной комиссией о выделении пяти мандатов для совместных выборов с «ассоциацией».

И Филонов, и Зверев вскоре стали кандидатами, правда, не от «ассоциации» — от самой академии. Тут, впрочем, такой тесный клубок взаимных интересов, что не столь важно, кто кого выдвигал. Ну, а председателем избирательной комиссии стал заместитель председателя «ассоциации», то есть Рувинского, В. Розов.

Такой конфуз... Но разве это дело Центральной избирательной комиссии — наводить порядок в академии? Установлено главное: «ассоциация» не является юридическим лицом. Сам министр юстиции СССР Б. Кравцов давал по этому поводу справку...

Учитывая скандальность ситуации, разобраться в ней было доверено общему собранию академиков и членкоров. 22 и 23 марта шли дебаты. Здоровые силы академии, увы, и на этот раз оказались в меньшинстве. Дело кончилось... выборами. Из 9 кандидатов избраны четыре депутата: два — от академии, два — от «ассоциации». (Пятое место пока вакантно, довыборы — 19 апреля.) Самому Рувинскому собрание выразило явное недоверие: 97 голосов «против» и только 35 — «за». Депутаты от «ассоциации» — простые учителя с периферии. Приличия соблюдены...

Но можно ли компромиссом прикрыть нарушение Закона о выборах?! Можно ли тут обойтись без вмешательства правоохранительных органов?

Л. ГРАФОВА

Предпочтение РЕДАКТОРАМ

15 КАНДИДАТУР НА 10 ДЕПУТАТСКИХ МЕСТ ЗНАЧИЛИСЬ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ БЮЛЛЕТЕНЯХ, КОТОРЫЕ ПОЛУЧИЛИ УЧАСТНИКИ РАСШИРЕННОГО ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР.

Проголосовали они так, что среди избранных — представители всех отрядов нашей прессы, от многотиражной газеты до одного из крупнейших в мире телеграфных агентств. Это Л. Батынская, редактор краевой газеты «Красноярский комсомолец» («за» — 389, «против» — 63); М. Полторанин, политический обозреватель АПН (369—83); Н. Шибик, главный редактор республиканской «Рабочей газеты», Киев (368—84); В. Кучер, редактор городской газеты «Магнитогорский рабочий» (354—98); Л. Кравченко, генеральный директор ТАСС (335—117); А. Мухтаров, редактор республиканской газеты «Кишлок хакикати», Ташкент (307—145); Д. Шнюкас, председатель Гостелерадио Литовской ССР (300—152); А. Ежелев, заведующий Ленинградским корреспондентским пунктом газеты «Известия» (272—180); В. Зуйков, редактор многотиражной газеты «Строитель», Тюмень (252—200); И. Панов, главный редактор газеты «Красная звезда» (227—225).

Как видите, участники пленума отдали предпочтение редакторам. М. Полторанин, работающий сейчас в АПН, известность получил тоже в качестве редактора, когда возглавлял «Московскую правду». А вот А. Бовин, О. Лацис, В. Овчинников, своей карьерой обязанные прежде всего собственному талантливому перу, не прошли.

Журналисты дали своим депутатам серьезный наказ. В нем такие, например, пункты.

Внести предложение о безотлагательном принятии законодательного акта о праве средств массовой информации, их работников получать любые необходимые материалы, сведения, не являющиеся государственной тайной, определив в нем также гарантии правовой и социальной защищенности журналистов.

Ускорить принятие Закона о печати и других средствах массовой информации, который давал бы право журналистским организациям на прямое участие в обсуждении и решении вопросов, касающихся работы прессы, в том числе подбора кадров, открытия и закрытия изданий.

Добиваться перевода редакционных коллективов на хозрасчет, модернизации полиграфической базы, обеспечения журналистов современными техническими средствами и оргтехникой.

Усилить влияние Союза журналистов СССР на подготовку и переподготовку журналистских кадров, их аттестацию и трудоустройство.

На депутатов возложена также забота об улучшении условий и оплаты труда членов союза, их быта, отдыха и лечения, пенсионного обеспечения.

Наш корр.

Академия: НОВЫЙ ТУР

В ОЧЕНЬ СЛОЖНОЙ ОБСТАНОВКЕ ПРОХОДИЛИ ВЫБОРЫ В АКАДЕМИИ НАУК СССР, ГДЕ ИЗ ПЕРВОНАЧАЛЬНО ПРЕДЛОЖЕННЫХ АКАДЕМИИ 30 МАНДАТОВ ОСТАЛОСЬ К МОМЕНТУ ВЫБОРОВ ВСЕГО 20.

Пять мандатов были переданы в научные общества и ассоциации. Но когда выяснилось, что на 25 мест предложено всего 23 кандидата, было решено передать им еще 5 мандатов. То, что происходило в связи с выборами в академии, волновало всю научную общественность, и за два месяца было проведено немало собраний, митингов и дискуссий. В результате возникла инициативная группа, которая решила способствовать демократизации выборов в академии.

После длительного подсчета голосов, где при всей открытости тоже не обошлось без волнений, определились результаты. Необходимое число голосов получили лишь 8 депутатов: член-корреспондент АН СССР, директор Института философии и права Уральского отделения АН СССР С. С. Алексеев; академик, директор Физико-технического института имени А. Ф. Иоффе (Ленинград) Ж. И. Алферов; академик, директор Института прикладной физики АН СССР (гор. Горький) А. В. Гапонов-Грехов; член-корреспондент АН СССР, ректор Московского физико-технического института Н. В. Карлов; академик, вице-президент АН СССР О. М. Нефедов; академик, вице-президент АН СССР Ю. А. Осипьян; академик, президент АН Белорусской ССР В. П. Платонов; академик, президент АН Эстонской ССР К. К. Ребане.

Теперь предстоит доизбрать еще 12 депутатов. Но 22 марта, в последний день работы конференции, возникло несколько вопросов по предстоящим выборам. Один из них — кто будет выборщиком в новой предвыборной кампании: только академики и члены-корреспонденты или они же и представители научной общественности страны?

По предложению академика А. Д. Сахарова и при поддержке делегатов конференции было решено обратиться в Центральную избирательную комиссию с просьбой разрешить провести выборы по более демократичной структуре.

Чтобы не повторилась ситуация, когда в список кандидатов не попали люди, выдвинутые большинством институтов АН СССР, было принято решение, что выдвижением займется не расширенный состав президиума, а собственно президиум. Вся ответственность за выдвижение остальных 12 кандидатур теперь только на нем. Но в одном вопросе неясность все же осталась.

По предложению президента Академии наук Г. И. Марчука для упрощения процедуры выдвижения выборщиков на конференцию их кандидатуры могут предложить парткомы и научные советы, в не общие собрания научных коллективов. Предложение вызвало резкое недовольство зала. У микрофонов образовались очереди. Несмотря на многочисленные выступления, ясности в этом вопросе достичь так и не удалось. В апреле станут известны имена вновь выдвинутых кандидатов.

МИНВОДХОЗ *и его будущее*

ВОСПРИНИМАЮ ИЗВЕСТИЕ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ Н. Ф. ВАСИЛЬЕВА ОТ ОБЯЗАННОСТЕЙ МИНИСТРА МЕЛИОРАЦИИ И ВОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР КАК ОТВЕТ НА МНОГОЛЕТНЮЮ КРИТИКУ, КОТОРУЮ ВЕЛИ ШИРОКИЕ КРУГИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПО ПОВОДУ ПРИРОДОРАЗРУШАЮЩЕЙ, НЕДАЛЬНОВИДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНВОДХОЗА.

Я надеюсь, что исходя из установок недавно состоявшегося Пленума ЦК КПСС по проблемам сельского хозяйства и сам Минводхоз будет ликвидирован или по крайней мере решительно преобразован. Однако в любом случае считал бы необходимым не торопиться с назначением нового руководителя этого ведомства. В моей депутатской программе, как и в программе многих других депутатов, содержатся предложения об обязательном предварительном обсуждении с депутатским корпусом назначения руководителей министерств и госкомитетов. Это послужило бы определенной гарантией обоснованного выбора лиц, наиболее компетентных и пользующихся всеобщим уважением. Давайте начнем такую практику прямо с этого случая: кому руководить водным хозяйством нашей страны.

А. ЯБЛОКОВ,
член-корреспондент АН СССР,
народный депутат СССР

КАК ПОГИБ *Маяковский*

К ЧЕМУ ПРИВОДЯТ «СЕНСАЦИОННЫЕ» РАССЛЕДОВАНИЯ

Когда обаятельный целитель, телепат и ясновидец между делом сообщил 5 февраля в «Московском комсомольце», что Маяковский «получил смерть через голову», пустив «пулю себе в рот», то журналистка Ольга Белен никак не отреагировала на это откровение. Вероятно, не подозревала, что в действительности поэт покончил с собой выстрелом в сердце.

Но когда ведущий передачи «До и после полуночи» Владимир Молчанов на фотографии, сделанной сразу после смерти Маяковского, увидел, помимо пятна крови, расплывшегося по светлой рубашке слева, еще и затемнение справа — то он решил провести оперативное «журналистское расследование». С его результатами телезрители могли познакомиться в ночь с 25 на 26 марта.

Сначала два криминалиста, довольствовавшихся почему-то копией упомянутого снимка, не долго думая, предположили, что если, например, проломить правый висок, а потом тело поднять вертикально, то кровь может оказаться на рубашке в нужном месте.

Затем соседка Маяковского Мария Семеновна Татарийская несколько раз с изумлением повторила, что в комнате покойного видела на бюро второй револьвер.

Со своей стороны, тележурналист добавил, что следственное дело о смерти Маяковского засекречено и даже сотрудникам музея поэта недоступно.

Что все это должно означать? По-видимому, только то, что Маяковский, написав за два дня до смерти прощальное письмо, тем не менее умирать не собирался, но был коварно убит. А чтобы не было сомнений в убийстве, убийца с вызовом оставил на столе главную улику — второй револьвер. И, стало быть, засекреченность следствия легко объясняется тем, что оно опровергает официальную версию о самоубийстве.

Нет, не годится бойкое «журналистское расследование» там, где нужна серьезная, квалифицированная работа. Зачем, действительно, какие-то эксперты, по фотографии определяющие, что случилось с изображением рубашки, если в московском музее поэта можно посмотреть саму рубашку? Ее, кстати, снял, переодевая Маяковского, художник Николай Федорович Денисовский, и есть его подробный рассказ об этом, записанный на пленку в ноябре 1980 года. Как можно строить догадки о скрытой от всех ране в области виска, не обратившись к посмертным маскам, снятым скульпторами К. Л. Луцким и С. Д. Меркуровым, не учитывая того, что мозг Маяковского был взят в Институт мозга, что было вскрытие? И так ли уж неожидан в комнате Маяковского второй револьвер, если известно, что у него их было именно два? Наконец, с вопросами о следственном деле куда оправданней было бы адресоваться не к тем, кто его не видел, а к тому, кто им специально занимался. Известно, что в середине 50-х годов по поручению ЦК партии его изучал Игорь Сергеевич Черноуцан. Несколько лет назад он рассказывал об этом на совещании в ЦГАЛИ, справедливо настаивая на передаче как этого, так и многих других дел в открытые архивы. Теперь я, разумеется, перепросил Игоря Сергеевича, как представляет смерть Маяковского в документах следствия, и он подтвердил, что никаких намеков на убийство там нет.

Можно лишь удивляться, как живуче желание объяснить смерть Маяковского чьими-то происками.

Самоубийство — огромная трагедия, событие далеко не только личного масштаба, так, кстати, и воспринятое потрясенными современниками. Не случайно Пастернак тогда же сказал:

Твой выстрел был подобен Этне
В предгорьях трусов и трусих.

В. РАДЗИШЕВСКИЙ

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ БЫЛА НЕЛИШНЕЙ

Как известно, кандидатов в народные депутаты от Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами было выдвинуто ровно столько, сколько союзу выделено мест, — четверо. Все они и были избраны: вице-президент АН СССР К. В. Фролов (за — 743, против — 75), академик А. А. Туполев (742—76), заведующий Международным отделом ЦК КПСС В. М. Фалин (721—97), председатель президиума ССОД В. В. Терешкова (704—114). Последний результат подтверждает, что президиум был очень предусмотрителен, борясь против хотя бы одной «лишней» кандидатуры в списке.

Г. ИВАНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

По нашему замыслу в рубрике «Диалог недели» участвуют критики разных взглядов и направлений. При этом мы исходим из того, что в пору гласности и плюрализма плодотворный путь к консолидации литературных сил, к поиску истины — прямой, лицом к лицу обмен мнениями, открытое противопоставление позиций, спор. Участником спора в данном случае становится и читатель, которому как бы предоставляется возможность выбора и одновременно — исходя из тех или иных аргументов спорящих — выработки собственной позиции.

Сегодня критики В. Кожинов и В. Сарнов заканчивают свою месячную, как нами и было задумано, серию «Диалогов недели». Увы, спорящие на этот раз даже не приблизились к «общему знаменателю», каждый, как говорится, остался при своем мнении. И хотя редакция, начиная рубрику «Диалог недели», не собиралась брать на себя роль арбитра, в данном случае нельзя не отметить, что с крайними взглядами, как и многими конкретными высказываниями и того, и другого критика, мы не можем согласиться. Надеемся, что участники последующих диалогов будут больше стремиться к конструктивности.

Диалог недели

Вадим КОЖИНОВ — Бенедикт САРНОВ

ЧТО ДЕЛАТЬ?

В. К. Я перечитал все диалоги, и оказалось: в каждом из трех вы настойчиво выдвигали на первый план национальный вопрос, для начала обвинив меня в «выпячивании» ряда имен. На самом деле если уж я кого и «выпятил», то только Бухарина, то есть русского. А волнующие вас имена были в моих рассуждениях упомянуты потому, что речь шла о событиях начала 1919 г., когда, как вы знаете, в числе 7 человек, составляющих «верхний этаж» власти в России, было 4 еврея, 1 грузин и 2 русских. Я всех семерых и упоминал (плюс поддержавшего Свердлова Якира и споривших с Лениным Урицкого). О каком же «выпячивании» вы толкуете?

Но гораздо важнее другое. Вы (см. «Юность», № 1, 1989) обвинили в «антисемитизме»... Чехова — писателя, который 1) воспринимает, скажем, Левитана, как одного из самых близких ему деятелей русской культуры, 2) в рассказе «Скрипка Ротшильда» с глубоким сочувствием говорит о еврейском (а не «обрусевшем») музыканте, 3) в «Перекати-поле» раскрывает тяжкую драму еврея, стремящегося стать русским, но пока не обретающего «пристани», 4) наконец, Чехов с горечью пишет, что в петербургской критике господствуют «евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, ее духа, ее форм... и видящие в русском... ни больше ни меньше, как скучного инородца».

Именно здесь узрели вы «антисемитизм» (то есть отрицательное отношение к евреям именно как евреям), но это абсолютно несостоятельный «приговор». Ведь Чехов озабочен вовсе не тем, что эти критики — евреи, и даже не тем, что они «чужды русской жизни» (абсурдно требовать от кого-либо быть русским). Чехов озабочен только тем, что критики, в чьих глазах русский — «скучный инородец», законодательствуют в русской критике.

И если видеть в этом «антисемитизм», то придется распространить сию оценку (исходя из многих их высказываний) на всех великих писателей — от Пушкина и Белинского до Блока и Шолохова. Так что надо или начисто отказаться от этой оценки Чехова, или уж честно сказать, что вы считаете всех классиков «антисемитами». Ведь вот и Горький писал в 1924 г., прямо перекликаясь с Чеховым, что Троцкий — «наиболее чужой человек русскому народу и русской истории», и именно этим объяснял его зловещую роль в революции.

Исходя именно из уроков классики, я полагаю, что есть две пути. Влиятельно мнение: евреи не могут не слиться с нациями, среди коих живут. Так, Пастернак утверждал: «Я считаю самым большим благом для еврейства полную ассимиляцию» (кстати, кое-кто понимает гласность так: цитируемый текст издан «Искусством» в 1980-м, а «Советский писатель» в 1988 г. изъял эти слова поэта!). Пастернак исходил, возможно, из захватившей его с юности германской философии, которая начинав с Канта (см. его трактат «Религия в пределах только разума» и др.) говорила о духовной несостоятельности еврейства и видела выход для него в христианстве.

Б. С. Вы чуть ли не всю германскую философию мобилизовали, чтобы придать антисемитской позиции больше веса.

В. К. Вы волей-неволей распространяете подозрения в «антисемитизме» и на Пастернака, который разделял убеждение Канта (вот кое-кто и изымает слова поэта!). Но обратимся ко второму решению. Мнение Канта серьезно оспаривал, например, выдающийся публицист И. Я. Гурлянд — ближайший сподвижник П. А. Столыпина. Гурлянд полагал, что евреи — один из добровольно входящих в состее России, но призванных жить собственной жизнью народов. И я убежден, что абсолютно необходимо полнее свободе выборе между этими двуме путями — выборе, который, конечно, рождает свои драмы.

Но вся острота проблемы — только в тех людях, которые, не переживая никакой «драмы», действуют в русле культуры и политики другого народа, оставаясь чуждыми его интересам и самой его сути. И недопустимо оценивать критику этих людей как «антисемитизм». Недопустимо, во-первых, потому, что люди эти, как правило, чужды и еврейству как тековому, не знают и не любят его культуру, язык и т. д. и потому, строго говоря, даже и не евреи (отсюда — абсурд обвинения в антисемитизме), а во-вторых, потому, что было и есть немало и русских, чуждых России или даже русофобов (тот же Бухарин с его «Злыми заметками»). Но если критика таких русских — дело «нормальное», то при обращении к таким же евреям — неготовя обвинения в антисемитизме, шовинизме, даже фашизме. Вместо обвинений и выкриков необходимо спокойное, трезвое, объективное обсуждение проблемы.

В. С. Вы сильно преувеличили мой интерес к «еврейскому вопросу». Просто я не люблю антисемитов. Особенно отвратителен мне «интеллигентный» антисемитизм, подкрепляемый ссылками на высокие авторитеты, исторические источники и документы, которые потом оказываются чистейшей воды липой.

Вы упорно стремились (опираясь на Лосева) доказать, что решение о расселениями принял Свердлов. Более того: что решение это он принял ЕДИНОЛИЧНО. Приводя выписку из протокола заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года: «6. Циркулярное письмо ЦК об отношении к казакам. Принять текст циркулярного письма. Предложить комиссариату земледелия разработать практические мероприятия по переселению бедноты в широком масштабе по казачьим землям». Под текстом этого «циркулярного письма» (того самого, на которое вы ссылались) стоит подпись: «Центральный комитет РКП». 3 мая 1919 года уполномоченный Совета рабочей и крестьянской обороны А. Белобородов писал с Дона секретарю ЦК РКП Н. Крестинскому: «...Линия В. И. (Ленина) вполне верна, хотя некоторые товарищи, в том числе и тов. Сокольников, смотрят на дело, кажется, иначе... В общем надо сказать, что кого нужно и железо здесь еще не явили...» Из этого письма ясно видно, что установку на жестокие репрессивные меры против казаков поддерживал не кто иной, как Ленин. (С этими документами меня ознакомили доктора исторических наук В. Логинов и Г. Иоффе.) В письме Сокольникову от 24 апреля 1919 г. Ленин требовал «суровой и беспощадной расправы» над казаками. Я не собираюсь выгораживать Свердлова. Директива, принятая при его участии, была ужасна. Но ответственность за нее несет не он один.

Подсчитывать, сколько русских и сколько евреев было в числа деятелей, составлявших тогда, как вы говорите, «верхний этаж власти в России», имеет смысл лишь в том случае, если исходить из того, что власть этой горстки людей была антинародна. На мой взгляд, дело совсем не в том, кто по национальности были эти люди, а в том, почему за ними (и с тыми ими идеями) пошло значительную часть народа. Вот, например, как объясняет это Н. Бердяев в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма»:

«Самый интернационализм коммунистической революции — русский, национальный. Я склонен думать, что даже активное участие в русском коммунизме очень характерно для России и для русского народа. Русский мессианизм родствен европейскому мессианизму». И там же: «Русский народ не осуществил своей мессианской идеи о Москве как Третьем Риме. Вместо Третьего Рима в России должен осуществить Третий Интернационал. Третий Интернационал есть не интернационал, а русская национальная идея».

В. К. Вы еще раз хотите свести «спору цитат». Ну что ж. 16 марта Свердлов, и в тот же день его до о поголовном уничтожении, о мощное восстание на Дону, был нене. А 18 марта открылся VIII съ одним из первых выступил В. О «У нас было не коллегиальное, а личное решение вопросов. Органи работа ЦК сводилась к деят одного товарища — Свердлова. ном человеке держались ас Это было положение не норм Делев, обрывок из ленинского 24 апреля, который вы пытаетесь дествить» с чудовищной директ носится не к населению, а к напр воюющим донским дивизиям. но, о чем стоило бы всерьез пос вашем тексте, — суждения Берд невозможно на сотне строк раз о сложной концепции.

И «еврейский вопрос». Я — на Чехова и всей классики. Те, мои книги и статьи, знают: я вы даже исключительно высоко многих и многих деятелей русск туры, как принято говорить, го происхождения», и для меня исхождение» совершенно несущ Но я решительно оспариваю позиц творяющихся деятелями русской русофобов, какого бы происхожд ни были. К сожалению, вы явно лись от серьезного разговора му, которую именно вы мне навя все три диалога), ограничившись нести, одними эмоциями.

В. С. Ваша ссылка на Осин состоятельна. Он говорил об орг онной работе, а вопрос о рас нии — это был не организацио серьезнейший политический воп главное даже не это. Вы опять т те к злой или доброй воле отдел Директиву о расказачивании да ЦК ее отменил. А у вас получ дал директиву Свердлов, а Ленин. Вы все ищете виновных ати, по-моему, неплодотворны. пути, который избрали вы, даж Опасны для будущего страны. К важным, нажали так волнующий рос «кто виноват?», предстоял сегодня вопрос «что делать?».

Когда-то на меня огромное ние произвело письмо П. А. С Л. Н. Толстому (1907 г.). Толсто вестно, был ярым противником собственности на землю. И во вечал ему не кто Столыпин:

«Нельзя любить чужое на своим, и нельзя обкарнывать, землю, находящуюся во пользовании, наравне со свое Искусственное в этом отноше ления нашего крестьянства, не я нем врожденного чувст венности, ведет но многому д главное, и бедности. А бедност вшее на работе».

Эти проницательные слова звучат особенно актуально. Но то же самое говорил Бухарин, ший в 1925 году свой знамен зунг: «...всему крестьянству. слоям нужно сказать: обогаща капливайте, развивайте свое

И вот этого человека вы объявить — наравне со Ста сторонником военно-феодально атации крестьянства!

В. К. Ленин, сказав, что Сове нолично выносил решения», им несомненно, политику. Далее, думаю, что при решении вопрос лать?» стоит обращаться ну. В ответ на «обогащайтесь ев заявил, что Бухарин повт лыпина. Но Сталин (сам тогда, постоянно призывавший «всяч шать положение крестьянского решительно возразил: «Смеши рина со Столыпиным, как это новьев, — значит лгать на Бухар самом деле в феврале 1930 обогнав Сталина, требовал «обогатившимися» «языком се крестьянство (как и вообще Ро для них «только материалом», не считали, что «провалились».

Б. С. Никакие ваши цитаты дить меня не смогут: в слишк изучил ваш способ цитировани пример, в первом нашем диало водили слова С. И. Гусева: член партии должен доноситьс вая понять, что автором этого ния был не кто иной, как (Яков Давидович Драбкин). Пр ту в более полном виде: «Ле где-то учил, что каждый член жен быть агентом ЧК, т. е. смо носить».

В. К. У Ленина (20-й г.): «...ко мунист в то же время есть и х кист»; руководитель парткомп в 25-м г. «добавил» уже с мысль о необходимости «доно

Б. С. Еще пример. В прошл приводили слова Бухарина на Ворошилову: «...циник-убийца омерзительнейший из людей, т вечества». Не забыли подчер письмо заканчивается словом (оборвав цитату на полуфразе всячески давали понять, что Б заодно с организаторами сфа го процесса над Каменевым и

В. К. Нет сомнения, что он «Что расстреляли собак — стр

В. С. На самом деле ужасны харина о Каменеве (и в этом цитируемого вами письма!) пр тем, что Каменев на процессе харине, что тот причастен к уби ев. Потрясенный этим обвине рин пишет Ворошилову (в всем членам тогдашнего Политб сами трусы, на заслуживающие Ворошилов на это отвечает: тебе письмо, в котором ты себе гнусные выпады в отноше него руководства». Вот как лись, вот какие это были объятия». Человек, уверенный вотв, к таким приемам поле гать не стал бы. Это главный рый в сделал для себя на наш

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ВЫ ГОВОРИТЕ?

Сегодня мы продолжаем разговор о проблемах национального языка и культуры. Гостями редакции стали поэт Кнут СКУЕНИЕКС (Латвия), доктор филологических наук, профессор Института языкознания АН СССР Магомет ИСАЕВ (Москва), прозаик Смагул ЕЛУБАЕВ (Казахстан), доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков МОПИ имени Н. К. Крупской Марк ДЬЯЧКОВ (Москва), критик Атнер ХУЗАНГАЙ (Чувашия), кандидат искусствоведения, заведующий отделом теории литературы НМЛИ имени А. М. Горького Александр МИХАЙЛОВ (Москва).

Очевидно, нет особой нужды подчеркивать актуальность языковых проблем. Об этом на страницах «ЛГ» совсем недавно высказывались наши читатели («ЛГ», № 9). Эта беседа за «круглым столом» — лишнее тому подтверждение. Она продолжалась почти три часа, исторические выкладки с обилием грустных цифр выливались в страстные монологи, которые, в свою очередь, перебивались острыми репликами. У нас, к сожалению, нет возможности опубликовать всю беседу в полном объеме, однако надеемся, что ее основополагающие фрагменты создадут у читателей представление о разнообразии направлений, по которым движется сегодня мысль ученых и литераторов.

Национальное - интернациональное:

ДИАЛЕКТИКА ЕДИНСТВА

Фрагмент первый

М. Дьячков. В каждой республике, как известно, имеется какая-то часть некоренного населения, поэтому, когда мы говорим о развитии, а не только о функционировании языков в таких регионах, по-видимому, одной из непременных предпосылок является расширение двустороннего двуязычия.

Под этим я подразумеваю не только то, что коренное население овладевает русским языком, но и то, что некоренное население овладевает языком коренной национальности, той национальности, именем которой названа данная республика.

К. Скуениекс. У нас, например, есть такие данные: примерно 80 процентов латышского населения владеют русским языком, примерно 25 процентов нелатышского населения владеют латышским языком. 25 процентов не владеют вовсе плюс есть еще соответствующий процент — середина на половину. В общем, пользоваться латышским языком в Латвии было непопулярно.

Сейчас — другое дело: интерес к латышскому языку намного возрос. Хотя в принципе пока соотношение остается таким же, даже несмотря на то, что Верховный Совет Латвийской ССР принял латышский язык в качестве государственного языка в республике. Однако некоторая часть населения, говорящего на русском языке, активно выступает за то, чтобы утвердить государственный статус и за русским языком. Оригинальное предложение!

М. Исаев. Вы, очевидно, забыли, что абхазы объявили три государственных языка: абхазский, грузинский и русский. Что такое государственные языки? Это значит: любой официальный, общественный и государственный деятель должен владеть двумя или — в случае с Абхазией — тремя языками.

Мне кажется, в наших республиках надо прежде всего смотреть, знает ли человек, помимо языка межнационального общения, также язык данной республики. Тогда он подходит и на пост Председателя Совета Министров, и на пост руководителя районного масштаба, потому что ему везде придется иметь дело как с представителями коренной национальности, так и с людьми других национальностей.

В связи с этим возникает вопрос: а не трудно ли человеку овладеть в одинаковой степени хорошо двумя-тремя языками? Мировой опыт свидетельствует о том, что на только отдельные люди способны изучить несколько языков, но и целые народы.

Исторически сложилось, что все наши республики многонациональны по своему составу, поэтому у каждого народа должен быть свой язык и язык межнационального общения — то есть русский. Если же мы будем отставить, скажем, только казахский язык в Казахстане, эстонский — в Эстонии или грузинский — на территории Грузии, то тем самым не создадим ли абсолютно непреодолимого препятствия для свободного общения разнонационального населения республик? Всякое решение здесь должно быть демократическим, обязательно демократическим. Одним словом, двуязычие — пробный камень демократии для каждой республики.

М. Дьячков. Почему мы такое внимание сосредотачиваем на двуязычии? Дело в том, что если мы не обеспечим достаточно широкого использования «местного» языка, то уменьшится его функциональная загруженность. Она неизбежно сократится за счет более широкого употребления русского языка.

К. Скуениекс. Да, практически сейчас русский язык вытеснил латышский во всех деловых сферах. Происходит это еще и потому, что появляются у нас целые предприятия, где буквально все — от администрации до рабочих — говоорят исключительно на русском языке. Они не имеют никакого отношения к жизни Латвии, живут своими особыми проблемами. И, естественно, по праву механического большинства нам навязывается соответствующая документация — а до последнего времени и правительственная — на русском языке. На заседаниях Верховного Совета Латвии говорили только по-русски — существовали на сей счет указания.

М. Исаев. А вы не можете представить такую картину, когда в вашем парламенте, парламенте Латвии, мог бы выступать человек и по-латышски, и по-русски? Пусть в зале сидят переводчики, как это делается во всех цивилизованных странах.

К. Скуениекс. Так оно сейчас и происходит. Но как быть со сферой обслуживания? Ни в магазине, ни в поликлинике, ни в милиции мы практически не можем объясниться на родном языке. Если так пойдет и дальше, очень скоро, через 10—15 лет, мы сможем поговорить по-латышски только в своих семьях...

С другой стороны, третьего декабря прошлого года у нас образовалась ассоциация культурных обществ наций и народностей, проживающих в Латвии. Кстати говоря, все эти общества, которые объединили около 20 национальностей, единогласно поддержали наш основной принцип. Они считают, что только при государственном статусе латышского языка и развитой государственности они могут обеспечить и свои национальные права.

Однако, повторяю, есть определенная группа, за чьей спиной явно стоит старый бюрократический слой, которая продолжает довольно активно добиваться статуса государственного и для русского языка. Если этот статус узаконить, то латышский язык, как я уже говорил, исчезнет очень быстро.

М. Исаев. Позвольте в качестве реплики такой пример. В Финляндии, где проживают всего шесть процентов шведов, тем не менее их язык также считается государственным со всеми вытекающими отсюда последствиями: от вывесок на улицах до выступлений государственных деятелей — все дублируется на второй язык. И никаких проблем.

С. Елубаев. Казахстан — четвертая по численности населения республика в стране. К сожалению, официальная статистика не знает количества людей, отчужденных от родного языка, поскольку многие стыдятся признаться в его незнании. По мнению языковедов, около 40 процентов казахов либо не владеют родным языком, либо владеют им весьма поверхностно. Именно поэтому проблема государственного статуса казахского языка в республике приобрела сегодня особую остроту и актуальность. В последнее время в официальных кругах возобладало мнение о том, чтобы в республике было учреждено два государственных языка — русский и казахский.

Возникает вопрос: какому языку требуется решительная поддержка? Разумеется, казахскому, сдвинутому за долгие годы произвола и застоя на периферию общественной жизни и общественного сознания. Сторонники учреждения в республике двух государственных языков, по-видимому, не учитывают критического положения казахского языка, который утратил так много, что только приоритетное его положение способно хоть сколько-нибудь выправить, поднять его престиж в глазах общественности.

А. Хузангай. Думаю, что усилиями интеллигенции, наверно, не удастся изменить ситуацию. Нужны какие-то законодательные инициативы в этой области, чтобы конституционно, юридически защитить родной язык.

Ведь если взять историю чувашского языка советского периода, то можно понять, что сужение его бытования и все меньшая защищенность, скажем, авторитетом Основного Закона привели к тому, что у нас сейчас фактически нет чувашской средней школы. Преподавание на родном языке сохранилось только в начальных классах.

Не так давно в нашей прессе прошла дискуссия о двуязычии. Но, к сожалению, ни к чему она не привела. Потому что в наших условиях, когда мы говорим о двуязычии, это, как здесь верно замечено, означает постепенное вытеснение родного языка в семейно-бытовую сферу, на периферию социальной жизни.

Номинально чувашский язык представлен везде: на телевидении, на радио, в печати, это язык художественной литературы, гуманитарных наук... На самом же деле он никак не может конкурировать с русским ни в одной из этих сфер. И это несмотря на то, что в нашей автономии самый высокий в стране процент коренного населения — без малого 70 процентов.

М. Исаев. Как же все это стало возможным? Во-первых, мы, научные работники, специалисты в этих областях, долгие годы не могли открыто писать обо всех существующих проблемах, выражать свои мысли, кроме как в русле тех указаний, которые шли сверху. Это сейчас нас критикуют отдельные «руководители», но эти руководители мне напоминают сына, который убил своих родителей, а во время суда просил снисхождения, потому что он теперь круглый сирота. Вот так душили свежую и конструктивную мысль, а сейчас говорят, что руководители ничего не могли сделать, потому что ученые не давали соответствующих разработок.

Во-вторых, под красивыми лозунгами о «расцвете и сближении» бюрократический аппарат — работники министерств, обкомов и т. п. — требовал знания лишь русского языка, «процент» русского языка, «процент» русских школ. И все общество было направлено на добычу подобных «процентов». Теперь, когда с нас сняли эти оковы, мы оказались практически перед разбитым корытом. Выросло целое поколение без тяги к родному языку, родной литературе, родной культуре...

М. Дьячков. А диалектика развития, между тем, приводит к естественному парадоксу: чем больше мы расширяем функции использования русского языка, иногда без достаточных на то оснований, тем больший наносим ему вред. С одной стороны, говорят на русском языке там, где можно не говорить, с другой стороны, говорят на плохом русском языке. И пишут. Неграмотно пишут...

Нас иногда упрекают в том, что мы много говорим о национальных языках, как бы в ущерб русскому. Но дело в том, что если мы не будем поднимать престиж других языков, то и русский поставим в невыгодное положение. Одновременное повышение общей языковой культуры народов закономерно приведет к развитию как национальных языков, так и русского.

М. Исаев. К сожалению, в республиках, особенно в автономных, есть немало людей, не желающих изучать языки данных республик.

М. Дьячков. Мне кажется, таких людей можно сравнить с нарушителями уличного движения: они торопятся, идут на красный свет, им это удобно, но они создают аварийную ситуацию. То же и с теми, кто сознательно отказывается изучать и использовать местный язык. Им это, возможно, удобно, но они способствуют созданию в данном национальном регионе социальной напряженности, увеличивают ее.

Фрагмент второй

А. Михайлов. В нашей прессе с невиданной интенсивностью обсуждается несказанное множество самых разных проблем. Конечно, все можно обсуждать по отдельности, но это совершенно непродуктивно. И проблема языка и языков, проблема, центральная для общества, для жизни и бытия, сама неразрывно связана со всеми иными волнующими нас проблемами. Однако в нашей печати я не вижу попыток смотреть в корень вещей, анализировать наше бытие в его коренных моментах и выявлять взаимозависимость важнейших сторон нашей жизни. Всплесков по отдельным вопросам сколько угодно, и сколько угодно публикаций, где никто не может сказать ничего нового... Так, у нас много умных публикаций по проблемам нашей экономики, однако не выходящих за рамки экономики...

Итак, язык... Он сопряжен решительно со всем, что у нас в стране происходит, в том числе и процессами экономическими. Осмелюсь сказать, что у нас происходит процесс коммерциализации, который долгое время подготовлялся подспудно, а теперь вылился на поверхность. Не будучи экономистом, я говорю о том, что наблюдаю. Кроме того, коммерциализация происходит не столько в сфере экономики как таковой, сколько в сфере сознания, а сознание, как учит нас опыт, очень часто обгоняет бытие и его определяет. Так, идея наживы (прибыли только ради наживы) может получать хождение в обществе, где наживать нечего; с грошом в кармане можно прививать себе психологию карикатурного миллионера; эта психология питается и подогревается реальной вероятностью (впрочем, равной такой-то миллиардной) нажить в один месяц три миллиона — честно, но не трудом (!). Далее, коммерциализация захватывает сознание людей сильно и беспрепятственно тогда, когда ей нет культурного противовеса, когда культура находится в загоне и когда о ней больше говорят, чем для нее делают. Более того: хозрасчетный нажим на культуру (многие сферы культуры не могут существовать на условиях хозрасчета) уже привел к мучительным страданиям и полувымиранию одних областей культуры и создал самые благоприятные условия для псевдокультуры и низкопробного искусства.

С. Елубаев. Можно проиллюстрировать эти размышления примером из нашей истории. Наполовину вымерший после «коллективизации» казахский народ в тридцатые годы лишили старого алфавита, который был так распространен, что им мог пользоваться рядовой степняк. В пятидесятые предприняли попытку избавиться от национальных музыкальных инструментов, в шестидесятые закрывались казахские школы в северных областях Казахстана и прилегающих районах России. А в последнее время стало «модным» и вовсе обходиться без родного языка...

Как Арал, ставший жертвой интернациональной безответственности, отошел от своих берегов на десятки километров, так и казахский язык, сужая сферу применения в городах республики, на сотни километров «отошел» в степь, аулы. При двукратном росте населения почти в два раза сократился тираж книг на казахском языке. Катастрофически теряют зрителя национальный театр и кино...

А. Михайлов. То, что я сказал, — это конечно, не анализ, а указание на два мощных фактора, коммерциализацию и утеснение культуры, которые работают у нас рука об руку. А что же язык? И он в таких условиях страдает, и иного не может быть. Ведь язык процветает лишь тогда, когда он существует и ради самого себя, — другими словами, тогда, когда существует значительная поэзия и литература на этом языке и когда существует прочное культурное сознание, которое отвечает такой значительности создаваемого на этом языке. Это и есть, если угодно, гуманитарная культура народа. А когда в массовом сознании верх берут коммерческие представления, то язык начинает выступать лишь как средство, причем как средство, которое только терпят и которое даже ненавидят как неизбежное зло. Тогда появляются люди, не умеющие, не желающие и не испытывающие потребности говорить ни на каком языке (надеюсь, вы не принимаете мои слова за преувеличение?), и еще больше людей не хотят ничего читать и не испытывают в этом потребности. Если белорусы не хотят учиться белорусскому, а башкиры — башкирскому языку — это страшный симптом заболевания национальной культуры под нажимом коммерциализации. На русском языке говорят десятки миллионов людей, но для скольких миллионов он только неизбежное средство общения! Если рушатся устои культуры, подрывавшиеся десятилетиями, то начинает пропадать самая элементарная культура общения, начиная с общения в семье: люди не умеют и не хотят говорить, однако причина этого в том, что язык становится только «средством». А тогда, в условиях «бэзик рашн», русский язык становится теснимым со всех сторон языком меньшинства...

К. Скуениекс. Трудно с вами не согласиться. Но вот о чем еще приходится думать. Как оградить гегемонизм одного языка по отношению к другому? У нас есть статья о территориальном суверенитете, но нигде, например, не говорится о нации как таковой, о языковой политике. Кстати, не мешало бы ввести специальный пункт и об охране этносов.

И все это нужно, между прочим, не только малым народам, но и русскому тоже. Потому что в правовом отношении из всех республик у нас самая неустроенная — Российская Федерация!

М. Исаев. В чем сложность языковой ситуации в нашей стране? Во всем мире около 5 тысяч языков, но такого скопления языков, как у нас, намного более ста, нигде не существует. Все эти культуры, языки должны развиваться. Но раз мы советские, что-то же нас объединяет. Одним из таких объединяющих факторов является русский язык, русская речь. И сколько бы мы сейчас ни предъявляли русскому языку каких-то претензий, в этом смысле его роль неоспорима.

Мы должны быть благодарны судьбе за то, что один из языков принадлежит той нации, которая составляет у нас большинство. Если кому-то нужно, чтобы не было речевого единства в нашей стране, в 130 национальностей друг друга переводили, я не знаю, половина бюджета ушла бы на переводчиков. Но язык общения... Если даже два-три человека что-то хотят сделать, они уже должны иметь общий язык!

Много упущено возможностей, очень пострадали наши языки от невнимания, от того, что мы одну сторону брали в расчет, другую нет. Должны быть учебники, должны быть пособия, должно быть телевидение, юридические гарантии. Мы не имеем права забыть 100 малых национальностей и национальных групп, для которых невозможно установить государственные языки. О них тоже надо заботиться на государственном уровне. Ведь говорим — языковая культура. Она предполагает два стороны. Прежде всего культура речи родного языка, потом культура русской — общей нашей речи. Если мы будем идти таким путем, объективно учитывая положение каждой национальности в Советском Союзе, думаю, мы можем многого достичь и немало сделать на поприще словесности и культуры. Не следует противопоставлять языки друг другу по принципу «или — или». Здесь необходим другой принцип — «и—и», то есть и родной язык, и язык межнационального общения.

Сейчас весьма благоприятный момент: сначала юридически закрепить права всех языков и, опираясь на них, идти дальше — пропагандировать родную речь, родную культуру. Вот почему я считаю, что нынешний этап должен стать этапом ренессанса национальных языков и национальных культур. Но ни в коем случае не следует доводить дело до противопоставления их друг другу.

И тут нельзя обойтись, на мой взгляд, без воспитания этики национальных отношений. Одной юриспруденции мало. Во все эпохи немаловажную роль играла нравственность. Общество должно вырабатывать духовные табу на отрицание иных культур...

А. Хузангай. Где же можно научиться нравственности, как вы говорите, в отношении к языка? Кто этому научит? Существующая система народного образования, народного просвещения мало приспособлена для этого. Потому, наверное, и появилась идея децентрализации системы народного образования. То есть народное обоазование должно строиться в каждой республике, союзной и автономной, с учетом собственных национальных традиций. Существуют у каждого народа традиционная мораль, этика, философия... Это не сформулировано как наука, как педагогика, но неявно, в естественном виде они существуют. По крайней мере у нас, в Чувашии, есть опыт работы по такой методике, и один из его ярких пропагандистов, Г. Н. Волков, даже выпустил книгу «Этнопедагогика чувашского народа». Она вышла в Чебоксарах тиражом 500 экземпляров. А ведь, наверное, с ней не мешало бы ознакомить ученых и специалистов всей страны...

А. Михайлов. Итак, нужно лечить нашу культуру, но путь к этому пролегает через сознание людей — это прежде всего. Нужно опамятоваться, как говорил я в другом месте, а не полагаться только на обоюдоострую и двусмысленную силу капиталов (и без того в любом случае малых).

Есть еще один фактор, издавна действовавший в нашей жизни — в эпоху застоя тоже. Это никем не скрываемый факт, что наше народное и государственное богатство, как нигде, растаскивается во все стороны — начиная со скверных плановиков и кончая «несунами». Теперь на это материальное растаскивание наложилось как его прямое продолжение моральное растаскивание — оно выразилось в центробежных устремлениях республик и народов. Что народы вспоминают о своем языке и своей родной культуре — это факт в высшей степени положительный, потому что это есть предварительный «полушаг» к опамятованию. Но очень часто такое вспоминание есть на деле лишь весьма благостное, «духовное» оформление все той же «алчности»: годами продолжавшееся растаскивание материальных богатств государства переходит в новое качество — оборачивается его моральным саморазложением. Сюда подливает масла, например, писатель, объясняющий неродам (см. журнал «Родина», № 1), что каждому из них самое лучшее жить по отдельности и что не от хорошей жизни они когда-то вошли в состав России, но конечно же, не добровольно... А о том какую роль в истории многих народов сыграла Россия, русская культура, да и «тюрьма народов», в которой они как никак чувствовали себя в большей безопасности от внешних вторжений, — об этом лицемерно стараются не вспоминать. Однако вспоминать о своем родном языке, настаивать на его правах хорошо и ко времени тогда, когда мы боремся против своего же беспамятства, против своих же упущений, против своей же домашней некультурности. Не с русским языком бороться, в самом деле, если, слава богу, как язык поэзии и смысла еще не вымер, жив, как язык великого культурного достояния, наконец, как язык народа, не знавшего национального эгоизма и не замыкавшегося в себе, а потому может служить другим примером и подмогой...

Материалы «круглого стола» подготовил Александр ПЕЛЕХАЦКИЙ

Языком графики

В РЕСПУБЛИКАНСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВАХ

ТАЛЛИНН. Художник Владислав Станишевский закончил работу над иллюстрациями к поэме А. С. Пушкина «Медный всадник».

Сложность и отточенность композиции, многомерность пространства, виртуозность владения старинной техникой гравюры на дереве — ксилографией — дает полное право говорить о художнике как о преемнике и продолжателе традиций больших мастеров.

Станишевским видит мир пушкинской поэмы по-своему, как бы во взаимосвязи трех начал — человека, его творения и стихии природы.

Книга выходит в этом году в издательстве «Ээсти раамат» одновременно на русском и эстонском языках.

КИЕВ. Первая книга с иллюстрациями Валерия Горбачева вышла в 1971 г. Это была дипломная работа выпускника Львовского полиграфического института имени И. Федорова. С тех пор им оформлено около 40 книг. «С удовольствием иллюстрирую стихи и сказки украинского писателя Анатолия Костецкого, созвучного мне своим импровизаторским даром», — говорит художник.

Иллюстратор стихов и прозы для детей, живописец В. Горбачев оформил семь детских книжек.

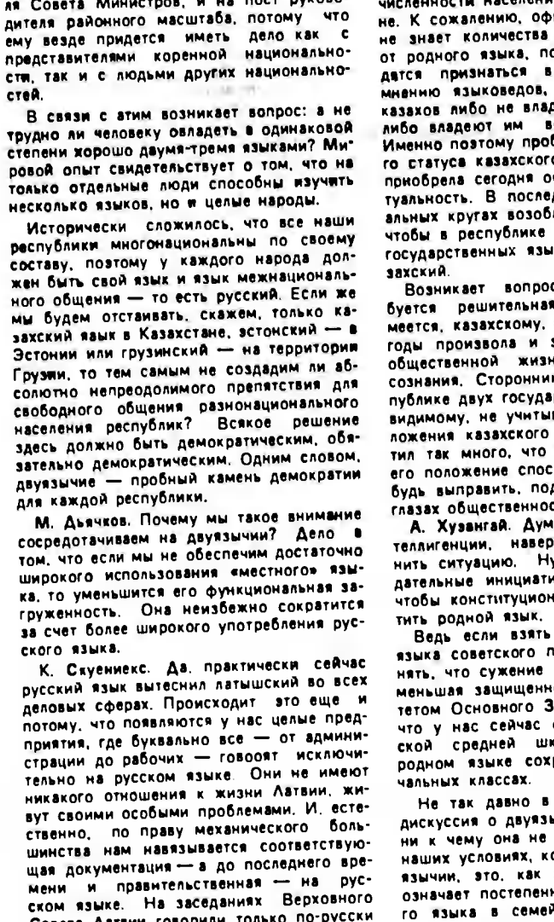
Публикуем рисунок на книги А. Костецкого «Все про себя и про всех». Издательство «Веселка». Киев. 1986.

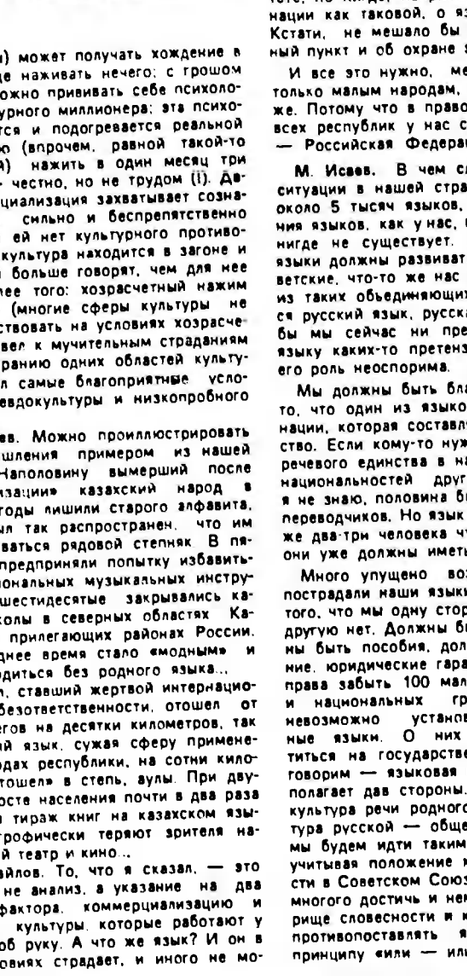
САРАНСК. Художник Лев Попов работает в книжной графике четверть века: он оформил около ста книг. В свое время он закончил Московский полиграфический институт, где учился у известного художника Мая Митурича. Из всех литературных жанров Л. Попову, как и его учителю, ближе всего сказка. Одна из последних его работ — подаренное издание «Мордовских народных сказок» (проиллюстрированы в соавторстве с Ю. Смирновым).

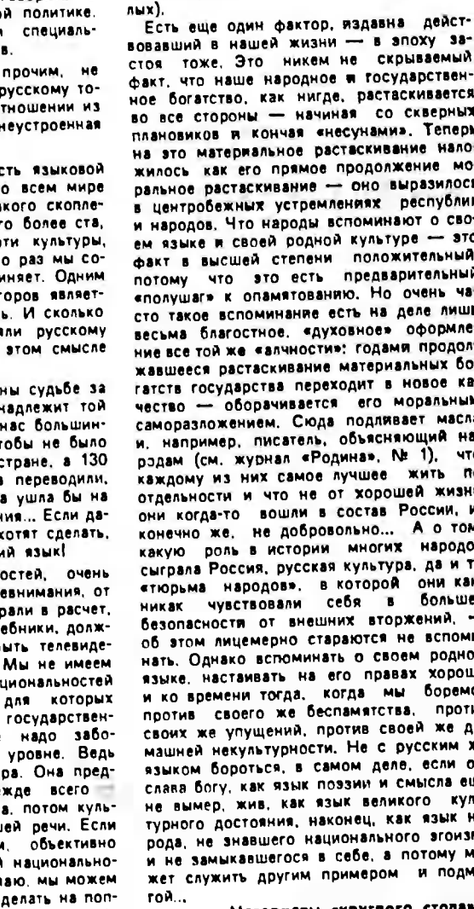
Иллюстрации Л. Попова к национальной исторической прозе написаны строятся на контрасте между статичными заставками, представляющими героев, и остросюжетной, динамичной полосной иллюстрацией.

Рисунок к роману Н. Учаатова «Маркуз и Лундан». Мордовское издательство. Саранск. 1985.

Публикацию подготовили Л. ЗВОНАРЕВА и В. СКРЫЛЕВ

Сергей ПЛЕХАНОВ

КОГДА ВСЕ МОЖНО?

Заметки о некоторых новинках не совсем научной фантастики

В НЫНЕШНЕЙ литературной ситуации фантастика явно не на первых ролях. Слишком уж фантастично то, что нынче печатается: Набоков, Замятин, Оруэлл, Хаксли. Не только по содержанию, а по самому факту выхода в свет. Перемещение с того света на этот, «наш», стало в порядке вещей.

В ходе заполнения «белых пятен» истории и изящной словесности стремительно меняются и масштабы литературных явлений: на безбрежных белых простынях любая клякса в недавнее время казалась путеводным маяком, а сегодня ее едва и разглядишь в многоцветье всплывших из небытия материков (даже если и именуются иные из них архипелагами).

Если напечатанное «Даугавой» на рассвете перестройки «Время дождя» братьев Стругацких еще читалось как нечто значительное или уж во всяком случае многозначительное, то вышедший годом позже роман «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя» («Юность», №№ 6 и 7, 1988) воспринимается как некий анахронизм: а стоит ли намекать на некие толстые обстоятельства если и так все можно сказать, открытым текстом? Не был ли порожден интерес к так называемой социальной фантастике ее генетическим родством с идеологией застоя? Пишу «так называемая», держа в уме контекст мировой фантастики. Лучшие книги Стругацких также были составной частью этого контекста: в таких произведениях, как «Трудно быть богом» или «Улитка на склоне», впервые в отечественной НФ были поставлены под сомнение социально-политические аксиомы, много десятилетий господствовавшие в сознании людей. Это и определило популярность авторов, обеспечило доверие к ним — ведь факт, что любая их новая повесть и роман вызывали широкий резонанс, несмотря на то, что печатались иные из них в малотиражных провинциальных журналах. Помню, как лет пятнадцать назад на книжном рынке мне предлагали фотокопию «Улитки...», опубликованной в «Байкале». Помню, с каким наслаждением разгадывали поклонники Стругацких намеки и головоломки в «Миллиарде лет до конца света»... Но то, о чем раньше только намекалось, нынче говорится впрямую, в открытую. И иносказания уже «не звучат». Эзопов язык недаром создан рабом, в навык к разгадыванию его культивировался в рамках сообщества несвободных. Думаю, одна из назревших задач историков — выяснить, не было ли падение рабства трагедией для скоморохов, специализировавшихся на «организации досуга» невольников...

Стругацкие взяли сюжет из времен первохристианства и параллельно ему протянули линию поступков и поучений некоего Учителя из ближайшего грядущего (оно до скуки похоже на то настоящее, которое в последнее время явлено газетами и еженедельниками). «Терпимость и милосердие» — написано на знамени мессии близкого завтра. Благая Весть новоявленного Богочеловека, который будет вознесен в иное измерение промыслом Демиурга (он же Саваоф, Сатана, Воланд и подобные им ипостаси), не расшифровывается. Скорее всего, в разъяснение ходячего лозунга авторам сказать нечего. Оттого и образ не получился: марионетка с этикеткой. Оттого, наверное, и понадобилась грубая подсказка в конце романа: Агасфер Лукич, один из свиты Демиурга — Саваофа — Сатаны, рекомендует вознесшегося с грешной земли милосердца: «Эссе хомо!» Теми же словами («се Человек») определил Пилат выведенного на суд иудейской толпы Христа. Не будь откровенного нажима со стороны авторов читателю в голову не пришло бы уподобить добродушного педагога евангельскому Спасителю.

Параллель из времен становления христианства выдержана в стилистике ожившего: Иоанн Богослов, любимый ученик Иисуса, изъясняется на идиш («киш мири ин тухес»), жаргоне, представляющем собой испорченный немецкий язык, занимается воровством, проводит время со шлюхами, а ежели последних нет под рукой — скотоложествует. Измышления Агасфера Лукича о земном пути Иисуса и его учеников подвны как свидетельства очевидца, как некая объективная истина. Хотя замешены они на зауряднom полуинтеллигентском невежестве. Чего стоит хотя бы утверждение о том, что во время ареста Иисуса Иоанн вступил в схватку с людьми первосвященника и потвол при этом ухо. Ведь во всех четырех евангелиях говорится, что ухо было отрублено у раба первосвященника, а евангелист Иоанн (тот самый, который выведен у Стругацких в личине уголовника) свидетельствует: меч поднял Петр, будущий апостол.

Об уровне историзма этого сочинения Стругацких говорит и такой факт: автором знаменитой фразы «Верую, ибо нелепо» издревле приписываемой Тертуллиану (II в.), назван Блаженный Августин (IV в.) По приговору римского суда героя романа ссылают «в одну из самых занюханных колоний Рима, в Азию, а именно — на островок Патмос». А ведь на деле-то Асия (так правильнее) была одним из райских уголков империи. Достаточно сказать, что здесь находились богатейшие и культурнейшие города — Эфес, Милет, Смирна, Пергам, Сарды. В тамошнем Иераполе — любимом курорте императоров — собирался весь цвет римской державы... Одна, другая неточная деталь такого рода — и возведенная на зыбком фундаменте домыслов романная постройка начинает разрушаться.

Пожалуй, единственное, что безусловно удалось авторам, — это достоверно передать накал злобы по отношению к «почвенникам», «широким славянским натурам». Один из героев Стругацких с мазохистским удовольствием перечитывает роман «Во имя отца и сына». Похоже поэтика забытого памфлета настолько завораживала наших фантастов что они, позабыв о читателе, решили совершить некое магическое действо для изничтожения злобного войско-славянского фантома. Его воплощением на сей раз становится Марек Парасюхин — еще не видя его, мы (по авторскому замыслу) проникаемся ненавистью: «Кто-то поднимался по лестница, да так бодро, с энергичным, напористым шарканьем одежды, мощно, по-спортивному дыша и даже напевая что-то классическое — «Рассвет на Москве-реке», не то «Боже, царя храни». И я (главный герой — alter ego Стругацких. — С. П.) подумал злобно: это же надо, какой веселый, энергичный клиент у нас пошел, наверняка с какой-нибудь особенной гадостью, с гадостью экстра-класса, с такой гадостью, чтобы уж всех вокруг затошнило, чтобы женщины плакали, сами стены блевали и сотня негодяев ревела «Бейі Байі»...» Ну, в затем следует целая пригоршня определений: фашист, педераст, тля, «сючка», дрянь поганая и т. п. ... Не только элементарная воспитанность оставлена, но и забыто, похоже, ради чего сие писано, какое отношение имеет все это к фантастическому повествованию. Желание уколоть, погуще мазнуть грязью во имя групповых амбиций — зачем приобщать к этой возне три миллиона читателей (такой тираж «Юности»)?

Аборигены Австралии в недавнем прошлом рисовали на земле желаемую добычу, а затем поражали ее копьями. Они полагали, что это принесет удачу в охоте на означенного зверя. Но сегодня даже аборигены стесняются этой примитивной магии. Очень неловко за опытных прозаиков, когда попадаешь на устроенное ими убогое камлание...

Обостренный интерес к истории вызван сегодня как бы вечановением смысла истории — десятилетиями в сознание среднего человека усилиями школы и масс-медиа вживлялась комфортная схема восприятия мира: движение прогресса неизменно и всепобеждающе. И вдруг схема разладилась — ведь сигналы идут теперь не из одного источника, они часто противоречат, отменяют друг друга. Излюбленная фантастами картина хаоса, воцарившегося в роботизированном обществе.

Особенно обжигают нас моменты сходства в судьбе государств и народов, когда-то прошедших через эпохи крушения верований, истинных идеалов. Да если к тому же они завершились распадом и гибелью. В первом ряду таких жутко-манящих тем — судьбы великих культур прошлого: Атлантиды, исчезнувшей в океанской пучине цивилизации долины Инда. На сами ли себе навлекли катастрофу земляне далеких тысячелетий: что если не вулкан, не метеорит виновен в гибели этих цивилизаций, а экологический кризис или мировая война?..

Развитие человеческого общества всегда шло рука об руку с углублением представлений о прошлом. Чем обширнее доступная обозрению перспектива истории, тем меньше укрытий для застарелых догм. Сколько раз бывало, что новая идеологическая система утверждалась от имени исторического прогресса. До сих пор в науке отрабатывается тезис о том, что христианство неизбежно должно было сменить язычество, ибо «надстройка» всенепременно поспешает за изменившимся «базисом»: единобожие соответствует авторитарной власти. Хотя опыт истории и противоречит таким установкам — тысячи лет на земле господствовали деспотии при самом разухабистом политбожестве.

Идея неостановимости и закономерности прогрессивного развития на деле оказалась идеальным полицейским средством: всякий заглад назад и сомнение в превосходстве нынешнего автоматически приравнивались к криминалу.

И все же на наших глазах монополии «прогрессистов» приходит конец. Но вместе с этим и для фантастики, которая сегодня не пророчествует, а как бы закрепляет в сознании уже осмысленное обществом, начались трудные времена: перестают работать старые добрые коллизии. Если нет интересных научных идей (история ведь тоже наука), то возвратное кружение на орбитах притчи и мифа становится все более непривлекательным.

В свое время классическая схема социально-фантастического романа Уэллса питала целое направление, плодотворно развивавшееся несколько десятилетий: «Аэлита» и «Гиперболоид» А. Толстого — наиболее известные опыты такого рода в нашей литературе, а для последнего времени это, скажем, «Силейское яблоко» Вяч. Назарова.

«Повелитель аллюзий» Зиновия Юрьева — еще одна модификация притчи о социальном противоборстве. На сей раз действие разворачивается на планете, населенной несколькими расами разумных существ и электронными роботами, обосабившимися в новую цивилизацию после гибели народа, создавшего их.

Однако — в полном соответствии с веяниями времени — на смену классовой правде и на далекой Элинии пришли общечеловеческие ценности. Сотрясающие тамошних обитателей страсти умиряются посланником с Земли, то и дело заставляющим своих пробудившихся для социального творчества «братьев меньших» осмысливать каверзные вопросы: о цене, которую можно уплатить за освобождение, о сути прогресса.

Погребенные под руинами несколько бесплотных ябров — былых властелинов планеты — жаждут воплотиться и возродить исчезнувшую расу. Это законсервированные интеллекты, которым необходима оболочка. Землянин помогает в обретении ее одному из ябров. И тот, будучи запрограммирован лишь на движение вперед, на неостановимый прогресс во всем, демонстрирует доведенный до абсурда эгоизм. Все, кто живет историческим сознанием, кажутся ябрам ущербными, по их мнению, лишь они сами представляют истинный цвет Вселенной. Говоря об одной из инопланетных культур, «интеллектуальные консервы» заявляют: «У Кометы крошечная твердая головка и гигантский пыльный хвост. Так и эти цивилизации: их жалкое настоящее блекло по сравнению с чудовищным хвостом прошлого. Если они и пытались плестись куда-то, то спиной вперед, ибо сердце их было в хвосте».

То, что произошло на Элинии, было результатом неразсуждающего прогресса, и повинна в катастрофе провиденциальная установка: «Нас не интересуют ничьи точки зрения. Мы абы, и нам достаточна одна точка зрения — серя. Другие нам не нужны. Мы мчимся вперед сквозь толщу времен, и равные точки зрения привели бы лишь к тому, что мы потеряли бы координаты. Мы бы на могли определить, где будущее и в какую сторону двигаться».

Очень созвучны эти романные дебаты популярным сегодня рассуждениям об истории и ее закономерностях. Но созвучие это носит характер дежурного поддакивания. Уже айтматовская притча о манкуртах появилась как обобщение обсохших инвектив против беспамятства, наполнявших критику и публицистику в семидесятые годы. А сегодня такие правильные мысли особенно нуждаются в каком-то интересном образном воплощении. Заставить «вмиграть» их могут оригинальные прочтения истории. Собственно говоря, ничего нового не было в обсуждаемых здесь темах и сотни лет назад, когда кто-то выговорил отлившееся в пословицу: «Не будь грамотен, будь памятен». Все нравственные принципы и коллизии, на которых стоит литература, стары, как мир, но каждому поколению дано вдохнуть в них новую жизнь.

У фантастики долгое время было большое преимущество перед другими жанрами: она могла «подбираться» к этим самым принципам в ту пору, когда, скажем, для сугубого реализма коснуться их всерьез было труднее. Тоталитаризм, экологический кризис, нелинейность прогресса, многовариантность исторического развития — это было на долгие годы изъято из обсуждения серьезной литературой. Потому и была в авантаже фантастика: хоть на других планетах или в других измерениях она моделировала ситуации и подвергала испытанию на прочность принципы, определявшие наше «тутошнее» бытие, нужденное молчание. И ей прощалось многое — за тему.

Сегодня, когда «все можно», когда реалистическая проза копает где хочет, фантастике предстоит борьба за читателя. Пока он по инерции еще хватает любую книжку, изданную под гонфом «НФ», но завтра лимит априорного доверия может быть утрачен, если по-прежнему на страницах романов будут действовать образы-функции, отрабатываться ситуации, давно ставшие хрестоматийными.

Научная фантастике сильна выдумкой, умением показать необычное в обычном, остраненно взглянуть на действительность. Не этом пути ее и ждут удачи.

Когда я слежу за развитием возможных моделей исторического процесса, создаваемых Андреем Аникиным в повести «Смерть в Дрездене» (сборник А. Аникина «Вторая жизнь». Издательство «Молодая гвардия». М. 1988) меня заставляет сопереживать сама причастность к поиску. Ведь судьбы героев на моих глазах меняются по произволу случая. И все же, все же ловлю себя не том, что я на «втором круге» наблюдаю за ними не как за пешками. Будь та же самая событийная канва передана иным языком, не с таким умением стилизована манера письма, я бы, может быть, и не стал дознаваться, что там сталось с Европой в результате предположенной смерти Наполеона накануне похода в Россию.

Один из героев повести заявляет: «Люди определяют события и должны отвечать за них». Звучит мажорно, но действительность очень часто противоречит такому воззрению — словно движимые роком, человеческие множества вовлекаются в деяния, которые замыслил кто-то там, «наверху».

Эксперименты такого рода: «а что было бы, если бы» — всегда занимают нас, хотя мы и знаем, что нет ничего бессмысленнее подобных гаданий. Всякая переломная эпоха вызывает у людей потребность в возвращении к некоей стартовой точке, ибо снова в порядок дня становится вопрос: а правильно ли выбран путь, не ввергнем ли себя опять в роковой круговорот?

Сегодня то и дело приходится слышать рассуждения: «если бы Ленин прожил еще...», «если бы выбрала не Сталина...», «если бы не свернули нэп...» Озабоченность такими темами способна вызвать разве что томление духа, но в искусстве она притягательна: творимый мио бесконечно многолик, одно мановение художника меняет узор судеб этого мира. Тут фантазия — не заложница суемудрия, она возносит человеке к осознанию своей действительной значимости, суверенности...

ТРОЕ И ВЕСЬ НАРОД

Феодосий Видрашку. «Румынская рапсодия». Трилогия. Издательство «Советский писатель». М. 1988.

БИОГРАФИИ выдающихся государственных, партийных деятелей, деятелей искусства и литературы всегда интересны, а если их подвижническая жизнь изображена в неразрывной связи с жизнью народа, их породившего, тогда надо отдать должное и «летописцу» — автору книги, справившемуся со своей нелегкой задачей.

Трилогия Феодосия Видрашку «Румынская рапсодия» состоит из художественно-документальных биографических повестей о жизни замечательных сынов румынского народа — Петру Грозы, Тудора Аргези и Георге Георгиу-Дежа. Всех этих людей роднило одно глубокое чувство — беззаветной, самоотверженной любви к своей родине, к ее терпеливому, трудолюбивому народу. Ради его счастья и благополучия, ради того, чтобы увидеть свою Румынию свободной страной, они прошли тюрьмы и концлагеря, восстания и войны, вынесли суровые лишения.

Петру Гроза, министр первого в истории страны демократического правительства, выходец из помещиков, был высокообразованным человеком, доктором права. Он учился в Будапештском, Берлинском и Лейпцигском университетах и еще в 20-х годах стал министром в буржуазном правительстве Румынии. Потом он порвал всякие отношения с реакционной Народной партией и в 1933 году основал демократическую организацию румынского крестьянства «Фронт земледельцев». Оккупация Румынии немецкими фашистами, аресты, концлагеря не сломили революционного духа вожака земледельцев. После освобождения страны в 1944 году Петру Гроза входит в коалиционное буржуазное правительство заместителем премьер-министра, а через несколько месяцев становится главой первого демократического правительства. Именно он 4 февраля 1948 года подписывал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи Румынии с СССР.

Привлекательна личность этого мужественного человека, выдающегося государственного деятеля, у которого было много друзей среди интеллигенции, крестьян и рабочих. Авторитет его в стране был так велик, что король Михай в 1945 году безропотно принял сформированное Петру Грозой правительство национально-демократического фронта.

Вторая книга трилогии — жизнеописание Тудора Аргези интеллигента писателя, видного деятеля культуры Румынии. Почти ровесник Петру Грозы, он прожил большую и трудную жизнь. Особенно тяжелым было ее начало: горькое детство с неласковой мачехой, ранний, с 12 лет, труд, учеба ночами, муки творчества, стремление отдать свой талант людям и... монастырь на несколько долгих лет.

Да, Янку Теодореску, прежде чем стать поэтом Тудором Аргези, стал монашеским послушником Иосифом. В монастырь его загнали отчаяние, голод и бытовая неприкаянность. С монашеством он получил комнату-келью, еду три раза в день и главное — доступ к библиотеке.

Трудными были путь, духовные искания писателя, будущего академика, автора не только лирических произведений, но и социальной сатиры, антибуржуазных политических памфлетов. Еще в детстве услышал Янку поэтическую легенду о мастере Маноле, построившем великолепный храм национальной поэзии для народа, причем для свободного румынского народа, — и сумел достичь многого.

В этом ему помогли такие люди, как герой третьей книги трилогии, выходец из рабочего класса, коммунист, партийный деятель Георге Георгиу-Деж. Он был на двадцать лет моложе Тудора Аргези. Вся сознательная жизнь его совпала с годами активного рабочего и крестьянского движения в Румынии, с годами ее социалистического преобразования, он был в центре самых важных политических событий.

Сын рабочего, сам в одиннадцать лет ставший у кузнечного горна, Георгиу-Деж вырос в стойкого борца за интересы своего народа. Тюрьмы, лагеря, каторги закалили его революционный дух. В 1945 году он стал генеральным секретарем Коммунистической партии Румынии. Он находился на этом посту до своей смерти, в 1965 году.

Повествование о его жизни получилось, пожалуй, самым сердечным — наверное, потому, что Ф. Видрашку, многие годы работая собственным корреспондентом газеты «Правда» в Румынии, лично знал своего героя. В хорошем знании писателем страны ее истории, народных обычаев, культуры, языка сомневаться не приходится — оно бесспорно. Достоверность в широком смысле этого слова — вообще главное достоинство трилогии. И еще — перекличка с нашим временем.

Все три главных героя «Румынской рапсодии», соратники по революционному переустройству жизни, много сделали в интересах интернационализме, борясь с румынскими националистами, которые считали себя форпостом романской цивилизации, островком «блистящей былой культуры Древнего Рима среди этого болота — славян, мадьяр и турок». Националисты считали, что приход «товарищей» несет гибель их форпосту цивилизации, и призывали рубить головы непокорным венграм в Трансильвании, сажать в тюрьмы за уличные демонстрации, готовить контрреволюционные перевороты.

Автор трилогии проводит мысль о тесной связи национального вопроса с борьбой за позитивные решения социально-политических и экономических проблем на основе равенства и социальной справедливости для всех народов, малы они или велики.

Серьезную книгу написал Феодосий Видрашку, может, главную свою книгу. Ему удалось художественно организовать громадный исторический материал, разнородный и противоречивый, показать жизнь румынского народа и революционную деятельность лучших его сынов с начала 80-х годов прошлого века до середины 60-х годов века нынешнего, выявить общие признаки и закономерности социально-политической и национально-освободительной борьбы народов за свою свободу и независимость.

Сегодня, на новом витке исторического развития, перед нами встают новые проблемы — социальные, экологические, политические, они потребуют для своего решения серьезных усилий. Но мы никогда не забудем самоотверженности и беззаветного героизма революционных борцов за социальную свободу и равноправие, борцов кристально честных, преданных своему благородному делу.

Анатолий ЖУКОВ

СПЛЕТЕНИЯ ЖИЗНИ

О романе Виктора Лихоносова «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж».

«ОФИЦЕРЫ воруют барышень! Скачки по всему городу! Дамы ездят в Париж делать пластическую операцию лица. Будет Петербург, Царское Село, высочайший двор, описание дома свиданий и прочая светская жизнь с балами, флиртом и разного рода пикантными приключениями. Масса детективных элементов!» — так рекламирует еще не написанную книгу один из ее героев. Конечно, это авторская самоирония, но все перечисленное в романе В. Лихоносова действительно есть, есть и многое другое из того же ряда и в такой концентрации, что хватило бы не на один авантюрный роман.

И вся же любитель острого чтения быстро остынет, соскучившись, эту книгу — сюжет прерывист, да его почти и нет, масса пестрых, отвлекающих мелочей, какие-то появляющиеся на пять минут и навсегда исчезающие, полупризрачные люди с одной-двумя репликами... Может быть, поэтому роман Лихоносова, который уже отмечен Государственной премией РСФСР имени Горького, не возбудил пристального интереса критики — несколько рецензий в журналах погоды не делают. Меж тем это книга, проблематика которой отнюдь не вторична для нашей сегодняшней духовной ситуации, к ней стоит вернуться.

В шестьсот страниц роман назван «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж». Если воспоминания не написаны, то что написано?

Прежде всего это произведение явно романтическое, и дело не только в эмоционально приподнятой, экспрессивной манере, вообще присущей книгам Лихоносова.

Один из самых заманчивых и блистательных миражей, к которому издавна стремились художники-романтики, — мираж слияния искусства с жизнью, мечта о достижении того предела, за которым размываются рамки произведения и оно становится самой реальностью. Там, за этим пределом, искусство станрится по-настоящему действенным, а художник обретает божественную силу творить саму жизнь. Мираж остается миражом, но романтики не перестают к нему стремиться, даже если они современные романтики, на глазах у которых рассыпался уже не один призрак.

В. Лихоносов все знает про этот мираж («Сплетения жизни, — размышляет в книге его двойник, — перенести на бумагу нельзя...»), и все-таки сверхзадача, которую писатель упорно, иногда упрямо решает на каждой странице своей книги, по-романтически грандиозна, по-романтически лежит за пределами возможностей искусства.

Лихоносов дерзает спорить с Временем, хочет вернуть, воссоздать (создать на бумаге заново!) безвозвратно ушедший мир — жизнь казачьей Кубани. Это ее столицу — Екатеринодар — называют герои «нашим маленьким Парижем». Временные рамки широки — от XVIII века, когда Екатерина II переселила запорожских казаков на Кубань, до нашего десятилетия. Но главное внимание отдано все же тем последним предреволюционным годам, когда Кубань была не только географическим понятием, одним из обширных краев нашей страны, но и — что гораздо важнее — образом жизни, специфическим миром, ревностно охраняющим свой уклад и лелеющим свои предания.

В. Лихоносов владеет уникальным материалом, связанным с историей Кубани и кубанского казачества, и этот материал, щедро рассыпанный по страницам романа, интересен сам по себе. Но его книга вовсе не об исторических судьбах казачьей Кубани, как это может подумать читатель, привыкший к немногим известным моделям советского социально-исторического романа.

Одна из таких моделей — «Тихий Дон», и сравнение, видимо, неизбежно. Понятно, что речь не о художественном уровне, а о замысле и позиции. Это книги очень разные, и разнятся они прежде всего своим пафосом. «Тихий Дон» представляет собой разворачивающуюся на наших глазах трагедию крушения прежнего уклада, утраты человеком старых ценностей и мучительного поиска новых. Трагедию эту просветляет вера автора в то, что история права, что все жертвы, принесенные человеком на ее алтарь, искупит прекрасное будущее.

Лихоносов писал свой роман в иной исторической ситуации — тогда, когда нашей общественно-литературной мыслью начали наконец осознаваться истинные масштабы того потрясения, которое пережила семьдесят с лишним лет назад Россия, когда давно уже составленный список обретений стал угрожающе уравновешиваться списком утрат. Рождаясь, новый мир декларировал свою полную противоположность миру прежнему, он высокомерно отказывался от родства и преемственности. «Переделать все!» — восклицал тогда великий романтик А. Блок.

Изменился, конечно, и человек, он обжил новую жизнь, создал новый быт и уклад... Но при этом что-то нарушилось в отношениях человека и мира, обнаружились какая-то хроническая неполнота и тревожное неблагополучие в атмосфере нравственной жизни народа. Рецепты исцеления предлагаются разные, собственно, в их разнице — суть современной литературно-общественной борьбы. Но в любом случае очень важно сохранить оставшееся, восстановить — хотя бы в памяти — то, что еще можно восстановить. Этим и озабочен В. Лихоносов, и перед своей книгой он ставит задачу, как бы обратную задаче Шолохова: аналитическому пафосу «Тихого Дона» он как бы противопоставляет пафос «синтетический». Именно поэтому так сравнительно мало места отдано в романе годам гражданской войны, да и в этих главах скитания героев наводят прежде всего на мысль об извечной ценности доброты, жалости, милосердия. При этом немалая заслуга автора — отказ от той специфической избирательности, которая долго предписывалась нашей исторической памяти, отказ от слишком простой системы ценностей («за революцию» — положительный герой, «против» — отрицательный), которая долго тяготела над литературой. Для Лихоносова все его герои — равно люди.

Восстановить целую жизнь — задача неимоверно трудная, тем более что писатель вводит в ее условие противоречие. «Еще и сочинять?!» — восклицает он. — Всякая литература искажает историю». На этой проблеме стоит остановиться, потому что в ней корень многих удач и неудач книги.

Никто не откажет В. Лихоносову в любви к тому, что он жаждет воскресить, эта любовь — сила, которая движет автором. Но налицо и попытка отказаться от «искусства». Стремление к «знанию всех подробностей» оказалось в книге столь сильным, что на многих страницах вытеснило «дар художественности». Следы работы в архивах, опора на многочисленные источники, подчас слишком наскоро переваренная газетная хроника — все это очень явно в романе. Я даже склонен поверить автору, что его герои не вымышленные лица, а реально существовавшие люди. Это было бы логично — в духе общего замысла, общей установки на достоверность, которую В. Лихоносов проводит очень настойчиво и последовательно.

В. Лихоносов пошел этим путем, и это его право, хотя надо заметить, что он как художник, в силу природы своей не смог избежать «сочинительства». Повторяет похищает Шкуропатскую, но она выходит замуж за его друга Бурсака, сохраняя на всю жизнь таинственное влечение к похитителю; медам В. переживает бурный роман с Бурсаком, а потом — в Петербурге — становится любовницей Толстопята, и т. д. Наверное, так случается в жизни, но для романа столь чудесные «совпадения» в таком количестве — явный избыток. В решении любовной темы (а она в романе одна из важнейших) писатель следует поэтике романса — недаром самые разные романсы так часто звучат на страницах книги. Впрочем, может быть, именно так и любили «в те баснословные года» и Лихоносов всего лишь бережно воссоздал давно забытые формы? Этот вопрос часто возникает при чтении книги — и не только по поводу ее любовной линии. Ответить на него не всегда легко.

Определеннее других героев кажется Петр Толстопят. К тому же он явно отмечен особой симпатией автора. В молодости гуляка и жизнелюб, офицер царского конвоя и удачливый любовник, в зрелости — эмигрант, мыкающий горе разлуки с родиной по постылой Европе, в старости он возвращается на родину — отрезвленным, умудренным, душевно открытым. Без сомнения, перед нами образ цельного, сильного, страстного, умеющего любить человека. Но роль главного героя такого большого романа ему явно не по силам — для этого он слишком ясен и предсказуем в каждом своем душевном движении. Сложнее «вечный либерал» Бурсак, натура не столько действующая, сколько рефлектирующая, но автор к этому своему герою не расположен — слишком часто нам демонстрируется его душевная неполноценность, какой-то вялый холод полуучастия в жизни...

Невольно задаешься вопросом: может быть, здесь и нет главных героев, не нужны они?

Оставим этот вопрос без ответа. Ясно одно — Виктор Лихоносов написал действительно интересную, по-настоящему самобытную, обладающую специфическим ароматом и обаянием книгу, которая по-своему отзывается на многие проблемы, поставленные нашим временем.

А. АГЕЕВ

ИВАНОВО

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ

Оправдание Гоголя

К 180-летию со дня рождения

Блестит вдали какой-то луч спасенья: святое слово ЛЮБОВЬ.

Н. ГОГОЛЬ

1

Начну со скорбного воспоминания. Пять лет назад, в день 175-летия со дня рождения Гоголя, я пришел на его могилу на Новодевичьем кладбище. Весна была поздняя, в ограде могилы стояла вода. Куски льда плавали в ней, перемешанные с обычным кладбищенским мусором — остатками искусственных цветов, выцветших лент, осыпавшейся хвои.

А на надгробной плите, которая уже подсохла и успела покрыться пылью, не лежало ни одного цветка, ни одной ветки, говорящих, что здесь кто-то был. Ни один писатель, ни один поэт, ни одна административная литературная голова не подумали, что в этот день надо прийти и поклониться Гоголю.

Зато через два часа я стоял среди толпы на Сивцевом Вражке, где в бывшем доме Аксаковых открывалась экспозиция, посвященная Гоголю. С крыльца дома, окруженного людьми, штатный советский сатирик зачитал что-то по бумажке о Гоголе, а выступивший вслед за ним министр — в который раз на нашем веку! — объявил, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» совершилось «падение» великого писателя.

А вечером того же дня те же действующие лица собрались в Колонном зале Дома союзов, чтоб похлопать речам о неразумном гении, который как будто все понимал, да вот, оказывается, не все, и мы — пусть постфактум, пусть посмертно — должны напомнить ему об этом.

Так было пять лет назад, а сегодня, похоже, и этого не предвидится: нет ни юбилейного комитета, ни высоких чинов, входящих в него, ни предусмотренных докладов, ни сатириков и министров, которые бы вспомнили, в какой стране они живут и кто составляет истинную славу ее.

Горько и больно, что у иных могил торжественная тишина, дорожки посыпаны песком, к ним кладут венки, их посещают почетные гости, а у других — где в благоговении должен застыть каждый мыслящий человек — запустение и проза смерти. Заросли грязью выбитые на надгробии Гоголя строки: «Горьким словом моим посмеюсь».

Слова эти взяты из книги пророка Иеремии (гл. 20, ст. 8) и в каноническом переводе звучат так: «Ибо лишь только начну говорить я,— кричу о насилии, вопию о разорении, потому что слово Господне обратилось в поношение мне и в повседневное посмеяние».

Слава Богу, что хоть эта плита сохранилась, а то ведь все было пущено в расход: и прежняя могила, и крест на ней, и камень «Голгофа», поддерживающий крест.

Вместо креста выросла мраморная колонна с бюстом, и на колонне золотыми буквами было начертано: «Великому русскому художнику слова Николаю Васильевичу Гоголю от правительства Советского Союза».

Правда, крест и камень исчезли раньше, за двадцать лет до этого, когда по воле того же правительства тело Гоголя было вырыто из земли и перенесено с погоста Данилова монастыря, превращенного в детскую тюрьму, на новое место. Гоголь был насильно переселен туда, где он, может быть, и не хотел лежать.

Как свидетельствует «Акт об эксгумации писателя Н. В. Гоголя», хранящийся в ЦГАЛИ, на этой церемонии среди прочих присутствовали писатели, и сердце ни одного из них не дрогнуло, когда гроб не только извлекли из могилы, но и приказали вскрыть. А кто-то запустил руку в гроб и обворовал мертвого Гоголя, как последний тать.

Случилось это 31 мая 1931 года.

А еще через некоторое время то же насилие было совершено над памятником Гоголю работы скульптора Н. Андреева, почти полвека простоявшим на Пречистенском бульваре. Этого Гоголя поставил здесь народ, и деньги на памятник собирал народ: я сам видел подписные листы, где крестьяне, не умеющие писать, ставили против внесенной ими суммы крестик. Волею того же правительства он был заменен на другого Гоголя, более *похожего* на директора департамента, чем на писателя.

И эта перемена места не принесла успокоения андреевскому Гоголю. Двор, куда он был «сослан», превращен в проходной двор. Гоголь сидит в тени чахлых кустов (раньше по его бокам стояли старинные фонари), и у подножия его лепятся детские песочницы и качалки. А мимо, из Мерзляковского переулка на Суворовский бульвар и обратно, пробегают люди с сумками и кейсами, бесстрастно скользя взглядом и по памятнику Н. Андреева, и по дому, где жил и умер Гоголь.

Не раз приглашали сюда министра культуры В. Г. Захарова и председателя исполкома Моссовета В. Т. Сайкина (далее это любезное приглашение по телевидению): приезжайте, милостивые государи (пешком не пойдете), посмотрите, подивитесь и устыдитесь. Нет, не едут. Есть, наверное, более важные дела.

Кстати, «значительные лица» и при жизни Гоголя на вспоминали о нем. Царь называл Гоголя Гоголем и думал, что он (а не В. Соллогуб) написал «Тарантас».

Его, как и капитана Копейкина, министры не принимали, а ко двору он и вовсе не был допущен — не тот чин. И, однако же, обращаясь в письме к министру просвещения С. Уварову с просьбой защитить его от произвола цензуры, Гоголь напомнил тому, что хоть он и министр, а проситель всего лишь поэт, положение у них в истории равное. Ибо «бедному имени» поэта, как пишет Гоголь, может быть, «суждено достигнуть потомства».

И это говорили в нем не гордыня, не оскорбленное самолюбие, у которого не было другого способа защититься, а истинная вера в то, что поэт выше министра, выше царя, ибо ему дан дар слова, а слово — «подарок Бога человеку».

Это давняя идея Гоголя, высказанная им еще в ранней статье «Ал-Мамун» (1834 год) и потом развитая в «Выбранных местах из переписки с друзьями», где вопрос о поэте и власти, о власти гражданской и власти духовной занимает не последнее место.

Сама идея издания такой книги, где поэт брал бы на себя обязанность человека, судящего обо всех сторонах государственной жизни, о деятельности губернатора, министра, царя и при этом подавал бы им советы (одна из глав «Выбранных мест» так и названа—«Советы»), казалась в то время дерзостью.

Ибо что был тогда поэт в России? В глазах людей политики, людей правительства он был ничто. Он был тот же чиновник, стоящий на невидимой нижней ступени лестницы и вожделенно глядящий наверх в ожидании руководящих указаний.

Люди политики, люди власти считали, что они вершат судьбы мира, и потому они — первые, а все остальные — вторые, третьи, четвертые и т. д.

Гоголь в своей книге излечил их от этого самообольщения.

И именно поэтому его книга не понравилась ни при дворе, ни в царском доме. И именно поэтому целые главы из нее были выброшены цензурой.

Я думаю, стройному хору нашего литературоведения, твердящему вслед за Белинским, что Гоголь хотел этой книгой подыскаться к царю, желал каких-то выгод, пора перестать повторять, что эта книга— *падение Гоголя*, а признать, что *она — подвиг Гоголя*.

Сам царь не мог не смутиться, читая строки, обращенные к нему в главе «О лиризме наших поэтов»: «Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значенье свое — быть образом Того на земле, который сам есть любовь». Без этого условия — без исполнения царем земным наказов царя небесного — не мыслил себе Гоголь, что тот, кто обладает властью, имеет право на власть. В одном из вариантов книги было сказано еще определеннее: «Власть государя — явленье бессмысленное, если он не почувствует, что должен быть образом Божиим на земле».

2

Когда говорят и пишут о Гоголе, то всякий раз восхищаются его поэтическими творениями, его даром живописца, сатирика, юмориста, но при этом не то чтобы третируют, а стараются оставить в тень другую сторону таланта Гоголя — сторону пророческую, учительскую, проповедническую, которая дана ему была так же, как и способность через волшебное стекло видеть мир.

Даже В. Набоков, этот тонкий знаток и чтец текста Гоголя, в своем знаменитом эссе «Николай Гоголь», недавно явившемся у нас, отделяет метафоры Гоголя от самого Гоголя, его язык — от его идей. Он пишет, что феномен Гоголя — это феномен языка, а не идей, не принимая в расчет, что феномен Гоголя—еще и феномен сердца и именно поэтому Гоголь — великий русский писатель.

Как бы ни иронизировал В. Набоков над тем, что литература должна быть «познавательной, национальной, воспитательной или питательной, как кленовый сироп и оливковое масло», она в России всегда была такой — она делалась на миру и для мира, и раскол, проходивший по жизни, проходил по сердцу художника. «...Никак не в силах я писать мимо меня самого»,— говорил Гоголь, и эти слова могли бы повторить Достоевский, Лесков, Л. Толстой. Они выходили со своими вопросами на площадь, а не в гостиную. Русскую литературу всегда отличало высокое плебейство — она хотела и быть полезной, и учить, и пророчествовать на стогнах.

«Без Гоголя, — пишет другой автор русского зарубежья, К. Мочульский, — быть может, было бы равновесие, антология, благополучие; бесконечно длящийся Майков, а за ним бесплодие; после Гоголя — «полное неблагополучие», мировой размах и мировая слава». К. Мочульский добавляет, что Гоголю был присущ «магический идеализм» в отношении искусства, что Гоголь считал, будто искусство способно пересоздать жизнь, переделать ее согласно идеалу поэта. Эти требования к искусству поднимали его до задач, приближающихся к задачам религии, но Гоголь и не отрицал этого. Он прямо писал, что поэзия — это незримая ступень к христианству.

Как, однако, совместить эту высокую цель со смехом Гоголя, с его даром иронии, насмешки над человеком, над это несовершенством, в котором тот, впрочем, не виноват? Как вознести в эти горние Акакия Акакиевича и Поприщина, Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, Ивана Федоровича Шпоньку, старосветских помещиков? Или Хлестакова и Чичикова?

Гоголь видит только один путь — это путь любви.

В записных книжках Гоголя, относящихся ко времени писания второго тома «Мертвых душ», есть такие строки: «Боже, дай полюбить еще больше людей. Дай собрать в памяти своей все лучшее в них, припомнить ближе всех ближних и, вдохновившись силой любви, быть в силах изобразить».

Это похоже на слова молитвы, но именно такие молитвы и составлял для себя Гоголь, веря, что они поддержат его и в путешествии, и при писании, и при приступах уныния духа. В той же записной книжке читаем: «Филарет о русском народе: «В нем света мало, но теплоты много».

Вопрос о свете — коренной вопрос для Гоголя. Вспомним, как Левко в «Майской ночи», отыскивая среди русалок ведьму, безошибочно находит ее: «тело ее не так светилось, как у прочих: внутри его виделось что-то черное». «Страшна душевная чернота, — восклицает Гоголь в «Завещании», открывающем «Выбранные места из переписки с друзьями», — и зачем видится это только тогда, когда неумолимая смерть уже стоит перед глазами!»

Фото Ф. ЕВГЕНЬЕВА

Тема черноты душевной — тема и «Страшной мести», и «Вия», и «Записок сумасшедшего», и «Портрета», и «Мертвых душ». «...Полюби нас черненькими,— говорит Чичиков во втором томе, — а белинькими нас всякой полюбит». Полюбить людей «черненькими» для Гоголя значит спасти их от черноты, избавить от черноты, изгнать ее из их душ.

И как это сделать? Поучением, смехом или личным примером? Гоголь считает, что прежде всего личным примером. Летом 1850 года, посещая Оптину пустынь, он делится своими сомнениями с иеромонахом обители и, прося у того защиты, пишет о себе: «...я всех грешнейший и недостойнейший». Он просит молиться за него, ибо Христос «силен, милосердый, сделать все и меня, черного, как уголь, убелить и возвести до той чистоты, до которой должен достигнуть писатель, дерзающий говорить о святом и прекрасном».

Таким образом, Гоголь не отделяет задач, которые стоят во втором томе перед его героями, — задач очищения и просветления от себя самого и от своей жизни.

Жизнь Гоголя и есть в этом смысле пример. Она вся — оправдание его максим, как и многие писания Гоголя — оправдание перед читателями за собственный смех.

В «Театральном разъезде» он оправдывается за «Ревизора», в предисловии ко второму изданию «Мертвых душ» — за «Мертвые души», в «Развязке «Ревизора» — вновь за «Ревизора», а в «Выбранных местах из переписки с друзьями» — за всю свою жизнь и за все творчество. Не обошлось и без оправдания за «Выбранные места»: им стала «Авторская исповедь».

В этой исповеди он, между прочим, писал: «...я думал, что в некоторой части читателей есть какая-то любовь. Я не знал еще тогда, что моя имя в ходу только затем, чтобы попрекнуть друг друга и посмеяться друг над другом. Я думал, что многие сквозь самый смех слышат мою добрую натуру...»

Смех Гоголя и по сей день принимают за нечто похожее на смех Свифта или Щедрина. В нем слышат посвисты Ювеналова бича. Но он мягок, этот смех, и он «светел», как утверждал Гоголь. Он весь излетает из светлой природы поэта.

И положа руку на сердце спросим себя: разве это на так? Разве смех Гоголя тянет нас в глубину омута, в глубину черноты человеческой, в не возносит, не поднимает над ними и над самою смертью? Потому что на пути смеха Гоголя встает неумолимая стена — смерть. Кажется, об нее должны разбиться и смех, и веселье, и сама радость жизни, играющая в смехе.

Но не ей ли, этой старухе с косой, бросает вызов Гоголь своим смехом? Не через ее ли темные владения перелетает смех Гоголя, перенося человека в бессмертие? «Душа человека бессмертна!» — воскликнул московский цензор, отвергая название поэмы Гоголя. И что самое смешное — он думал так же, как автор. Автор нарисовал на обложке своей поэмы все этажи «комедии жизни» — наверху скачущие тройки, блюда с угощениями, рюмки и бутылки, а внизу виньетка с черепами — неминуемый, ждущий человека конец. Но и через эту черту смерти перелетает смех Гоголя, как проносится мимо похорон прокурора в конце первого тома «Мертвых душ» тройка Чичикова, обращаясь затем мановением жезла Гоголя в тройку-Русь.

Так что и вопрос мужиков, стоящих у дверей кабака в тот момент, когда бричка Чичикова въезжает в город, доедет ли чичиковское колесо до Казани и до Москвы или не доедет, не празднен, не пуст, не случаен, он в шифре поэмы означает слишком многое: доедет ли тройка Чичикова (а вместе с нею и Чичиков) до бессмертия или нет?

3

Все это объясняет и тон, и начало, и финал следующей за первым томом книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Они начинаются с «Завещания», со слов о смерти и завершаются главой «Светлое Воскресенье», где речь идет не только о празднике Пасхи в России, но и о воскрешении души. Волей-неволей я то и дело поминаю эту книгу и ссылаюсь на нее, потому что она по-прежнему менее всего читаема, менее всего известна (ее стали включать в собрания сочинений Гоголя только несколько лет назад) и за ней вот уже почти полтораста лет тянется недобрая слава какого-то проступка, ошибки, какой-то стыдной страницы в истории русской литературы.

Меж тем, может быть, с этой книги надо начинать читать сегодня Гоголя. Если Гоголь «Вечеров», «Ревизора», «Арабесок» и «Мертвых душ», Гоголь «Миргорода», «Женитьбы», «Тяжбы» и «Тараса Бульбы» почитаем и принят, то эта книга все еще сопровождается осторожными комментариями, написанными так, как будто авторы боятся обидеть резко отозвавшегося о ней Белинского.

Оценка Белинского и Герцена (присоединившегося к заключению, что она — падение Гоголя) как передовых людей века все еще довлеет над несчастной «Перепиской». И ни возражения Толстого, ни высокое суждение о ней А. Блоке (в до них П. Чаадаева и И. Аксакова) не могут изменить положения.

Но прочтите ее сейчас, и вы увидите, что, «имея ухо слышать вперед», поэт в ней прозрел многие «страхи и ужасы России», которые потрясли ее в XX веке.

Он прозрел, что понятие «свет» будет заменено в ней понятием «просвещение», что свет науки, свет учебников, свет формул погасит сияние света души, света любви. Гоголь предупреждал, что упования на непомерную веру в науку приведут лишь к гордыне ума. Он писал: «...ум идет вперед, когда идут вперед все нравственные силы в человеке, и стоит без движенья и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы». Еще до Достоевского, выбравшего себе в оппоненты Бюхнера и Молешотта, он сказал: «Поразительно: в то время, когда уже было начали думать люди, что образованьем выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, — дорогой ума...»

«Гордость ума» и гордость «чистотой своей», дошедшие до «страшного духовного развития», — вот две опасности, которые стоят рядом. Человек, уверовавший в чистоту свою, в чистоту и превосходство своей идеи, готов ради этой идеи (и ее «чистоты») погубить полчеловечества. «Уже и умные люди начинают говорить ложь противу собственного своего убеждения, из-за того только, что гордость не позволяет сознаться перед всеми в ошибке — уже одна чистая злоба воцарилась наместо ума».

Мы помним жалостливый возглас Акакия Акакиевича, который послышался молодому чиновнику, видящему, как издеваются над Башмачкиным его сослуживцы: «Я брат твой». Так вот этих слов не признает гордый ум. «Все человечество готов он обнять, как брата, а брата не обнимет. Отделись от этого человечества, которому он готовит такое великодушное объятье, один человек, его оскорбивший, которому повелевает Христос в ту же минуту простить, — он уже не обнимет его. Отделись от этого человечества один несогласный с ним в каких-нибудь ничтожных человеческих мненьях,— он уже не обнимет его...»

Так что не курсом наук и не учебниками можно приблизить человека к свету, а внушеньем любви к такому же, как он, человеку, который стоит не далеко от него, а близко. Ибо легко любить дальнего и нелегко любить ближнего. «Просветить,— пишет Гоголь,— не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь... Недаром архиерей, в торжественном служении своем, подъемля в обеих руках и трехсвещник, знаменующий Троицу Бога, и двусвещник, знаменующий его сходившее на землю слово в двойном естестве его, и Божеском и человеческом, всех ими освещает, произнося: Свет Христов освещает всех!»

В делах просвещения Гоголь видит первой обязанностью просветить «прежде грамотных, чем безграмотных», просветить сначала тех, кто поставлен просвещать народ. Потому что, не сделавши этого, не добьешься успеха и в просвещении народа.

Гоголь как-то обмолвился в одном из писем, что русские привыкли строить без база. Без — *это основа*, прочность и твердость двора и дома, семьи и государства. На непрочной основе, на зыбкой почве, на шатающемся фундаменте ничего не выстроишь, а фундамент этот строится из традиции, из верности заветам предков. Предки же завещали каждому из нас делать свое дело на своем месте.

Честный труд на своем месте — одна из сквозных идей «Выбранных мест из переписки с друзьями». Тем более что составлена эта книга из писем, обращенных к людям, каждый из которых профессионально занимается каким-то делом: один пишет стихи, другой руководит губернией, третий создает картины, четвертый священствует, пятый ведет хозяйство в деревне.

Всякое отклонение от своих обязанностей, всякие метания и перескоки на чужое дело — дело, которое ты не умеешь и не желаешь делать, а *исполняешь* лишь по необходимости, губят личную и государственную жизнь, вносят в нее бессмысленность «путаницы».

Особенно Гоголь останавливается на фигуре «секретаря-посредника» в разных делах, в том числе в делах искусства, который сует нос не в свое дело и мешает знающему работнику.

Губителей «база», губителей прочности жизни Гоголь видит в людях «односторонних», людях-«фанатиках» («Односторонние люди и притом фанатики — язва для общества, беда той земле и государству, где в руках таких людей очутится какая-либо власть») и таких вот «секретарях».

Вот как выглядит деятельность этих секретарей по управлению искусством: «Выходит инструкция для художника, писанная вовсе не художником; является предписанье, которого даже и понять нельзя, зачем оно предписано». «Нужно, — продолжает Гоголь, — чтобы в деле какого бы то ни было мастерства полное его производство упиралось на главном мастере того мастерства, а отнюдь не каком-нибудь пристегнувшемся сбоку чиновнике, который может быть только употреблен для одних хозяйственных расчетов... Только сам мастер может учить своей науке, слыша вполне ее потребности, и никто другой».

Главный тезис книги Гоголя, входящий в противоречие с тезисами радикалов — сторонников насильственного переустройства жизни, — состоит в том, что не революциями и разрушениями преобразуется общество, не переменой внешних обстоятельств, а переменами во внутреннем мире человека.

Отвечая Белинскому на его гневное письмо по поводу «Выбранных мест», Гоголь писал: «...Общество образуется само собою, общество слагается из единиц. Надобно, чтобы каждая единица исполнила должность свою... Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство».

Спор Гоголя с Белинским предвосхищает споры Достоевского и Лескова с нигилистами, споры Л. Толстого с революционерами. Тут на одной позиции бомбометатели и приверженцы изменения основ общества с помощью силы, на другой — философы самосовершенствования, противники крови, противники насилия.

«Вы говорите, что спасенье России в европейской цивилизации, — пишет Гоголь Белинскому. — Но какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивилизации, которое бессмысленно повторяют все. Тут и фаланстерьен, и красный (в другом варианте: «коммунист ли, фаланстерьен», — И. З.), и всякий, и все друг друга готовы сьесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наше цивилизация?»

Другое место из письма касается пункта о церкви — одного из главнейших пунктов манифеста Белинского: «Вы отделяете церковь от Христа и христианства, ту самую церковь, тех самых... пастырей, которые мученической своей смертью запечатлели истину всякого слова Христова, которые тысячами гибли под ножами и мечами убийц, молясь о них, и наконец утомили самих палачей, так что победители упали к ногам побежденных, и весь мир исповедал это слово... Кто же, позабыв, ближе и лучше может истолковать теперь Христа? Неужели нынешние коммунисты и социалисты, объясняющие, что Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние. Опомнитесь!»

Никто, прочитав эти строки, не скажет, что Гоголь не понимал состояния современной ему России, был далек от него. Гоголь выступает в этих предсказаниях как предтеча автора «Бесов» и «Дневника писателя», автора, вышедшего не только из гоголевской «Шинели», но прежде всего из «Выбранных мест из переписки с друзьями» и спора Белинского с Гоголем.

4

Какие бы излишества, какие бы преувеличения ни присутствовали в этой книге Гоголя (а они есть и идут не от злого намерения, а от увлечения предметом), это книга праведная. Судите сами: гениальный писатель, человек, которого общество признало своим вождем, своим духовным учителем и разрешило ему «клеймить» его недостатки, вдруг покидает воздвигнутое для него возвышение и, опускаясь долу, просит у людей прощения за свои грехи. «Лучше ли мы других народов?.. Никого мы не лучше, — говорит Гоголь — а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их». Но и я, писатель, говорящий это в лицо своим соотечественникам, ничуть не лучше любого из них, я вижу свои «мерзости», свое самолюбие и объявляю об этом открыто.

Гоголь не юродствует, не рисуется, не играет роль на театре, а искренне отворяет дверь своей душевной кельи, чтобы в ответ получить столь же искреннее исповедание.

Разве это не благородство, разве это не святость? Назовите мне хоть одного современного автора, который мог бы о себе сказать так — никого я не лучше, а хуже других, кто способен был бы возвыситься до сознания хотя бы своего временного поражения, а Гоголь после «Выбранных мест из переписки с друзьями» признался: «Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым...»

Нет, не вижу я подобных примеров, не наблюдаю их.

Поступок Гоголя — выход за пределы «заколдованного круга» литературы, выход с глубоко личными признаниями к народу — и по сию пору кажется кому-то нонсенсом, чуть ли ни сумасшествием. Меня, во всяком случае, часто спрашивали, не сошел ли в конце жизни Гоголь с ума.

Такой же загадкой кажется и его смерть, сожжение второго тома «Мертвых душ», где он хотел показать «прекрасного человека», да вот не смог, не успел. Он все не находил черт этого человека в себе, и терзался, и переписывал, переписывал, переписывал.

Не все из того, что хотел сжечь Гоголь, полетело в огонь: остались главы второго тома «Мертвых душ», остался черновик «Размышлений о Божественной литургии», остались письма Пушкина. Их Гоголь не мог уничтожить, не имел сил: Пушкин был для него святыней, единственным человеком в России, авторитет которого он признавал над собой.

Сама эта любовь Гоголя к Пушкину, почитание Пушкина — в Пушкин в «Выбранных местах из переписки с друзьями» стоит на втором месте после Христа — говорят о чистоте сердца Гоголя, о том, что это «прекрасное сердце», как сказал Лев Толстой.

Гоголь умер, не оставив после себя никакого состояния, ничего, кроме книг, портфеля с бумагами и того облика «мученика высокой мысли» (слова С. Т. Аксакова), который запечатлелся в памяти его современников.

И когда он оставил этот свет — оставил сознательно, а не по велению какой-то болезни, оставил, потому что считал, что «сослужил свою службу» и исполнил все, что мог,—сомкнувшаяся над его гробом Россия поняла, что он и был тот прекрасный человек, которого — казалось бы, тщетно — пыталась изобразить его кисть.

Поэзия

Григорий ПОЖЕНЯН

После марта...

Как изменились времена,
хоть флаги те же.
И нерва боль оголена:
жить или не жить.
И весла не гнетут гребца:
лишь даль доверьте.
Но не всегда, не до конца
затвор доведен.
А то еще на полпути,
на полуправде
порой перестаем грести
на перепаде.
Недосказав, недоказвав,
едва прошамкав,
опять откатимся назад,
напялив шапки.
Мол, нечего пытать судьбу,
валить вину всю.
И снова тысячи в гробу
перевернутся.
И сразу станет не бела
дорога в мартах.
И зазвонят колокола,
как при Стюартах.
И снова стон в краю моем,
в немых кайданах,
не кончившись в тридцать седьмом
на магаданах.
И я, и я потом, потом,
в сорок девятом,
стою один, с оглохшим ртом,
в бушлате ватном.
А где-то мечутся скворцы
на крыльях молний.
А по ночам кричат отцы
со стен безмолвных...
И все равно,
и все равно —
судьбе спасибо.
И раз двух жизней не дано —
одну спасите.
Все будет так, как быть должно.
Душа в осаде.
И раз двух жизней не дано —
одну спасайте.

■

Ох, уж этот клен зеленый, лист кленовый!
И напелись, и наплакались — довольно.
Начинаем понемногу жить по новой.
Жить по новой: не округло, не продольно.
А хотелось бы в апрельской светлой раме
и за рамой, чтоб не кланялись, не лгали.
Чтобы старое легло под топорами.
Чтобы новое муравилось лугами.
Дни качаются на валком коромысле,
словно мы своей же смелости не рады.
Что-то скрыли, кто-то струсил,
где-то скисли.
То «не в жилу», то не стоит, то не надо.
Но стотысячные толпы, как ни странно,
перед идолами больше не немеют.
Им на площади теперь уже не страшно,
и никто друг друга бросить не посмеет.
Что ж мы топчемся то под гору, то в гору?
Что ж двоимся мы и до конца не скажем,
что вошли уже с грехом с такую пору,
что неистово в ногах у правды ляжем?

■

В толпе все кто-нибудь поет.
А. БЛОК

Когда остойчивость, и мудрость,
и опыт жизни не вольны,
и ты в плену, как на Бермудах,
непредсказуемой волны.
И гнев ли это или шалость,
но истина оголена.
И все сместилось, все смешалось:
два встречных ветра
и два дня.
Не вздох спасательного бота,
надежды мизерный паек,
а то, что непременно кто-то,
«в толпе все кто-нибудь поет».

■

Так еще никогда не бывало,
чтоб зиме надоела зима,
чтоб она, хлопнув дверью, сама
разодрала свое покрывало,
с крыш сползла, разморозила льды,
разжимая свинцовые веки,
растопила сугробы и реки
и ушла, заметая следы.
В зоне вечной ее мерзлоты,
там, где властвует зимняя каста,
я узнал, как бывают просты
и закручены нити коварства.
И послы у нее хороши,
и сама она в наших широтах
на апрельских крутых поворотах
вдруг окажет и мягкость души,
и в засвеченном небе высоком
захмелеет от вешних лучей,
от шального круженья грачей,
от вербы и от прелой осоки.
Но не сломлена, хоть и хмельна,
не подвластными грешным ходами
по траве сорок дней холодами
будет к нам возвращаться она.

Кенар

Не собаку, а птицу
себе заведу.
С нею легче клевать
и печаль, и беду.
Затоскую — мы с ней
посвистим, попоем.
А господь осенит —
полетаем вдвоем.
А повадится чарка
морозного дня,
будет кенар сидеть
на плече у меня.
И замрет, еле слышно
крылами шурша,
словно в душу заелянет
родная душа.
И не в тягость другим
без затей доживу...
Птицу — в небо.
А сам — с легким сердцем —
в траву.

■

Ах, как я кричал когда-то:
— Вашу мать... концы и кранцы...
Бродят по военкомату
одноногие «афганцы».
Их суровые медали
однозвучны и негромки.
Их клевать не перестали
похоронки... похоронки...
Знать бы, что чему основа,
что бедою отбелило.
Может, не случилось сно
то, что было, то, что было.
Может, кануло б с концами
и ушло дурными снами
то, что делали с отцами
и что с нами, и что с нами.
Не пришедших на свиданье —
тех, кто с горечью повенчан,
одарите за страданья
и воздайте за увечья!
Но куда что подевалось,
будь я проклят, в самом деле.
Глупые — навоевались.
Умные — разбогатели.

■

Ни признания не надо,
ни сочувственной слезы.
Было б глупо от лозы
ждать зимою винограда.
Я на суше бестолков.
Мой кумир — певучий зяблик.
Вдоволь трав и горы яблок —
для детей и стариков.
Надоел обидный спор
про порядочных и равных.
И про красный светофор,
что работает исправно.
Надоело про царей.
Правы те, что так не схожи.
У любви нет цвета кожи.
Нет законов для морей.
И у бездны нет предела.
Есть предел для немоты.
И со смертью тот на «ты»,
чья душа отвергнет тело.
Так задумала природа.
Знает каждый пешеход,
что подземный переход —
только место перехода.

■

Закольцованные кругом
жестких вьюг.
У друзей друг перед другом
нет заслуг.
В дружбе выгод нет и чина.
И она
бескорыстна, беспричинна
и прочна.
Что б ни сталось, кто б ты ни был,
как на слом.
Нас пытают тем же небом,
тем же злом.
Нам кукушка куковала
не до ста.
Было много, стало мало
неспроста.
Не на убыль только глаха,
как на грех.
Но летает наша птаха
выше всех.
Оттого, что мы не слабы
полетать.
Оттого, что наши бабы
нам под стать.
Оттого, что не заслугами
сильны.
Оттого, что мы не слуги,
а сыны.

■

Неземных возвышений
последняя низка моя.
Нанижу на тебя
всех безмерных пристрастий моря.
Упованье хмельных,
обнаженных знаменьем небес.
И на горле стяну
отпеванием баховских месс.
Ох, уж эта синица
в гортани воскресшей весны!
Все земные границы
без тебя, как рубахи, тесны.
Ни признанья, ни славы —
без тебя.
На прикол — якоря.
И все травы — не травы
без тебя.
И моря — не моря.

Короли

Сами мы короли
не в ночи, а с утра.
Не сжигать корабли —
строить их в ордера.
Ни сейчас, ни потом
не жалейте кили.
После нас — не потоп,
если мы короли.
Надоело брюзжать:
не чума, не война.
Если губы разжать —
речь далеко слышна.
Время, вскинув свечу,
не приходит само.
Все нам, брат, по плечу,
если мы не дерьмо.

Валентин УСТИНОВ

Кукушка

Где ты, кукушка, за радужным бором?
Стынет пурга на бегу.
Елки в чахоточных сизых уборах.
Крыши бараков в снегу.

Стынет отец средь пурги в лазарете.
Гнется дыханья лоза.
Лишь зеленеют мольбою о лете,
лишь зеленеют глаза.

В легких пылают военные воды,
лагерный голод и мрак.
Как тебе — враг трудового народа,
бывший балтийский моряк?

Вязнет дыханье в чахоточной тине,
в легком, сгоревшем в бою.
«Мертвой дорогой» зовем мы доныне
смертную стройку твою.

Где ты, кукушка, весталка Пальмиры?
Годы считать нелегко.
Ангелы строек страны — конвоиры —
режутся рядом в «очко».

Ангелы преют от скуки в бараках,
пухнут от карт и вина.
Разве что жизнь беспробудную на кон —
честная будет цена.

Выйдут — глаза обморочат в повязки.
А проигравшего — в центр.
Ах ты, минутка — полночная сказка!
Пой свою песенку, цель.

Ну-ка, считай свои годы, кукушка!
Вскрикни — и спрятайся в снег:
вдарит на звук трехлинейная пушка —
хватит веселья на всех.

Смерть заскрипела вокруг лазарета,
с хохотом вязла в трубе.
Слушай, отец: из зеленого лета
птица явилась к тебе.

Вот оно! — «ку...» — и рванула зарница...
Ждал до скончания сил.
«Люди, — шептал, — ну зачем вы по птице?
Сколько мне жить — не спросил...»

Пустосвят

Бросив скит, он явился в мир
и учил под распятием в поле:
«Как повергну — топчите кумир!
И познаете путь или волю!»
Но в смущенье отпрянул народ:
«Бог нам — труд.
Как отринем мы бога,
если сразу взойдут недород,
и сума, и тюрьма, и дорога?..»

Возопил он вдоль судеб земных:
«Благо вам, сокровенные души!
Нет блаженнее вас ни в дневных,
ни в ночных измерениях суши».

Через день он явился на торг,
в пыль тщеты опрокинул распятье.
И вторично учил.
И исторг
из толпы и божбу, и проклятья:

«Что нам воля? Какая в ней сласть?
Путь нам ведом: продай, если куплен.
Дай нам лучше барыш или власть —
все распнем или сделаем углем».

Воскрылил окаянный чернец:
«Продавайтесь — я вас покупаю!»
И скатился терновый венец
вниз по торгу до черного краю.

То ли громом окуталась высь,
то ли храмы задыбились, шатки,
то ли страшно и разом взялись
на ворах неповинные шапки.

«Не горюйте на чудо, ворье! —
закричал им проклятый расстрига. —
Ваша ложь за отвагу сойдет,
а за правду — поддельная книга.

Вам теперь гулевать — на беду
всякой твари на море и суше.
Вам следить, чтоб молились труду
сокровенные чистые души».

Притча о ступенях творения

И начинается вечность творенья!
Вот он горстями крылатое семя
в землю, в ее беспредельное время
мечет дождем метеоров весной.

И начинается тайна горенья!
В сочных просторах струятся коренья —
полные темного страстного пенья,
силы телесной и правды мясной.

Но очищаются временем соки —
до посвящения в свет превысокий.
Синие лезвия ярой осоки
режут мечами земли скорлупу.

И начинается гордость паренья!
Стебли возводят ступенями звенья.
В звонах восходов растет ускоренье —
зерна и звезды устлали тропу.

Кто там стоит подле горней дороги —
седобородый, торжественный, строгий?
Ставит на корни чугунные ноги
и подсекает растенья надежд?

Кто там подъемлет на острые вилы
чуда творений, что вечности милы?
Бог? или звездные темные силы —
в белом сиянье холщовых одежд?

Кто там в поклонах над пашней веками
щупает землю душой и руками —
жить пробуждая безжизненный камень,
мертвый огонь и воды пустоту?

Кто там меж гряд на истертых коленях
дышит в молитвах над каждым твореньем
и воспаряет вослед за растеньем
чистой душою творца в высоту?

Кто там стоит — меж землею и небом,
днесь наделив все насущное хлебом —
в думе извечной, в сомненье нелепом:
что он такое? откуда? зачем?

Если творец и судитель творений —
кто же тогда сквозь мольбу песнопений
шествует в звездных песках по колени
в белой хламиде, с косой на плече?

Русь великая

Нечерноземье — крупнейший с.-х. и пром. р-н в Европ. части СССР. Включает 23 обл. и 6 АССР, входящих в РСФСР... Весьма перспективен в аграрном отношении.
Сов. энциклопедический словарь

Лежу у родника. Даль глубока.
То солнце. То кузнечики. То дрема.
Четыре дома, крытые соломой,
в затишье греют древние бока.

Н ни-че-го — на много, много дней.
Ни трактора. Ни лошади. Ни дыма.
На старой пожне новый ельник дыбом —
синцы над ней да ящерки на дне.

Какая глушь! Как блещет на полях
прекрасная бесстрастная природа!
Смешно: за земли ссорятся народы,
когда пустует брошенной земля.

Смешно: вчера московский князь Иван,
смяв новгородской вольности оплоты,
нарек в гордыне топи и болоты
Великой Русью — на смятенье стран,

увидевших в чащобах райский луг.
Но где былые меды? Сёла? Нивы?
Где мир людей, раздольный и красивый?
Одно нечерноземие вокруг.

Мне говорят: прошла пора мотыг,
смешны полоски пашен — словно доски.
И все же... Все же, глядя на березки,
я вспоминаю сладостный мотив:

как пел петух во всю земную ширь,
капель кипела посреди природы.
И хорошо творили жизнь народы
в раю вселенной — в этой вот глуши.

Лежу у родника — грусть глубока.
Внемлю — и всей душою не приемлю,
как все застойнее течет сквозь земли
безмолвная, безлюдная река.

29 января 1987 года в Нескучном саду

По аллеям гром и пляс!
Гам и пляс! Глум и пляс!
Барабаном стонет наст —
стынет в нас, стонет в нас.
Морок, вьюга пыли.
И грохочет телепасть —
так хохочет наглый бас:
«Полтораста лет назад в этот день
в похожий час
Пушкина убили!»

Ах, потешки, скоморохи!
Шулера, дельцы, пройдохи!
Дети массовой эпохи и ее отцы-творцы!
Стервецы и подлецы!
Все знавала мать-Россия — все терпела,
все сносила.
Но колпак шутов — ослиный! —
не напяливала силой
на терновые венцы.

И торчит, молчит, глазея,
вдоль аллей людей стена,
как летит над панихидой
на ходулях сатана,
рубят рок подручные.
Ах ты, родина-Расея — развеселая страна:
то вина за власть вина,
то разруха, то война —
то сады нескучные.

Притча о богоравном рабстве

Я прах — но из праха для воли восстал.
И пламенный путь предо мной заблистал.

Булыжники чувств — и перила идей.
— Пойдемте! — воззвал, увлекая людей.

Отвага движенья. Просторы надежд.
И мысль — во сиянии новых одежд.

Но каменный идол на гневном коне
предстал перед нами во тьме и огне.

Молчал, возвышаясь, — как будто кричал.
А люди кричали — хоть каждый молчал.

— Не бойтесь огня, что застынул в веках! —
и воля запела в подъятых руках.

Творись, моя воля, из пламенных ран!..
Я камень прошел — словно черный туман.

Холодные вихри и клубы годин.
Я вышел из них. Но увидел: один.

Назад возвратился — по лезвию дня.
А люди давно позабыли меня.

С кирками, с ломами упрямства в руках
тянули туннель упований в веках.

Очнитесь! Не надо железных трудов,
погибших во штольнях и плачущих вдов.

В душе за печатью вам тайна горит —
над идолом жизни и смерти парит.

— Смотрите! — всю силу любви и добра
я в волю собрал — задымила гора.

Пространство и время утратили связь.
И всласть я испил беспредельность
и страсть.

И вновь возвратился — по нити огня.
Но люди опять позабыли меня.

Взирали — зажмурясь — на марево звезд.
И строили мост — аж на тысячу верст.

Вздохнув, я отринул надежду и страх.
Из праха восставший — вернулся во прах.

Я раб меж рабов — за ступенью ступень
возводим мы лестницу вверх по сей день.

Ну что мне поделать! Люблю их в беде,
в беде и в труде — богоравных людей.

Уж лучше делить и тюрьму, и суму,
чем богом служить — но себе самому...

КОНКУРС ЛГ

Ф. ГУБАЕВ. ВЕСНА НА ДВОРЕ...

БЕСЕДА *за рабочим столом*

Семен ЛИПКИН:

ДЕРЗОСТЬ И ТРЕПЕТ

— Я начал печататься в Москве, — вспоминает С. Липкин, — 60 лет назад. Сначала все шло прекрасно, меня публиковали «Новый мир», престижный по тем временам альманах «Земля и фабрика». Образуется замечательный круг знакомых и друзей, я много пишу, некоторые мои стихотворения (их показывал Мандельштам Клюеву) носят славянофильский характер. Написаны они были под влиянием Хомякова и Лескова, что казалось мне необычайно оригинальным. Ну, это детали, а в общем все складывалось как нельзя лучше. Скоро должна была выйти первая моя небольшая книга. Но постепенно РАПП, который пытался съесть и более крупную дичь, съел и меня.

— Однако в 1934 году вы, Семан Израилевич, были приняты Горьким в только что созданный Союз писателей, стало быть, вас съели не окончательно. И потом — за что принимали, если не печатали?

—К тому времени я уже много занимался переводами. Сначала привлекла возможность на хлеб насущный заработать. Но затем увлекся по-настоящему. Я благодарен судьбе за то, что начал переводить произведения Востока.

— Значит, не верить зарубежным радиоголосам, которые любят повторять, что вы переводами загубили в себе настоящего поэта?

— Они ошибаются. Я очень люблю переводить, особенно эпос. Перевел калмыцкий «Джангар», киргизский «Манас», кабардинские, балкарские, абхазские «Нарты», бурятский «Гэсэр», индийскую «Махабхарату».

— Тянуло же вас к «байско-феодальным эпосам», о чем вам со всей строгостью было сообщено на секретариате правления СП СССР, происходившем в разгар борьбы с космополитизмом.

— Еще как тянуло. Но тогда мне повезло. По тем временам секретариат кончился мирно. Один грозный голос требовал моего исключения из Союза писателей, остальные были настроены более благодушно — решили отделаться выговором. А Фадеев еще и пошутил: у Липкина тяжелая рука — как переведет эпос, он тут же объявляется феодальным. И все же, повторяю, я любил переводить.

Рядом с подстрочником у меня всегда лежал текст подлинника. Я изучил фарси в том объеме, что мог переводить современных таджикских поэтов с подлинника, без подстрочника. Но, когда переводил с других языков, всегда много работал с двуязычным словарем. Придаю большое значение музыке, считаю, что в эпосе главное — найти ритм. Я каждый раз стараюсь найти по-русски нечто близкое к музыке подлинника. Много слушал сказителей и даже сам для себя придумал нотную азбуку, с помощью которой записывал мелодию стиха. Впрочем, вам пора меня останавливать — на эту тему я могу говорить бесконечно.

— И все-таки, и все-таки... Почему вы так долго плыли по течению? Ведь ваше творчество очень высоко оценивали Платонов, Багрицкий, Гроссман, Ахматова, по свидетельству Л. К. Чуковской, называла имя Липкина среди наиболее значительных наших поэтов каждый раз, когда речь заходила о советской русской литературе. Да и люди эти, ваши друзья, сами являли образцы мужества и упорства, достойные подражания. А вы даже и не пытались печатать свои стихотворения?

— Конечно же, пытался. Но только в 59-м году Твардовский опубликовал небольшую подборку в «Новом мире». Однако не успел журнал дойти до подписчика, как в «Известиях» была напечатана статья без подписи «Альбомные стихи», где я подвергся грубой ругани. Затем мучительно составлялись две мои книги — «Очевидец» и «Вечный день», об этом и вспоминать не хочется. А стихотворение «Союз» окончательно перекрыло мне кислород. Как-то прочел: в Китае есть народ по имени «И». Меня поразило — в одном звуке заключена целая национальная общность. Об этом написал стихотворение. А вскоре в «Ленинском знамени» была напечатана статья, в которой говорилось, что я пишу об Израиле...

— Воспользуюсь вашим любимым выражением «прять против рожна», заимствованным из рассказа Сергеева-Ценского «Пристав Дерябин». Так вот, что заставило вас, вполне к 1979 году сложившегося человека, прять против рожна, то есть участвовать в «Метрополе»? Ведь не могли же вы не предвидеть последствий такого смелого по тем временам поступка?

— Предвидеть себя — не предвидел. Бывает ведь так: человек немолодой, богатый жизненным опытом, совершает нечто такое, что не контролируется разумом. Конечно, кое-какие опасения были. Но участники альманаха знали, что криминала нет, альманах пройдет через Госкомиздат. И потом, стихи мои были настолько безгрешны... А затем события развивались стремительно. Но знаете, как ато ни странно звучит, я признателен Союзу писателей. Из издательств и из книг стали изыматься мои переводы (кстати, ни за что пострадали и друзья из республик), а оказался совершенно без работы и наконец-то получил возможность энергично писать свое. Что и делаю по сей день.

— Составителем вашей первой большой книги «Воля», как значится на титуле, стал Иосиф Бродский. А вы-то сами не принимали в ней участия?

— Нет, не принимал. Она для меня была полной неожиданностью. Знал, что в «самиздате» перепечатываются мои вещи — так, наверное, они попали на Запад. Но в благодаря Бродскому — книга, на мой взгляд, составлена хорошо.

— В «Воле» очень заметна тяга к эпосу, не сай раз на а переводах, а в вашем собственном творчестве. Семь поэм имеют общее заглавие «Вождь и племя». Название, полагаю, не нуждается в особой расшифровке. Написаны поэмы давно, но, мне кажется, ваши размышления на тему «Племя? Что ты есть — целое или часть?» точно вписываются в контекст наших сегодняшних важнейших проблем.

— Эти вопросы меня мучают много лет. Я считаю: национальное самосознание прекрасно, когда оно национальное самосознание культуры, а не национальное самосознание крови. Первое всегда талантливо, второе — всегда бездарно. Как создатель культуры племя — это целое, и в то же время оно связано со всем человечеством. Но оно смотрит на мир своими глазами. Мою мысль легко можно проиллюстрировать на примере религии. Вот посмотрите, русские и румыны. Казалось бы, их связывает не только общность христианства, но и общность определенной конфессии — православия. Но там нет понятия, скажем, «святая Румыния», а Русь говорит: «святая Русь». Это и есть национальное понимание религии, и оно важно. Есть по-русски воспринятые Библия, Гомер, Рафаэль, Эйнштейн — национальное самосознание культуры существует и будет существовать.

— Задавая следующий вопрос, я приблизительно знаю ответ на него: сведения почерпнула из вашей книги «Сталинград Василия Гроссмана». Когда рассерженный Василий Семенович спросил: «А сколько ты напереводил стихов о вожде?» — вы привели поговорку вашего отца: «Можно ходить в бардак, но не надо смешивать синагогу с бардаком». Вы и не смешивали. Рано поняв, видимо, истинную сущность Сталина, вы тем не менее продолжали переводить бесчисленное количество од в его честь. Страшно было отказаться?

— Вы правы: Сталин мне не нравился с самого начала. Точно так же, как и Троцкий. Я как-то прочел в одесской читальне книгу Троцкого «Литература и революция». Может быть, в революции он разбирался, но о литературе писал примитивно. Симпатии я испытывал к тем, кого называли «правой оппозицией», — к Бухарину, Рыкову и Томскому. Так что в отношении Сталина у меня не было прозрения, потому что была трезвая зоркость. Да, я переводил официальные стихи о Сталине. А что я мог сделать, если меня, по рекомендации Горького, направили переводить, скажем, Сулеймана Стальского? Слаб человек... Часто бывало так, что я переводил классику восточного народа, как бы внедрялся в его быт, в его культуру, но мог ли я отказаться от переводческой работы, если современные стихотворцы писали о Сталине? Разумеется, мог бы, но силы воли не хватало. Конечно, в этом моя вина. Я чувствую себя виноватым и в том, что прошел мимо всех испытаний 37-го года, что не погиб на войне. Но это чувство вины не только угнетает разум, оно и благотворно. Мне кажется, вы меня поймете. Ведь в понятии вины, стыда есть и счастье человека, а не только его горе.

— Семен Израилевич, в наших беседах вы несколько раз повторяли, что политикой не занимаетесь. Но времена искусства для искусства канули в Лету. Политика давно вошла, ворвалась в нашу жизнь ночным стуком в дверь... «Как часто начинанья роковые, такие безобидные вчера, вдруг обретали ярость топора»—эта мысль мучает вас. Мне кажется, вы пытаетесь объяснить сей феномен и в ваших стихах, и в поэмах. И потом, волею судеб вы стали очевидцем нашей истории, и все ваши вещи реальны, основаны, видимо, на том, что вы сами знали, чувствовали, испытали?

— Да, конечно, «Техник-интендант» — ато в большой мере я сам. «Литературное воспоминание» — подлинный рассказ о том, как я, тогда двадцатилетний юноша, вместе с моим учителем еще по Одессе Эдуардом Багрицким пошел в гости к жившему неподалеку от Кунцева, где Багрицкий тогда снимал половину избы, а я жил рядом, инструктору ЦК по фамилии Ежов. Его жена, одесситка, была приятельницей Багрицкого... Поэма «Нестор и Сарра» (речь о Несторе Лакоба и его жене) — тоже быль. В 1958 году в переводил абхазские «Нарты» в Сухуми. Со мной туда привязался Гроссман. Как-то к нам пришел человек, отсидевший 18 лет, он был братом Сарры. Рассказал нам все подробности страшной истории — как убили Нестора, как пытали его юную жену и как он (тщетно) сам уговаривал ее сознаться в том, в чем ее обвинял следователь. Что же касается цитаты из «Техника-интенданта», то эта мысль меня действительно волнует. Только, к сожалению, думаю — так было и будет всегда.

— Настало время порассуждать о роли женщины в вашей жизни. Некоторую легкомысленность этой фразы я легко искуплю блистательными именами, которые имею в виду. — Цветаева и Ахматова. Их судьбы, считал один ваш друг, пострашнее судьбы княгини Волконской, вот о них, о таких, как они, и создать бы поэму «Русские женщины». Будет поэма?

— Поэмы не будет. О Цветаевой я написал стихотворение, оно было не так давно опубликовано в «Новом мире». Собственно, мы с ней провели всего один день — встретились в 9 утра, а проводил я ее домой глубоко за полночь. А было дело так — однажды мне позвонила моя приятельница поэтесса Вера Звягинцева и сказала: приходи, с тобой хочет познакомиться Цветаева. Это было либо в конце ноября, либо в начале декабря 1940 года. Марина Ивановна собиралась переводить на французский отрывок из калмыцкого эпоса «Джангар», это и было поводом для нашей встречи. Больше мы не виделись, но звонила она часто. Разговор она начинала всегда на как все: «Здравствуйте!» — а по-другому: «А вы были не правы, я вам хочу сказать, что...» — то есть как бы продолжая прерванную беседу. Ахматову я действительно знал хорошо, но пока писать о ней не могу — ато трудно после двух изумительных томов Лидии Корнеевны Чуковской об Анне Андреевне. Впрочем, сейчас пишу книгу «Зарисовки и соображения». Там надеюсь рассказать обо всех дорогих мне людях: Гроссмане, Мандельштаме, Платонове, Бабеле, Багрицком, Клюеве, Ахматовой, Волошине, Цветаевой, Шангали. Стараюсь работать напряженно: хоть я человек и молодой, но времени у меня осталось не так много.

— Прочитав ваши книги о Гроссмане и Мандельштаме (в насколько сокращенном виде они публиковались в журнале «Литературное обозрение»), я решила, что вы, наверное, и прозу пишете — настолько названные вещи художественны в самом высоком смысле слова.

— Пишу. Повесть «Декада» собирается печатать «Дружба народов». Все та же тема — «Вождь и племя». В центре повести — высылка народа на фоне традиционных пышных декад. Я придумал два народа (опираясь на быт и бытие хорошо мне знакомых по переводческой деятельности народов Северного Кавказа), живущих в одной республике. Один народ я назвал тиграми, а другой — гусиными, придумал их историю.

— Семен Израилевич, слава богу, времена изменились, и мои пессимистические пассажи о человеке, отторгнутом обществом, теперь уже отходят в область истории. Вас часто печатают «толстые» журналы, наверное, скоро начнут выходить книги, вы стали встречаться с читателями на различного рода вечерах, конференциях, творческих диспутах. В общем, полное и окончательное торжество справедливости. Последний вопрос мне хочется сформулировать с помощью Булгакова. Помните, как он вам однажды сказал, стоя на трамвайной остановке: «Меня не то удивляет, что трамваи не ходят. Меня то удивляет, что трамваи ходят». А вас что удивляет сегодня?

— Никогда не предполагал, что у нас будет напечатана «Жизнь и судьба». Когда Гроссман надеялся, что опубликуют его роман, хотя бы с купюрами, он попросил меня сделать их. Я предложил снять замечательную беседу Мостовского и Лисса. Он согласился. И вот теперь эта вещь напечатана целиком. И Ахматова никогда не думала, что опубликуют «Реквием».

Умно поступили у нас, вернув, наконец, открыв читателям мощную поэзию Иосифа Бродского. Я был счастлив, когда журнал «Юность» опубликовал «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» Владимира Войновича. За рубежом, отнюдь не в погоне за сладкой жизнью, оказалось несколько первостепенных наших прозаиков, поэтов, критиков, литературоведов. Их книги должны быть напечатаны у нас. А сколько великих книг узнали читатели в последние годы! Они высоко поднимают уровень всей русской литературы советского периода. То, что раньше казалось сносным, теперь кажется плохим, и так далее. Читатели чувствуют ато. Русская литература — великая, а наш литературный XIX век — величайшая эпоха мировой культуры, думаю, не меньшая, чем греческая античность. Сегодня нашей литературе, как писал Фет о Тютчеве, вернули патент на благородство. А она этого заслуживает всей многотрудной своей судьбой.

Когда мы изо всех своих слабых сил карабкаемся на Олимп, нам нужна лирическая дерзость поэта, эпическая дерзость прозаика и драматурга, мудрая и зрелая дерзость критика. И вместе с дерзостью — спасительный трепет перед учителями. Да, дерзость и трепет.

Беседу вела
Т. СЛАВИНА

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ

22 марта под председательством Ф. Тельпугова состоялось заседание центральной ревизионной комиссии СП СССР.

В повестку дня были включены два вопроса. Первый — обсуждение работы Литфонда СССР по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении условий деятельности творческих союзов». С докладом выступил директор Литфонда СССР Ю. Воронин. Основные задачи своей работы в настоящее время Литературный фонд видит в том, чтобы к 1995 году полностью обеспечить писателей жильем, улучшить материальную базу домов творчества, сделать доходными предприятия, подведомственные Литфонду, всячески расширяя сферу их деятельности.

В нынешнем году будут введены в строй новые корпуса домов творчества в Ялте, Пицунде, Пяресчике (Молдавия), завершается реконструкция Дома творчества в Цахкадзоре, в 1990 году начнется строительство в Репине под Ленинградом. Почти на треть увеличится количество путевок для писателей и их семей.

В планах — создание собственной полиграфической базы, открытие еще одной книжной лавки в Москве, совместной советско-швейцарской аптеки при Центральной литфондовской поликлинике. С мая с. г. начинается выплата ежемесячных пособий в размере 100 рублей писателям, достигшим пенсионного возраста. Увеличиваются ассигнования на творческие командировки, учрежден ряд новых стипендий для молодых литераторов.

В обсуждении доклада приняли участие И. Кашпуров (Ставрополь), П. Ребро (Запорожье), Е. Шевелева, И. Стрелкова, Г. Юшков (Коми АССР), М. Кильчичеков (Абакан), В. Шефнер (Ленинград), О. Султанов (Киргизия), Л. Иванов (Омск), Р. Филиппов (Иркутск), В. Боков, И. Белоусов (Ставрополь), Д. Гусаров (Петрозаводск). В их выступлениях в целом положительно оценена деятельность Литфонда СССР, одобрены его планы. Отмечалось, что в отношениях ревизионной комиссии и Литфонда в последнее время наметились позитивные сдвиги: обе стороны стали внимательнее выслушивать и лучше понимать друг друга.

«Ревизионная комиссия Московской писательской организации в период перестройки — некоторые итоги, опыт, проблемы» — так был обозначен второй вопрос повестки дня. Сообщение по нему сделал Вач. Марченко. «Основные задачи ревизионных комиссий — ревизии и контроль. Но полноценные ревизии мы, писатели, проводить не умеем, а контроль нам осуществлять не дают» — так сформулировал он основную проблему и в связи с этим высказал предложения войти в создающийся координационный комитет ревизионных комиссий всех творческих союзов, организовать при нем кооператив профессиональных ревизоров и пользоваться его услугами.

На заседании подчеркивалось, что ревизионная комиссия должна активнее влиять на всю организационно-творческую деятельность СП, контролировать выполнение принимаемых решений.

Правление издательства «Советский писатель»

На пленуме правления СП СССР членами правления издательства «Советский писатель» избраны:

В. С. Акопян, Ю. А. Андреев, С. М. Арутюнян, В. П. Астафьев, А. Атаджанов, М. М. Ауэзов, Р. Н. Баимов, С. П. Балабин, Л. Е. Бежин, В. И. Белов, А. А. Бологов, В. И. Василаке, А. И. Вертинский, Н. П. Воронов, Х. Л. Гагуа, Ю. Ф. Галкин, Ю. Д. Гончаров, Г. А. Горышин, А. П. Григорян, В. И. Гусев, Н. Г. Дамдинов, О. М. Дмитриев, А. Н. Жуков, К. Жусупов, В. Б. Земсков, С. А. Иванов, О. М. Ипатова, В. А. Карпов, Ю. Ф. Карякин, Г. Кельдыев, В. В. Кожинов, В. И. Кочетков, А. А. Краснов, П. Н. Краснов, А. Ф. Кривоносов, А. П. Кудрявец, Ю. П. Кузнецов, Н. П. Кузьмин, Б. Н. Куликов, В. Г. Куницын, А. С. Кушнер, В. И. Лихоносов, Н. А. Лугинов, И. И. Лапин, М. С. Магдеев, В. С. Маканин, А. Мамедов, В. С. Маслов, А. Т. Марченко, А. Матчанов, И. Ш. Машбаш, А. В. Микута, Х. Мелаев, М. Мирмухсин, В. Н. Мирнев, Б. А. Можаев, В. И. Муссалитин, Х. Наби, Р. В. Назаров, А. Н. Намтушкин, Г. Ф. Николаев, Н. Г. Никонов, А. А. Нинов, Н. Я. Олейник, Д. В. Павлычко, Г. И. Панджикидзе, С. А. Пакратов, Н. В. Панченко, Ю. М. Поляков, В. Г. Попов, Ю. А. Пшонкин, Т. И. Пулатов, В. Г. Распутин, Р. Э. Рауд, И. Н. Римарук, В. С. Рогов, А. Д. Романенко, Н. Ф. Рыбаков, А. А. Савеличев, Э. И. Сафонов, М. Я. Самре, М. Х. Синельников, А. В. Скалон, К. Э. Скуенеекс, В. Н. Соколов, В. В. Сорокин, А. Стамов, Н. К. Старшинов, В. А. Сытин, А. О. Тамм, А. Тарази, А. С. Ткаченко, Ю. К. Туулик, А. Н. Тютюнник, И. С. Уханов, И. Е. Филоненко, А. А. Хакимов, Б. Худайназаров, В. Д. Цыбин, М. И. Чимпой, П. Шермухамедов, Эльчин, Н. А. Юсупов.

Писательские контакты

В посольстве СССР в Республике Кабо-Верде состоялось торжественное представление сборника произведений кабо-вердианских писателей «Петух пропел в бухте», выпущенной издательством «Художественная литература», и книги «Кабо-Верде» издательства «Мысль».

Выступивший на представлении посол СССР в РКВ П. М. Шмельков рассказал о существующих между нашими странами литературных контактах, об изданных за последнее время в СССР книгах, посвященных Кабо-Верде и Африке в целом. Посол познакомил собравшихся с малоизвестным фактом пребывания в Кабо-Верде в 1853 году знаменитого русского писателя И. А. Гончарова, который впоследствии описал свои впечатления о городе Прая в книге «Фрегат «Паллада».

В ответном выступлении председатель оргкомитета по созданию Ассоциации кабо-вердианских писателей известный поэт Освалду Озорну отметил, что выход в Советском Союзе сборника произведений кабо-вердианской литературы свидетельствует о широком признании за рубежом творчества писателей Кабо-Верде. Он подчеркнул большое значение для развития культурных связей между двумя странами визита в РКВ в 1988 г. делегации Союза писателей СССР, выразил надежду на дальнейшее развитие и углубление плодотворных контактов между деятелями культуры и искусства СССР и РКВ. В состоявшейся затем беседе министр информации, культуры и спорта Д. Х. Алмада выразил готовность подписать протокол о культурном сотрудничестве на ближайшие два года.

Большой интерес у гостей вызвала организованная в посольстве выставка книг о Кабо-Верде и кабо-вердианских писателей, изданных в Советском Союзе, выставка публикаций советской прессы о РКВ и советско-кабо-вердианских культурных связях.

И. З. ГОРДОН

На 82-м году жизни скончался известный еврейский советский писатель, член Союза писателей с 1934 года, персональный пенсионер республиканского значения Илья Зиновьевич Гордон.

Выходец из крестьянской семьи, И. З. Гордон плодотворно занимался литературной деятельностью с 1927 года. Широкому кругу читателей И. З. Гордон известен прежде всего своими романами, повестями и рассказами из жизни деревни.

Уже первая его повесть «Урывня», опубликованная в 1927 году, сразу же привлекла внимание читателей и была высоко оценена видными критиками той поры. Ее выход свидетельствовал о приходе в литературу талантливого художника-реалиста. За ней последовали многочисленные рассказы, повести, романы: «Мигул-Вояр», «Три брата», «Разбойники», «Ливень», «Мышь» и др., которые определили достойное место И. З. Гордона в еврейской советской литературе.

О дальнейшем творческом росте И. З. Гордона свидетельствовали его книги «Вначале их было двое...», «Простые», «Избранное». Значительное место в творчестве И. З. Гордона занимала тема Великой Отечественной войны, тема послевоенного возрождения. Наиболее удачной в этом ряду была повесть «Мать генерала».

Находясь в расцвете творческих сил, И. З. Гордон публикует новый документально-художественный роман «Под жарким солнцем», в котором ставит актуальные проблемы сельского хозяйства. Роман имел большой успех, его достоинства были широко освещены в центральной прессе.

Коммунист с 1944 года, И. З. Гордон — участник Великой Отечественной войны, награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями.

Литературный труд И. З. Гордона отмечен орденом Трудового Красного Знамени.

На протяжении всей своей жизни И. З. Гордон принимал деятельное участие в общественной жизни писательской организации: свыше 30 лет являлся членом правления Московской организации СП РСФСР, бессменным председателем бытовой комиссии, членом правления Литфонда СССР.

Светлая память о талантливом писателе-коммунисте, добром и отзывчивом человеке навсегда останется в наших сердцах.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР;
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СП РСФСР;
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ И ПАРТКОМ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СП РСФСР

Е. С. РОМАНОВА

После тяжелой болезни на 73-м году жизни скончалась Елена Сергеевна Романова, известный критик и переводчик, специалист по американской литературе, заслуженный работник культуры РСФСР, один из старейших сотрудников Иностранной комиссии СП СССР. Ушел из жизни человек большой души, талантливый литератор, прекрасный товарищ.

Выпускница Высшего московского института новых языков, Е. С. Романова с 1931 г. начала работать в редакции журнала «Интернациональная литература», где ею пройден путь от литературного секретаря до редактора английского издания журнала. В этот период публикуются ее переводы произведений Э. Хемингуэя, Э. Колдуэлла, Шервуда Андерсона и других американских писателей. Она известна читателям и специалистам как автор многочисленных статей, обзоров, рецензий, предисловий и книгам Р. Райта, Р. Брэдбери, Э. Колдуэлла. Критические работы Е. С. Романовой отличали публицистическая острота, точность оценок современного литературного процесса США, глубокое проникновение в творчество писателей.

С 1949 г. деятельность Е. С. Романовой связана с Иностранной комиссией Союза писателей СССР. Здесь она работала консультантом по литературе США, заместителем председателя, заведующей отделом информации. В Иностранной комиссии с полной мере раскрылась еще одна сторона ее щедро одаренной личности — незаурядный организаторский талант. Плодотворно работая в аппарате правления СП СССР, Е. С. Романова много сил и энергии отдавала развитию международных писательских контактов, пропаганде советской литературы за рубежом. Вклад Е. С. Романовой в международную деятельность СП СССР отмечен орденом «Знак Почета».

Все, кто знал Е. С. Романову, ценили ее неиссякаемый жизненный оптимизм, благородство и обаяние, требовательность и принципиальность, высокий профессионализм и эрудицию.

Светлая память о Елене Сергеевне Романовой навсегда останется с нами.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР,
ПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Товарищество русских художников

Группа писателей, художников, кинематографистов, музыкантов, ученых создала в Москве Товарищество русских художников — общественную организацию, объединившую представителей различных областей культуры. Она ставит своей целью способствовать делу перестройки во всех сферах нашей жизни. Основные направления деятельности товарищества осуществляются через свод рабочих программ — таких, как «Народная культура», «Историческая память и ее национальные фонды», «Природа и экономика», и других. Председателем товарищества избран В. Лихоносов, сопредседателями — С. Лыкошин и В. Стакольщиков, почетными членами — Л. Леонов, С. Бондарчук, Г. Коржев, Г. Свиридов.

Во всесоюзном творческо-производственном объединении «Киноцентр» прошла пресс-конференция Товарищества русских художников для советских и иностранных журналистов. На ней поднимались вопросы охраны природы, развития традиций народной культуры, межнациональных отношений, возрождения села, просветительства, возвращения забытых имен... Их решения невозможно без братского и равноправного сотрудничества всех наций и народностей нашей страны, укрепления связей творческой и научной интеллигенции, создания атмосферы уважения и взаимопонимания во всех областях культуры и знания.

На пресс-конференции выступили Л. Быстров, Э. Володин, Б. Карпов, В. Крупин, В. Лихоносов, Ю. Лощиц, С. Лыкошин, Н. Молчанов, В. Распутин, В. Стакольщиков, Б. Царев.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Прошу «Литературную газету» передать мою благодарность всем, кто поздравил меня с семидесятилетием и присвоением высокого звания Героя Социалистического Труда.

Д. ГРАНИН

Памяти Мариэтты Шагинян

На доме № 45 по улице Арбат состоялось открытие мемориальной доски, посвященной М. Шагинян (автор — художник-архитектор М. Борисенко). На раскрытой странице бронзовой книги высечено: «В этом доме с 1936 по 1961 год жила Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян».

В церемонии открытия мемориальной доски приняли участие первый секретарь правления СП СССР В. Карпов, председатель правления СП РСФСР С. Михалков, заместитель председателя исполкома Киевского райсовета г. Москвы А. Щукин, писатели С. Капутикян, К. Серебряков, дочь писательницы — М. Я. Шагинян и другие.

М. ВАСКОВА

ТВ/3+1

● КАКИЕ ПЕРЕДАЧИ ПРОШЕДШЕЙ НЕДЕЛИ ЗАПОМНИЛИСЬ ВАМ ОСОБЕННО И ПОЧЕМУ?
● ЧТО ВЫЗВАЛО ВОЗРАЖЕНИЯ?

Мнения экспертов-писателей

Майя ГАНИНА

● Вечер памяти Мусоргского. Великая, живая сегодня музыка, любимые прекрасные исполнители. Сюжеты «Бориса Годунова» и «Хованщины» вызывают размышления не вполне современные темы. Однако в так и не поняла, почему на сцене два человека сидели за отдельным от остальных столиком? Потому что они из начальников? Наше время — время загадок...

«Теледебаты» — новое слово, рожденное перестройкой. Интересно, тот, кто его родил, решается произносить сей неологизм вслух в приличной компании? Слово это предвещало передачу «12-й этаж». «Этаж» вновь приобрел серьезность и глубину. Контраст между людьми (умными и достойными в большинстве своем!), рассуждавшими в телестудии, и между народом на вокзале, отъезжающим и ожидающим, опять навел на невеселые и не новые раздумья. Молодые в вигвлупите меня порадовали «лица необщим выраженьем», вдумчивыми вопросами

Пронзил сердце фильм «Возвращение в Пустынь»: судьба России и боль, наша жизнь длиною в двадцать невозвратимых лет...

● «Философские беседы». Эта передача прошла перед «Возвращением в Пустынь». Но если в фильме присутствовала философская глубина, то в данной передаче глубины на этот раз и не хватило.

Камил ИКРАМОВ

●—● Картины «Физики», «Криминальный талант», «Возвращение в Пустынь», новая удача «12-го этажа», даже встреча с Алексеем Германом в лучшем случае могли служить комментарием к главному — теледебатам кандидатов в депутаты.

Все жанры — от психологической драмы до политического детектива! Кандидаты раньше нас поняли, что именно от нас, избирателей, все и зависит без ложной, а порой и не без ложной скромности предстали перед нами претенденты не власть. Борьбе есть борьба, и надеюсь, нам удалось по достоинству оценить приемы этой борьбы.

А слова все говорили смелые. За такую отвагу, как сказал кто-то в «12-м этаже» нас еще недавно не партбюро исключали. Если бы только там!

«Вернуть власть народу!», «Обуздать бюрократов, отнять привилегии!», «Дать подлинную свободу слову!» — все ато мы слышали по ТВ в последнюю предвыборную неделю. Теперь надо проследить развитие сюжета в жизни. Времени на выбор, как оказалось, у нас было мало, не всех кандидатов разглядели, не за всех можем ручаться, но сюжет демократии тем и хорош, что предполагает самые разные варианты. Вплоть до отзыва депутатов... Вообще телевизор умнеет поневоле, стареется быть не глупее зрителей.

Виктор МЕРЕЖКО

● В субботу сел к телевизору смотреть «Криминальный талант» с нескрываемым раздражением. Раздражение прошедшая теленеделя — своей принципиальной усредненностью, стойким нежеланием «высовываться», выпирающим из экрана страхом за каждое более или менее острое слово, за каждое высказывание в духе рекламируемого ныне плюрализма. Что это — тревожный сигнал приближающегося конца гласности? Неужели нас так не мало хватило? Даже традиционно задиристые «Взгляд» и «До и после полуночи» были музыкально приглажены, а выступающие в этих программах, видимо, крепко предварительно «заредактированы». А если уж вспомнить «12-й этаж», то таких бесцеремонных редакторских ножниц я, признаться, не видел даже в худшие времена застоя. Может быть, только ленинградцы в «Пятом колесе» и других программах по-прежнему что-то себе «позволяют». Но, во-первых, их смотрит далеко не вся страна, а во-вторых, душу тихонько грызет страх за ленинградцев.

Так вот, о «Криминальном таланте». Картина тронула не только своей спокойной добротой, но и замечательной игрой молодой А. Захаровой и опытного А. Жаркова. Это не «лепило кино», не «сыновнее». Это просто по-настоящему интересная работа.

● Устал от бесконечного количества однообразных музыкальных ансамблей. Частное слово, неужели семи музыкантам не замечают своей похожести? И продолжают дуть «во всю ивановскую»... Если когда-то ансамбли были новым и важным словом в нашей просыпающейся рок-музыке, то сейчас они абсолютно неинтересны.

Мнение эксперта-зрителя

Рашид АТАДЖАНОВ,
рабочий
(ФЕРГАНА)

● Неделя показалась мне интересной. Впечатлили интеллигентность и ум кинорежиссера Алексея Германа (встрече в Останкине), цикл передач о межнациональных отношениях — хотелось бы, чтобы таких передач было еще больше перед предстоящим Пленумом ЦК партии.

Запомнились также «12-й этаж» — об уроках демократии, «Сельский час» — о раскулачивании, о страшных временах... Ну а «Взгляд» — просто любимая передача, можно хвалить ее почти каждую неделю.

● К сожалению, не этом фоне по-прежнему проигрывает «Время».

Ждем ваших звонков в следующий понедельник с 11.00 до 11.30 по телефону 208-98-61.

МЕДВЕДИ ВО ВСЕХ ВИДАХ

Репортаж из кинотеатра «Цоопаласт»

НЕДАВНО в Западном Берлине завершился 39-й международный кинофестиваль. Просмотреть все программы этого масштабного смотра не было физической возможности. Я могу говорить о главных конкурсных фильмах, показанных на главном экране в кинотеатре «Цоопаласт». Из 30 отобранных лент было 4 американских. В пору «холодной войны» такой «перекос» сочли бы откровенной экспансией из-за океана, грубым нарушением паритета. Одна стране — один фильм. «Всем сестрам по серьгам». Один к одному. Так бы оно было справедливо. Так ли уж справедливо? Привлечь к участию возможно больше стран, а не возможно больше хороших фильмов? Сколько раз случалось на наших фестивалях — представительство обеспечивали чуть ли не полностью, зато на экране тянулись одна за другой посредственные ленты, унылые, как осенний дождь.

Теперь, когда фестивалей в мире становится больше, чем самих фильмов, и места хватит всем кинематографиям, крупные, авторитетные международные фестивали (а Западный Берлин в их числе) не могут позволить себе роскошь неразборчивости. Не один к одному, а критерий высокой художественности и социальной значимости — главный. И если на карте фестиваля недосчитались многих стран — что поделаешь! Значит, на этот раз там не нашлось достойных фильмов-претендентов. И остается лишь пожелать им успеха на будущий год.

В Западном Берлине селекция проводилась основательно. Хотя и здесь не обошлось без огрехов. На экране «Цоопаласта» мы увидели несколько хороших фильмов. Не шедевров, но хороших. Винить отборочную комиссию за отсутствие шедевров нет оснований. Отразилось общее состояние мирового кинематографа. Много ли мы повидали за последнее время шедевров? Что-то не припомню.

Сильно выступила на фестивале американская «команда». Из четырех конкурсных фильмов три отмечены премиями жюри — призовыми «медведями». И все же, мне кажется, правы были те критики, которые в первую очередь отдали предпочтение актерам. Действительно, актерские удачи стали движущей силой фестиваля.

Известная французская актриса Изабель Аджани признана лучшей исполнительницей женской роли. В драматической истории юной художницы (фильм «Камиль Клодель»), безгранично преданной великому Родену, его помощницы и ученицы, которая пережила восторг любви и горечь разлуки, радость творчества и великое унижение, когда Роден безжалостно высмеял и растоптал все созданное ею, актриса передала все богатство одаренной натуры своей героини, молодой, полной надежд, цветущей женщины, а в финале — увядшей, полубезумной старухи.

Думаю, у молодой американской актрисы Джуди Фостер (фильм «Обвиняемые») были основания принять участие в охоте на «медведя». Но у Изабель Аджани оказалось больше шансов. Молодая, озорная, веселая кельнерша Сара Тобиас (Джуди Фостер) страшно расплачивается за свое молодое легковерие, она совсем не «вамп», просто есть у нее желание нравиться мужчинам, танцевать, кокетничать, не задумываясь о последствиях. А дальше столкновение со страшной изнанкой жизни. Какой стыд и позор, каков ощущение полной женской беззащитности испытывает Сара, когда ее насилуют три негодяя в присутствии равнодушной толпы! Во второй половине фильма актриса переводит игру в иной регистр. Драматична ее борьба с адвокатами и судьями, склоняющими ее к компромиссу. Она непреклонна в своей решимости начать один процесс, потом другой, из жертвы сама становясь судьей и обвинителем.

И еще один, говоря условно, женский образ. Условно потому, что героине фильма «Лето Авии» (премия фильму — «Серебряный медведь») 10 лет. Трудно живется еврейской девочке в израильском городке: дразнят сверстники, маму невзлюбили взрослые. Средств к существованию почти никаких. Но дело здесь, разумеется, не в искусстве актерской игры, а в полной безыскусственности маленькой актрисы, искренности переживания, чистоте ребяческого, непосредственного восприятия людей и событий.

Из актеров-мужчин, отмеченных и не отмеченных премиями, назову Йорга Гудцуна (ГДР), остро, на большом нервном подъеме сыгравшего роль известного немецкого писателя Ганса Фаллады («Фаллада — последняя глава»), нашего блестящего Олега Борисова в фильме «Слуга», американца Джина Хэкмана («Серебряный медведь» за мужскую роль), отнюдь не традиционного в традиционной роли американского полисмена в фильме «Миссисипи в огне». И другого американца, Эрика Богосиана («Серебряный медведь» за сценарий и исполнение мужской роли в фильма «Радиобеседы»). Его герой в созданном им ночном телешоу, откликаясь на телефонные звонки, спорит с разными ультра, невежественными обывателями, неонацистами. Этот ежедневный «радиошок» многим не по душе. Но пока ведущий еще не отлучен от телевизора, пока а назначенный час «появляется в эфире», одним словом, пока фильм на доходит до своей драматической развязки, кажется, не актер, а глубоко убежденный, честный человек в свободной, импровизационной форме высказывает все, что накипело у него на душе.

Главный приз фестиваля — «Золотой медведь» был присужден фильму «Человек дождя» режиссера Барри Левинсона. А на процедуре торжественного закрытия фестиваля его директор Мориц де Хаделн объявил от имени дирекции о присуждении исполнителю главной роли в этом фильме Дастину Хоффману второго «Золотого медведя», не предусмотренного жюри и, по-видимому, даже статутом фестиваля. Второй «Золотой медведь» одному фильму...

«Человек дождя» начинается необычно: два его персонажа узнают, что они братья (и вообще о существовании друг друга), в день похорон отца. При вскрытии завещания оказывается, что все состояние оставлено старшему — Раймонду. Младшему — Чарльзу — не досталось ничего. Юный Чарльз — энергичный, предприимчивый бизнесмен. Раймонд — полная ему противоположность. С детства болеет какой-то странной, редкой болезнью. Хоффман талантливо рисует характер своего героя, необычные повадки, походку, жесты. Он замкнут, погружен в собственный, созданный для себя мир, мало контактен, немногословен. У него гениальная память на даты, числа. Телефонная книжка ему не нужна. Но у него нет сил жить жизнью делового, предприимчивого человека. Он чужд всякой корысти, далек от меркантильных расчетов, от денежных интересов Чарльза.

Неполноценность Раймонда, чудака, выламывающегося из современного делового мира, больше по душе зрителям, чем полноценность Чарльза, далеко не самого худшего в среде приобретающих и наживающихся... Лично для меня само название фильма приобретает некий метафорический смысл, хотя, может быть, и не совпадающий с авторским. Дождь — освежающий, дождь — очищающий. И человек дождя, где-то легко прошедший, прошумевший — бесследно и не бесследно. Пока младший брат повсюду возит за собой старшего, пытаясь доказать его болезненное состояние и обрести права наследования, он и сам неприметно для самого себя меняется.

Вообще, мне кажется, кинематограф ощущает сейчас острый дефицит в добром, положительном герое. Огромный поток мировой кинопродукции не удовлетворяет тоску по доброму.

Мне нравится философский фильм-притча «Слуга» А. Миндадзе и В. Абдрашитове (удостоен приза Альфреда Бауэра как открывающий новые перспективы в киноискусстве). «Слуга», безусловно, заслуживает отдельного разговора. Здесь хочется сказать, что фильм продиктован жгучим желанием искоренить зло. Очутившись в обстановке своеобразной «дьяволиады», где вершат свои темные дела люди с рабскими, холуйскими душами, исповедующие убеждения и взгляды, вбитые в них, сформированные еще в годы культа, трудно ждать чуда добрых поступков и милосердных дел.

И в китайском фильме «Вечерние колокола» («Серебряный медведь») страшно зловещее противостояние двух отрядов — китайского и японского. 1945 год. Война окончена, но противники еще не знают об этом. Японцы продолжают охранять бездонную штольню со складом оружия. А на экране вперебивку возникают леденящие душу картины войны. Вынести это нелегко. Однако все это было и напоминает о себе.

Но есть фильмы и фильмы. Сколько же (безотносительно к фестивалю) кочует на экранах мелких, незначительных «дьяволиад», где под видом борьбы со злом романтизируется «чудо» убийства из-за угла, «чудо» мгновенного превращения в пепел целых городов.

В самые подлые, жестокие и свирепые времена не переводилось добро на земле, не иссякали надежда, чудо добра и поэзия добрых дел в искусстве.

Фестивальный экран был внимателен к поэзии добрых дел и чувств. Вот в скромном, непритязательном фильме «Гора Песталоцци» (совместное производство Швейцарии и ГДР) я увидел торжество человечности, чудо бескорыстных, добрых дел. На первый взгляд, совсем прозаических. Знаменитый швейцарский педагог Песталоцци — его играет Джан Мария Волонте, — «чудачок из страны чудаков», под насмешки окружающих обучает деревенских ребятишек грамоте. Когда простая деревенская девушка уверенно водит пальцем по страницам книги, прямо скажем, не слишком выигрышный это эпизод по сравнению с чудом без промаха бьющего в цель снайперского выстрела с высоты небоскреба... Но чудо овладения грамотой совершило доброе сердце. И во имя гуманных целей. А такие порывы, показанные без всякой слащавости и умиления, многого стоят. И разве у нас не находит теплого отклика рассказ о героях словацкого фильма «Я люблю, ты любишь» («Серебряный медведь» режиссеру Душану Ханеку)? Замордованные тяготами жизни, бедностью и непосильным трудом, они не озлобились, не одичали, не разучились любить, готовы прийти на выручку друг другу. Было время, когда кинематограф называли фабрикой сладких грез и снов. Теперь часто напрашивается сравнение с фабрикой алых снов. «Черные фильмы» имеют притягательную силу. А правда открывается в постижении безграничного множестве тем, которые подсказывает художнику семе жизнь.

Одна из тяжких нагрузок современного кинематографа — угрожающее возрастание метража фильмов. Ушли в прошлое времена, когда сеанс в кинотеатре продолжался полтора часа, от силы — час сорок пять. Теперь мы погружаемся в темноту кинозала на два с половиной, три часа. Выдержать такое нелегко даже закаленным кинокритикам. К тому же если, на беду, фильм еще и слаб. Почти три часа нас мучили кинематографисты ФРГ глупейшей лентой «Жанне д'Арк Монголии». Я выдержал испытание до конца, удивив некоторых моих коллег. Было даже любопытно. Такое примитивное и такое дорогостоящее зрелище не часто встречается.

Изумиться нагромождению нелепостей в «Жанне д'Арк» можно, не побывав в Монголии, не меньше изумляет и зрелище нашего родимого вагона-ресторана, где бывать приходилось (треть действия происходит там), — странной смеси гарлс-бара с «Калинкой-малинкой»... А дальше прямо из вагона-ресторана пассажирок-иностранок похищает властная амазонке-воительнице, предводитель местных амазонок. И пошло-поехало... Впрочем, беде этого фильма не только в метраже. Ножницами ничего не исправишь, не превратишь оперетту... а полуэтнографическую ленту. Но как поаредила безразмерность фильму «Камиль Клодель»! Чехов жаловался когда-то, что трудно придумать развязку пьесы. Не даются подлые концовки! Не даются они, как на грех, многим. Слава богу, кажется, пошли уже заключительные кадры: нет, все еще герои спорят, объясняют что-то нам и друг другу, куда-то идут, едут. И не видно конца-края. Неизбежная расплата за плохо скроенный сценарий.

Я думаю, в этом смысле высоким профессионализмом отличаются многие американские ленты. Тут можно поучиться строить сюжет, завязку, развязку, ударную концовку. Секретом ведения интриги, напряженного развития действия, наконец, чувством экранного времени американцы овладели отлично.

...Как-то в перерыве между просмотрами я отправился из «Цоопаласта» в Цоо — знаменитый западноберлинский зоопарк. От кинотеатра до него рукой подать. Я бродил по огромному зеленому лесопарку, разглядывал невиданных зверей и птиц, прислушивался к счастливому смеху детей и думал... Пусть не покажется это наивным руссоизмом, но в кино мы все больше начинаем уставать от скрежета мчащихся друг за другом по бесконечным эстакадам машин, с треском разваливающихся на крутых виражах, от пронзительного свиста полицейских сирен, от черствых подлецов. Пусть бы время от времени на экране появлялась неравнодушная природа, сияй бы кусочек голубого неба, не бутафорского, взятого напрокат с фабрики сладких снов. И не супермены, а обыкновенные люди творили бы чудо добра и побеждали зло.

В Западном Берлине с успехом прошел сейчас фильм «Медведь». Мир природы показан в нем глазами маленького, трогательного медвежонка, потерявшего мать. Прекрасный, величественный мир! Но сколько опасностей подстерегает четвероногого героя! Я видел, как люди в зале горячо, взволнованно сопереживали его радостям и бедам. Выдающийся австрийский зоолог Конрад Лоренц сожалел, что не может когда-нибудь поговорить с разумным животным, как человек с человеком. Режиссер Жан-Жак Анно, мне кажется, в этом в высшей степени человечном фильме о звере сделал возможным такой диалог.

Борис ГАЛАНОВ

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН — МОСКВА

ВОПРОС ПО СУЩЕСТВУ

АЛЬТЕРНАТИВА?

«Кто знает, какое место история музыки заканчивающегося XX веке отведет тем или иным сочинениям, что будут звучать (а некоторые — впервые) на нашем форуме?»

(Из пресс-релиза Московского фестиваля музыкального авангарда)

Июнь 1988-го. Экзамены, начало отпусков, бегущие от летней жары и пыли на природу москвичи — «нефилармонических» время. А в Музее музыкальной культуры имени Глинки с пяти пополудни и до полуночи — битком набитый зал и трансляция в фойе: для тех, кто в зале не поместился. Импровизация, студийность, игра. Авангард! Душа и инициатор — музыкант Алексей Любимов.

Декабрь. От богатства афиши голова идет кругом. Таких великолепных по программе «Декабрьских вечеров», такой «Русской зимы» давно не бывало. Как бы всюду успеть? Но все в том же Музее имени Глинки — опять столпотворение. Семь вечеров. «Что дают?» Фестиваль музыкального авангарда под броским девизом «Альтернатива?». Обширная программа, первоклассные исполнители — Геннадий Рождественский, Нелли Ли, Марк Пекарский со своим ансамблем ударных инструментов, оркестр «Коллегиум музикум», ансамбль солистов ГАБТа и многие другие музыканты, в том числе из Азербайджана, Эстонии, Литвы.

Кстати пришлись подробные аннотации. Ведь для нашей публики музыкальный авангард — terra incognita, в порой и нечто подозрительное, враждебное. Даже музыканты (!), знающие имена Айвза, Кейджа, Штокхаузена, Лигети и других корифеев этого направления, и те далеко на всегда знакомы с их музыкой. Причина известна: политике культурной изоляции и унифицированных вкусов, нашедшая свое концентрированное выражение в постановлении 1948 года.

Наша неосведомленность распространяется, естественно, и не музыку соотечественников. Если сочинения Софьи Губайдулиной, Эдисона Денисова, Альфреда Шнитке постепенно обретают известность, то что мы знаем о более молодых — например, москвиче А. Раскатове, азербайджанце Ф. Караеве или, скажем, эстонце С. Грюнберге, работающем в сфере электронной музыки, о джазовой группе С. Летова «Три О»? Все эти имена — и еще два десятка других — фигурировали в программе тринадцати концертов фестиваля, где, похоже, нашлось место всем изобретениям авангарда — этого своенравного сына века: инструментальному театру, конкретной и интуитивной музыке, сочинениям для приготовленного фортепиано, композициям с участием радиоприемника и магнитофонной записи, пьесам для самых разнообразных инструментальных составов.

Не все услышанное было равно значимо. Авангард — ато ведь эксперимент! Но лишний раз можно было убедиться: подлинный художник одухотворяет все, к чему прикасается, — как Софья Губайдулина, американец Дж. Крамб, удивительный украинский мастер Валентин Сильвестров, только сейчас, переступив порог пятидесятилетия, получивший официальное признание, или его эстонский коллега Арво Пярт, живущий ныне в Западном Берлине. Авторские концерты этих четырех композиторов стали, пожалуй, главным фестивальным событием. А весь он — впервые так широко распахнутым окном в новый художественный мир. Мы должны узнать его, пусть и с опозданием а несколько десятилетий, иначе трудно рассчитывать на полноценный диалог с современным искусством. Не только музыкальным.

Поэтому краткий анонс: Союзконцерт, проявив умение и поддержав инициативу музыкантов, планирует сделать фестиваль музыкального авангарда традиционным. Только что он прошел а Харькове. И тоже «лишних билетов» не было. Так что сладите за афишей!

Майя ПРИЦКЕР

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Михаил ШЕМЯКИН:

НЕОБХОДИМ ДИАЛОГ

О ТВОРЧЕСТВЕ И НЕЛЕГКОЙ СУДЬБЕ ТАЛАНТЛИВОГО ХУДОЖНИКА, КОТОРЫЙ ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ ЧАСТЬ ЖИЗНИ ВЫНУЖДЕН БЫЛ ПРОВЕСТИ ВНЕ РОДИНЫ, «ЛГ» НЕОДНОКРАТНО РАССКАЗЫВАЛА. ГАЗЕТА БЫЛА ИНИЦИАТОРОМ ЕГО ВЫСТАВКИ В СССР. 24 МАРТА СОСТОЯЛСЯ ВЕРНИСАЖ. МИХАИЛ ШЕМЯКИН ДАЛ ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ «ЛГ».

— Какое чувство вы испытывали, ступив на землю, которую покинули 18 лет назад?

— Довольно сложное. Я оставил Россию несколько иной, когда меня, мягко говоря, попросили ее покинуть. Поэтому, естественно, были и волнение, и даже страх из-за тех обстоятельств, при которых пришлось выезжать. И я поражен теплотой встречи, отношением таможни, которая, к удивлению, очень дружески меня приняла.

— Что вы ожидаете для себя от визита в Советский Союз?

— Во-первых, как Фома неверующий, хочу воочию убедиться в достигнутом перестройкой прогрессе. Дело в том, что я выписываю все основные советские газеты, и прежде всего «ЛГ» с ее уникальными статьями, из которых делаю тематическую подборку. Во-вторых, необходимо серьезно поговорить с современными художниками, чтобы не оставалось ошибочных взглядов на мое искусство.

В искусства каждый говорит свое, выстраданное. И воплощает его с отточенным мастерством, иначе язык художника никто на поймет. Лично себя я не отношу ни к реалистам, ни к абстракционистам. На мой взгляд, просто нелепо наклеивать на художника ярлыки и пытаться искусственно втиснуть его в устоявшиеся рамки.

— Несмотря на творческой деятельности, в прошлом году вы взяли на себя немалую общественную заботу — возглавили Международный комитет за освобождение советских военнопленных в Афганистане. Что сделано вами в этой области за последнее время?

— Наш комитет направил обращение к новому президенту США. Дело в том, что Рональд Рейган обещал нам свое содействие в вызволении пленных, и надеюсь, что только выборная кампания помешала ему исполнить обещанное. Сейчас мы просим Джорджа Буша продолжить дело предыдущего президента.

Государственный департамент здорово мог бы помочь с получением виз для поездки делегации Международного комитета в Пешавар, чего мы пока не смогли добиться от пакистанских властей. И, конечно, необходимо получить разрешение привезти военнопленных на реабилитацию. Ведь их положение сейчас ужасно. Я видел фотографии, сделанные в секретных тюрьмах на территории Афганистана. Ребята сидят в ямах, все в язвах, свирепствует дизентерия, им нечего, по сути, есть.

Одновременно мы настаиваем на переговорах с предводителями моджахеддинов. Недавно я беседовал с одним из них, и у нас была достигнута договоренность о вывозе хотя бы сначала 5—10 советских военнопленных в ближайшее время. Более того, в течение двух-трех недель мы должны получить списки военнопленных, до которых удалось добраться тем или иным способом. Тогда же, я надеюсь, удастся переправить и первую часть военнопленных.

Алексей КОРОБОВ

Скульптура из «ссылки»

Двадцать пять лет назад Челябинский скульптор Виктор Бокарев решил создать памятник жертвам сталинских репрессий.

Никто его не уполномачивал — решил, так сказать, по собственной инициативе. Местом сооружения памятника Бокарев мыслил Колыму — ведь Магадан известен как одна из столиц ГУЛАГа. Деньги на материал и транспортировку решено было собрать при помощи бывших зэков. Помню, моя мать, как и ее товарищи по судьбе, горячо откликнулась на эту идею. Но соорудить памятник не удалось — время круто переломилось. О сталинских репрессиях перестали упоминать.

Тяжелые времена наступили и для скульптора. В Москве расправлялись с «формалистами и абстракционистами» в искусстве. В Челябинске решили не отставать. Однажды в мастерскую скульптора нагрянул взвод солдат, и все работы вывезли на свалку. Там я их и увидел впервые, будучи собкором «Комсомольской правды». Мой материал об этом напечатан не был.

И немудрено. Даже А. Т. Твардовскому, пытавшемуся помешать расправе над скульптором, это не удалось. Б. Полевому в публикации его материала о «челябинском средневековье» отказали «Известия». Оставалось только писать челобитные: «Секретарю ЦК КПСС т. Л. Ф. Ильичеву... Скульптуры Виктора Бокарева были не только выброшены: Бокарев был вывезен в отделение милиции, где его предупредили, что если он в течение недели не устроится на работу, то его вообще выселят из города как тунеядца... А чтобы подтвердить, что все это действительно в Челябинске произошло, прилагаю фотографию, на которой видно, во что превращены все эти скульптуры после того, как их коснулась рука челябинских культуртрегеров... Из этом примера стоит дать бой пришибеевым от искусств, полагающим, что воспитание молодых художников или писателей и поэтов можно вести с помощью милиции... В. Полевой».

Но письмо кануло. Лишь спустя много лет (в 1988 г.) мы узнали о нем из публикации в журнала «Юность». А Бокареву кое-какие работы удалось спасти. Переезжая в гор. Жуковский, что под Москвой, скульптор захватил их с собой.

Надеюсь, скоро мы узнаем, когда и где появится памятник жертвам сталинских репрессий. Очевидно, на атом месте пока встанет камень с надписью «Здесь будет сооружен...». А что, если поставить пока бокаревскую скульптуру? Он не большее и не претендует. Мне кажется, что у такого мемориала и камень-предшественник должен быть особым...

Г. ЦЕЛМС

КРЕСЛО № 13

ПРЕДЛАГАЮ СКУКУ И СЛЕЗЫ

Сюжет новой ленфильмовской ленты «Предлагаю руку и сердце» ведет свою родословную от старой (прошу прощения за невольный каламбур) «Старомодной комедии». Изменена (всего ничего!) суть: теперь ато, так сказать, новомодная трагедия. Про что? А про то, как «встретились два одиночества», причем оба — пенсионного возраста, а их дети оказались категорически против.

Вспомнили?

И «Продлись, продлись, очарованье...», и «Поездки на старом автомобиле», и «Отцы и деды»...

Итак, он — суровый и нелюдимый внешне, но добрый и отзывчивый внутри (Николай Гринько в чеховской бородке и в чеховском домике в Ялте вызывает в памяти «Сюжет для небольшого рассказа», где он же отлично сыграл отнюдь не только бородку своего персонажа). Она — сумасбродная, экстравагантная, сманившая не одного мужа, но очень хорошая (Светлана Немоляева начинает со «Служебного романа» перевыграл массу подобных героинь).

Его дать алкоголик, всемогущ и подл, как и положено директору якомиссионки (Эммануил Виторган столько раз представал перед нами а таком обличье, что очень естественно и непринужденно ведет себя в фешенебельном ресторане, за рулем белоснежного авто и не плутает в интерьерах пугающе огромной «антикварной» квартиры). Его дочь — бывшая спортсменка, дважды чемпионка Европы (!), мегдотель ресторана... депутат и — просто классическая стерва (Ирина Розанова делает все возможное и невозможное, чтобы вызвать у нее омерзение к своей героине, и легко сей цели достигает).

Не задаем плана робко мечтит хорошей дочке нехорошего Виторгана, которая, как всякая советская девушка а маникюрша, во-первых, падает далеко от яблони, во-вторых, испепеляет гневным взглядом родного папу и, наконец, в-третьих, боготворит народного дедушку Гринько. А тот в это время гуляет с Немоляевой, то есть будущей бабушкой, по теплому южному городу, ведет лирические беседы и даже пытается, предложив ей руку и сердце, сыграть свадьбу при свечах в доме родной дочери, забыв уведомить ее об этом.

Вот тут-то, при попытке поселения «молодоженов» в этом обывательском раю, из дочки и ее супруга так и поперло звериное «мурло мещанина». Бедным влюбленным было, как писали в старинных романах, категорически отказано от дома. Вследствие чего дедушка тихо скончался в автобусе с интернатскими детьми, коим он сорок лет преподавал историю, на руках у неродной, но благородной внучки.

Не хочешь, а зарыдаешь, но вот какая странная штука. Слезы, которых так много на экране, увы, ничего не выжимают из моих глаз. Может, потому, что я а ато время лихорадочно пытаюсь вспомнить: почему мне так знакомы и диалоги, и герои, и ситуация? Ну да, были похожие картины (см. выше). Но, кажется, именно атот сюжет я тоже встречал... Ба, да ведь он из пьесы Александра Галина «Ретров, несколько лет назад обошедшей многие театры страны и почему-то никак не упомянутой в титрах фильма!

Может быть, драматург вовремя разгадал, что его пьеса почти не имеет отношения к фильму, и благоразумно решил снять свое имя? Зато режиссер-постановщик Виктор Соколов свое имя оставил. Что ж, вести себя так — законное право авторов. Как и мое законное право — завершить сей кинофельетон словами из песни, звучащей в финале картины:

Чудачествам нашим а угоду
Мы странные штуки творим:
Куда-то бежим в непогоду,
В беде чепуху говорим,
Бессмысленна ата погоня...

Добавлю только: скучна и неперспективна, несмотря на бурные слезоизъявления героев.

П. СМИРНОВ

Звуки музыки

Фот. В. Богданова

ПОП-ДИАЛОГ

СЕМЬ ДНЕЙ В МАРТЕ

Сообщаем подробности

ГЛАСНОСТЬ ЗА ОГРАДОЙ,

или Как в НАТО обсуждают перестройку

«Утверждение, что перестройка ограничивается лишь экономикой, — хороший совет для тех, кто желает ошибаться в оценке событий в СССР. Не надо следовать слухам, будто в Политбюро идет внутренняя борьба». «Перестройка: эволюция или революция? Сможет ли этот процесс завершиться успехом без поддержки и помощи Запада?..»

Вопросы, декларации, гипотезы о судьбах перестройки... Они уже не в состоянии поражать нас, советских людей, своей остротой, даже болезненностью, а порой и откровенной наивностью. К правдоматке мы с недавних пор привыкли благодаря газетам, журналам, телевидению. Да и есть ли что-нибудь удивительное в том, что экономисты, историки, юристы, социологи собираются для обсуждения проблем, назревших в связи с перестройкой в СССР? Обычное дело. За исключением, пожалуй, того, что коллоквиум, выдержки из выступлений участников которого я процитировал выше, проходил в конференц-зале имени Иозефа Лунса, штаб-квартире НАТО в Звере — окраине Брюсселя, — накануне празднеств по поводу 40-летия подписания Североатлантического договора.

— Коллоквиум «Экономические реформы в СССР: их проведение в жизнь» организован дирекцией по экономическим проблемам НАТО, — рассказывает француз Жан-Клод Рено, возглавляющий дирекцию по экономическим проблемам. — Цель, которую мы ставили перед собой, — помочь правительствам стран — членов НАТО четче определить свое отношение к процессам перемен в СССР. На взгляд большинства участников нашей встречи, перестройка уже сейчас — большой успех. Идет борьба за демократию.

Какой в этом контексте может быть позиция Запада? Так или иначе на этот вопрос ответили на нашем коллоквиуме не только ведущие западные советологи, но и бизнесмены, специалисты в области международных отношений и международной торговли. Впрочем, подробнее всего вы узнаете об этом из досье для прессы. Скажу только, что в будущем году мы постараемся организовать с еще большим числом участников новый коллоквиум, на этот раз по советским проблемам, не только экономическим.

И правда, имена участников и широта тем, затронутых ими, впечатляют. Голландец Микаэль Эллман говорил о последствиях экономической реформы в СССР. Итальянец Ренцо Давидди — о перспективах конвертируемого рубля. Американец Грегори Гроссман — о возможностях частной и кооперативной инициативы в Советском Союзе. Француз Серж Расловлефф—о будущем совместных предприятий и фирм в СССР. Американец Рассел Боува — об отношении советского военного руководства к перестройке. Всего и не перечислишь. Но одно совершенно очевидно: если верить резюме докладов, ораторы на этот раз не поучали и не предавали анафеме Советский Союз, что случалось в стенах штаб-квартиры НАТО раньше, а разъясняли специфику советской политики, доводили до сведения западной публики основные аспекты перестройки, призывали к их совместному обсуждению. Атмосфера была конструктивной. И очень жаль, что не пришлось встретиться с участниками коллоквиума после их выступлений, задать им вопросы, услышать их суждения о последних новостях из СССР. Ведь по заведенному в НАТО порядку журналисты из стран, не являющихся членами Североатлантического договора, не имеют права участвовать в мероприятиях, которые проводятся в Эвере за внушительной оградой. Как назвать эти правила? Нормами бдительности, безопасности или пережитками недоверия и неприязни? Тем паче что сама тема дебатов — перестройка, гласность, — казалось бы, призывает как можно быстрее избавиться от былых предубеждений и недомолвок.

— О каких военных секретах может идти сейчас в этом зале речь! Смотрите: львиная доля прозвучавшей на коллоквиуме информации о переменах в вашей стране взята из советской печати. Вероятно, есть смысл пригласить на наш следующий коллоквиум по перестройке в СССР советских специалистов, — считает Жан-Клод Рено. — Но как это будет практически, я, признаться, пока не знаю. Что вы хотите? Не только у вас перестройка — процесс сложный и долговременный.

Кирилл ПРИВАЛОВ,
соб. корр. «ЛГ»

БРЮССЕЛЬ

ЛИВАН: БОЙНЯ НОМЕР...

Горячие точки планеты

ПОСЛЕДНЯЯ НЕДЕЛЯ ОЗНАМЕНОВАЛАСЬ НОВОЙ ВСПЫШКОЙ ВООРУЖЕННЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ В БЕЙРУТЕ. ПО СООБЩЕНИЯМ ЛИВАНСКИХ ГАЗЕТ, СТОЛЬ КРОВОПРОЛИТНЫХ СХВАТОК СТОЛИЦА НЕ ЗНАЛА В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ. ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ В РЕЗУЛЬТАТЕ БОЕВ, ВСПЫХНУВШИХ В СЕРЕДИНЕ ЭТОГО МЕСЯЦА МЕЖДУ МУСУЛЬМАНСКИМИ ВОИНСКИМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ЗАПАДНОГО БЕЙРУТА И ХРИСТИАНСКИМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ ВОСТОЧНОГО, ДОСТИГАЛИ В НЕКОТОРЫЕ ДНИ ПОЛСОТНИ ЧЕЛОВЕК УБИТЫМИ И ОКОЛО ДВУХСОТ РАНЕНЫМИ, ЖЕРТВЫ, КАК ВСЕГДА, В ОСНОВНОМ СРЕДИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

— Иностранный журналист? В Бейрут? Да оттуда все бегут! — и солдат в каске, покрытой маскировочной сеткой, кивнул на поток машин. — В Ливане своих журналистов некуда девать — суются куда не надо. У меня приказ — не пущу! — и он нетерпеливо повел автоматом. — Все дороги перекрыты. Уезжайте себе с миром.

И я уехал. С миром. Обратно в Дамаск, оставив позади пограничный пост на сирийско-ливанской границе. На сей раз мне не удалось попасть в соседнюю страну, туда, где нет мира вот уже 14 лет.

Листая ливанские газеты, читаю заголовки: «Война вернулась», «Страна во власти хаоса», «Кризис чреват международными последствиями», «Бойня в Бейруте».

Установить точно, кто открыл огонь первым, почти невозможно. Зато большинство политических обозревателей сходятся во мнении о причинах новой военной вспышки между двумя частями Бейрута, называя нынешнюю эскалацию боевых действий «портовой войной». Дело в том, что глава военного правительства генерал Мишель Аун установил блокаду ливанского побережья. Он объявил незаконным создание различными военно-политическими группировками морских портов, потребовав их закрытия, с тем чтобы таможенные доходы шли в казну. С этого все и началось: перестрелки, артналеты, заминированные машины...

Вот фрагменты интервью, взятых местными корреспондентами у жителей Бейрута. На вопрос: «Что будете делать дальше?» — следуют ответы:

— Двинемся на юг страны. Там тоже стреляют, но все же спокойнее.

— Уеду из Ливана куда подальше!

— Деваться некуда — останусь дома. Чему быть, того не миновать.

Другой вопрос: «Кто виноват в происходящем?»

— Генерал Мишель Аун, его клике и Израиль.

— Мы все, ливанцы, без исключения.

— Я не знаю, но хотел бы знать, кто за всем этим стоит.

— Виноваты руководители всех ливанских партий и организаций, и пусть они все сгинут, если не могут договориться!

А что думают сами политические лидеры? Мишель Аун обвинил Сирию в развязывании нового конфликта. Выступая по телевидению, он заявил, что 35-тысячные сирийские войска, «оккупирующие» две трети ливанской территории, — главный источник бед ливанцев, и посему провозгласил *«начало освободительной войны* против Сирии». Глава гражданского правительства Западного Бейрута Селим Хосс считает, что не Ауну, контролирующему едва ли десятую часть страны, а совету министров единого правительства надлежит решать вопрос о присутствии сирийцев, которые находятся в Ливане по приглашению законных властей. Именно сирийцы, по его мнению, удерживают страну от новых серьезных вспышек гражданской войны. Средства массовой информации Сирии, отвергнув домыслы Ауна, в свою очередь, обвинили генерала в стремлении осуществить «план раздела Ливана и его ликвидации в интересах Израиля».

— Развязанные изоляционистами под руководством Ауна военные действия, — говорит лидер прогрессивно-социалистической партии Валид Джумблат, — направлены в первую очередь против ливанских патриотов, законного правительства и всего народа. Генерал совершил двойное преступление: первое — против сотен невинных граждан, второе — против своей израненной и разоренной родины, погружая ее в пучину гражданской войны.

Другой прогрессивный деятель, лидер движения «Амаль» Набих Берри, квалифицировал «освободительную войну» генерала как попытку освобождения Ливана от свободных и невинных людей и полного забвения подлинных оккупантов — израильских захватчиков на юге страны. Генеральный секретарь ЦК Ливанской компартии Жорж Хауи призвал всех патриотов объединиться в борьбе против «продажного сумасброда, обещающего не оставить камня на камне в Западном Бейруте». А собравшиеся на очередное заседание представители высшего мусульманского духовенства Ливана опубликовали заявление, указав, что те, кто желает подлинной свободы для страны, должны сотрудничать с Сирией, а не объявлять ей войну.

В эти тяжелые для Ливана дни лидеры многочисленных политических и религиозных партий и организаций страны обращаются к гражданам с призывом, «вняв чувству долга и патриотизма», примкнуть к их движению. Другие политические деятели уповают на помощь со стороны двух великих держав, вставших на путь сотрудничества в области международной политики, и взывают к их помощи.

А не вернее ли всего воззвать просто к здравому смыслу и решить наконец свои собственные проблемы посредством переговоров, а не очередной бойни?

Сергей МЕДВЕДКО,
соб. корр. «ЛГ»

ДАМАСК

На снимках: на автоматах ливанских христиан изображение девы Марии, ливанских мусульман — портрет Хомейни.

Фото из журнала «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» (США).

За кулисами событий

СУДЬБА «ЧЕРНОГО ВЕЛИКАНА»

НА АВСТРИЙСКОМ КУРОРТЕ БАД ХОФГАСТАЙНЕ ПОСТИТСЯ СЕЙЧАС КАНЦЛЕР ФРГ ГЕЛЬМУТ КОЛЬ. ЭТО СТАЛО ДЛЯ «ЧЕРНОГО ВЕЛИКАНА» (РОСТ 193 см) УЖЕ ТРАДИЦИЕЙ ВО ВРЕМЯ ПАСХАЛЬНЫХ КАНИКУЛ. ГОТОВ, ОДНАКО, ДЕРЖАТЬ ПАРИ, ЧТО 3 АПРЕЛЯ ОН ВЕРНЕТСЯ В БОНН ПОХУДЕВШИМ КАК НИКОГДА.

Тяжелый груз взял с собой канцлер на отдых: федеральное правительство переживает глубочайший кризис. Кое-кто уже даже списал Коля со счетов и называет имя его преемника—Лотара Шпата, нынешнего премьер-министре преуспевающей земли Бавден-Вюртемберг.

Что же случилось в ФРГ? Работу правительств на Западе население оценивает прежде всего по состоянию экономики страны. Здесь у боннской коалиции ХДС/ХСС-СвДП в основном плюсы. И все-таки избиратели все больше отворачиваются от нее. «Одной сытости мало, нужен свежий воздух, перспектива», — туманно комментирует «Франкфуртер альгемайне цайтунг», попытавшаяся проанализировать обстановку.

А вот какими наблюдениями и комментариями поделились в беседах со мной в Бонне люди из правительственного лагеря.

С самого начала канцлер Коль содействовал поляризации западногерманского общества, выдвинув лозунг «Две трети», под которым скрывалась, как выяснилось, «мудрая философия»: пусть одной трети населения будет еще хуже, зато остальная часть заживет всласть. Так и получилось. Но вот незадача — все время идут «приливы и отливы», и многие немцы не знают, куда волна вынесет их завтра.

Долгие годы ФРГ строила свое благополучие не в последнюю очередь за счет грошовой иностранной рабочей силы. В 60-е годы сюда просто хлынули потоки гастарбайтеров, их принимали охотно. Сейчас в Западной Германии почти пять миллионов иностранцев. Причем, сюда съезжают десятки тысяч немцев из Польши, СССР. Естественно, что для многих немцев это «лишние рты» и «соперники на бирже труда», где зарегистрировано 2,2 миллиона безработных. Ситуацией воспользовались правоэкстремистские партии — республиканцы и национал-демократы, сеющие среди населения ненависть к иностранцам. Немало людей клюнуло не ядовитую наживку, отдает «коричневым» на выборах свои голоса. Чем же ответило правительство Коля на этот «коричневый ренессанс»? Оно решило стать еще «чернее». Из рядов ХДС/ХСС раздаются призывы «защитить истинных немцев», «закрыть шлюзы», не пускать больше в ФРГ иностранцев. В результате турки, югославы, поляки, «фольксдойче» из СССР все острее чувствуют на себе колючие взоры «настоящих хозяев». Оппозиционные партии — социал-демократы и «зеленые»— говорят уже о новой вспышке расизма в стране.

Боннские демохристиане попытались было протянуть руки и к соседней ГДР, благо подвернулся «повод»: пытаясь остановить незаконное пересечение границы, пограничники ГДР открыли огонь и ранили нарушителя. Что тут поднялось в Бонне! Угрозы, ультиматумы, отмены встреч министров обеих стран... А итог — новый виток правой истерии. (Замечу, что выходцы из «Восточной Германии» для бюргеров здесь тоже «люди иного сорта».)

Наконец, двойственная позиция федерального правительства в вопросе о разоружении. Каждая неделя в последнее время изобиловала разоблачениями, суть которых сводилась к одному: на словах Бонн — против новых танков и ракет, на деле— за. («ЛГ», № 9, 1989 г.).

Удастся ли остановить несущийся поток критики и недоверия? Многие политики и обозреватели в Бонне настроены более чем скептически. В качестве рубежной точки называют 18 июня, когда состоятся выборы в Европарламент и коммунальные выборы в земле Рейнланд-Пфальц — на родине канцлера. Если последует новое поражение, а таковы прогнозы институтов общественного мнения, канцлер может не устоять...

Валентин ЗАПЕВАЛОВ,
соб. корр. «ЛГ»

БОНН

Мир вокруг нас

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ПО-ЯПОНСКИ

В ЯПОНИИ НАМЕТИЛИСЬ КОНТУРЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОВОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ, В ОСНОВЕ КОТОРОЙ КОНЦЕПЦИЯ «МАЛОЙ РОДИНЫ» ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА НОБОРУ ТАКЭСИТА.

Ежедневно сообщается о новых проектах возрождения традиционной культуры и производства, дальнейшего развития префектур, городов, поселков, деревень страны, установление ими самостоятельных, прямых международных контактов.

По-прежнему местные органы самоуправления выступают совместно с деловыми кругами и общественностью. Хорошим стимулом послужило целевое выделение из госбюджета по 100 миллионов иен дотации каждой административной единице. Привлекает и перспектива с этой целью использовать значительную часть поступлений от вводимого налога на потребление.

В связи с этим средства массовой информации объявили конкурс на лучшие проекты развития. В нем принимает участие все население, включая учащихся начальной школы. Уже проявилась народная смекалка: жители небольшого городка Цуна купили на полученные средства золотой слиток весом 63 кг, выставили его на всеобщее обозрение и таким образом уже собрали значительную дополнительную сумму. Закрыв выставку, они намерены перепродать слиток, что, с учетом роста цен на золото, также принесет прибыль и в свою очередь пополнит копилку развития их «малой родины».

Небывалых масштабов достиг бум международных выставок, ярмарок и олимпиад, призванных служить развитию того или иного города. Иокогама проводит международную выставку «Космос и дети», Нагоя — «Дизайн-89», сельскохозяйственная префектура Нагано борется за право проведения зимней Олимпиады-98...

Возрождение «малой родины» проходит в условиях, когда активность в любой сфере определяется процессами интернационализации. Н. Такэсита в своей книге «Прекрасная страна Япония» пишет, что лишь тот, кто имеет за плечами процветающую «малую родину», представляет ценность для мира, может быть желанным гостем в других странах, радушным хозяином в своей. Япония достигла внушительных успехов. Но для дальнейшего развития ей предстоит в срочном порядке решить, во-первых, проблему воспитания кадров, отвечающих требованиям нового этапа НТП. Кадров, самостоятельно мыслящих, готовых к принятию независимых, неординарных решений. Во-вторых, подготовиться к стремительному росту пожилого населения, с тем чтобы старшие возрастные группы (к 2000 году они составят 16,3 процента) были обеспечены медобслуживанием, пенсией, могли творчески трудиться (более 70 процентов японцев хотели бы работать, пока позволяют силы), жили бы в окружении близких, пользуясь уважением и вниманием общества. В-третьих, приостановить стремительный рост цен на землю, прежде всего в крупных городах, поскольку иначе японцы распрощаются с традиционной мечтой о собственном доме. В-четвертых, Японии, производственная мощь которой составляет уже 15 процентов общемировой, предстоит увеличить вклад в решение глобальных проблем, оказание помощи развивающимся странам, а также широко открыть свой рынок для импорте товаров и капитала.

Решению всего комплекса проблем и должны послужить децентрализация, переложение значительной части административных и хозяйственных задач на места, равномерное рассредоточение по всей территории функций столицы путем придания более высокого статуса целому ряду городов, призванных стать столицами префектур.

Выдвигая программу «малой родины», Н. Такэсита говорит о необходимости для Японии, за сто лет своего ученичества догнавшей передовые страны, отныне идти самостоятельно, «на ощупь». Думается, что эта программа, аккумулировав все ценное в предыдущих правительственных разработках, уловила нечто важное не только для японцев...

Владислав ДУНАЕВ,
соб. корр. АПН и «ЛГ»

ТОКИО

Никарагуанские контрас скоро, по всей видимости, покинут как эту, так и остальные свои базы в Гондураса. Такое решение приняли лидеры пяти центральноамериканских государств. Никарагуанское правительство, со своей стороны, обязалось перенести проведение всеобщих президентских выборов на февраль следующего года.

Фото из журнала «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» (США)

О них говорят

НАДЖИБУЛЛА

Корреспондент английского еженедельника «Обсервер» Артур Кент пишет из Кабула, что за недолгий срок после ухода советских войск из Афганистана многое изменилось в деятельности Наджибуллы. Западные наблюдатели подчеркивают, что президент Афганистана, которого считали «советской марионеткой», теперь проявляет себя более решительным, твердо контролирующим правительство и армию. «В то время, как моджахеды по-прежнему разрознены, Наджибулла создает впечатление уверенного в себе государственного деятеля».

Ричард Брюс ЧЕЙНИ

На фото запечатлено одно из первых выступлений вновь назначенного министра обороны США Ричарда Чейни. Он решительно высказывается против сокращения вооруженных сил США. Новый министр пользуется в конгрессе США репутацией убежденного консерватора, весьма скептически относящегося к Советскому Союзу, сторонника наращивания американской военной мощи.

«Я не думаю, — сказал Чейни, — что мы должны придерживаться таких отношений с СССР, которые позволили бы нам экономить средства. Было бы большой ошибкой сейчас сократить наши военные возможности и ослабить тем самым свой оборонный потенциал». Министр обороны назвал стратегическую оборонную инициативу — СОИ — многообещающей программой, которую надо осуществлять.

А. БАНИСАДР

Во Франции вышла книга А. Банисадра «Заговор аятолл», написанная к десятилетию исламской революции в Иране. Автор был одним из ее первых участников и главных руководителей. Приехав десять лет назад из Франции в Тегеран с аятоллой Хомейни, он стал членом Революционного совета, затем министром и, наконец, президентом первой Исламской Республики. «Духовный сын Хомейни», — говорили о нем. Через несколько месяцев «отец» отстранил его от власти, и ему снова пришлось вернуться во Францию. В интервью французскому еженедельнику «Экспресс» А. Банисадр не скрывает своего намерения в скором будущем вернуться в Иран и надежды на установление там демократии. Он считает, что, несмотря на кризис, переживаемый страной, исламская революция принесла свои плоды, повлияв и изменив психологию иранцев. «Иранский народ хочет свободы», — утверждает бывший президент.

Продолжая тему

Я — РАШДИ

Я был на демонстрации американских писателей, организованной Пен-клубом. Читались отрывки из «Сатанинских стихов». Норман Мейлер, Эдгар Доктороу, Сьюзен Зонтаг говорили о том, что «нет ничего превыше свободы слова», что отстаивать ее надо всем сообща. Надпись на плакате: «Я — Рашди».

В защиту Рашди выступил генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр. О том, что атака на Рашди «нарушает все нормы цивилизации», сказал в одном из интервью президент США Джордж Буш. Энергичную поддержку Рашди оказали коллеги-писатели. На демонстрации, о которой я упоминал, Норман Мейлер сказал:

— Мудрые мужи Ирана знают, что западная совесть притуплена, что в нашей монотонной, таящей такие ужасы, как наркотворны и острая нищета, жизни никто не готов умереть за идею, кроме, может быть, той, что обернется большой суммой денег. Поэтому, возможно, аятолла пожелал щелкнуть длинным кнутом, тайна устрашения которого заключается в нашем бездонном ужасе перед бездонной ямой терроризма. Если мы ни во что не верим, то как мы можем вынести смерть? Но обнаружилось, что мы, кажется, готовы принять страдания за свои идеи. Может быть, мы даже готовы в конце концов умереть за идею. Серьезная литература — это тот абсолют, который мы должны защищать.

Роберт Мэсси, президент «Авторской гильдии», предупредил книготорговцев, что 6 тысяч членов его организации заставят издателей изъять их книги из магазинов, отказавшихся продавать «Сатанинские стихи». Опальный роман вновь появился на прилавках.

События вокруг книги Рашди — драматическая иллюстрация того, как противоречие и взаимосвязан современный мир. Действительно ли Рашди заслужил свою кару? Даже среди иранского руководство обнаружилось отсутствие на сей счет единого мнения. Те, кого аятолла именует «прагматическими элементами», не хотели бы ссориться со всем миром из-за книги Рашди. Хомейни выразил им крайнее неудовольствие. «Прагматики» отступили.

Действительно ли писатель оскорбил мусульман? Салман Рашди родился в Бомбее, но всю жизнь прожил в Англии и в Аллаха не верит. «Сатанинские стихи» писал европеец, человек Запада. Для западного читателя в этой книге нет ничего криминального. Магомет, можно прочесть в ней, сам создал Коран, а не получил его от Аллаха. Здешний читатель видит в этом элемент сюжета, реализацию права писателя на фантазию. Мусульманин ту же ситуацию воспринимает иначе.

Профессор Джорджес Сабагх, директор центре ближневосточных исследований при Калифорнийском университете, считает: «Рашди занялся худшим видом богохульства. Он ренегат, изменник». Журнал «Тайм» приводит высказывания Амира Тэхери, иранского публициста: «Даже если бы Магомет изображался Рашди с большим уважением, тот факт, что он подан как вымышленное яйцо, воспринимается мусульманами как грех. Ислам не признает неограниченной свободы самовыражение. Большинство мусульман — люди с широким взглядом на многие вещи, но не на их веру. Рашди не посчитался с этим и превратил себя в отщепенце исламского общества и мишень для команды террористов Хомейни».

Да, Рашди дал повод для таких оценок. Он и сам, принося извинения, говорит: «Я сознаю, что мусульмане могут быть возмущены моим романом». Ошибка двух культур, двух мировоззрений высекла злую искру нетерпимости. По поводу таких книг можно дискутировать, их можно, если есть аргументы, уничтожать в полемике. Но почему должен быть уничтожен автор?

И, наконец, еще один вопрос — не кроется ли за защитой Корана желание защитить совсем иные, куда более прозаические ценности — власть и свое положение на верхушке политической пирамиды? Вот какой ответ на этот вопрос я нашел в письме Фрэнка Джоунса из Нью-Джерси в редакцию «Нью-Йорк таймс» «В международном скандале из-за «Сатанинских стихов», — пишет он, — трагически переставлены акценты. Дело не в книге. Дело в том, что миллионы людей в Иране, Пакистане и других странах бьются в тисках нищеты и отчаяния. Реакция на это политических лидеров и института религии та же, что и всегда.— придумать дьявола. Результаты могут быть опустошительными — от крестового похода до массового уничтожения людей. Но куда легче отвлечь рожденный отчаянным положением гнев бедных, чем стать лицом к истинным причинам их ярости».

Эдгар ЧЕПОРОВ,
соб. корр. АПН — для «ЛГ»

НЬЮ-ЙОРК

«ЛАЙФ», ГДЕ ТЫ?

Между прочим

Если вы подписались на газету, журнал, а их не доставляют, что вам остается? Конечно же, идти на почту и выяснять отношения. Когда уладить их не удалось, пишется жалоба — в Министерство связи и затем в различные редакции. Наша газета, оказавшись в подобном положении, решила написать сама себе. Вот только не знаем, на кого жаловаться. Впрочем, судите сами...

Ежегодно «ЛГ» подписывается на добрую сотню самых различных иностранных изданий, платя за это немалую валюту «Международной книге». Это внешнеторговое объединение передает наш заказ фирмам различных стран и считает, очевидно, свою миссию на этом законченной. Говорим так потому, что на неоднократные обращения с вопросом, где же товар, за который уплачено, слышали в ответ: не наша забота — ищите не международном почтамте.

Чтобы не быть голословными, укажем только на некоторые американские журналы, которые должны были, по идее, приходить в редакцию с января 1989 года (данные на 27 марта): «Нью-Йоркер», еженедельник, годовая цена 56 долларов, — не получен ни один номер; «Нью-Йорк ревью оф букс», выходит два раза в месяц, 46 долларов, — не получен ни разу; «Нью рипаблик», еженедельник, 56 долларов, — не получен ни разу; «Роллинг стоун», выходит два раза в месяц, 66 долларов, — пришел один январский номер; «Нэшнл джиогрэфик», ежемесячник, 29 долларов, — ни одного номера; «Лайф», ежемесячник, 59 долларов 50 центов, — не видели ни разу... Можно еще продолжать в том же духе по этой и другим странам.

Так вот, кто ответит? «Международная книга» кивает на Международный почтамт, тот, вместо того чтобы навести у себя элементарный порядок, тоже пытается найти виновных... Нам же кажется, согласно простому здравому смыслу, кто получает деньги, с того и спрос. Хотя, между прочим, можно обойтись и без такого посредника и покупать нужные издания прямо у фирм-распространителей. По слухам, они весьма обязательны по отношению к своим клиентам.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОТДЕЛ «ЛГ»

Автомобиль — народу!

Владимир СОКОЛОВ

Похоже, наступил момент, когда говорение слов на тему автомобилизации нашего Отечества теряет всякий смысл. Что можно добавить после такого, к примеру:

«На днях в Куйбышевском спецавтоцентре стоявший впереди меня мужчина в отчаянии вдруг начал кричать: «Да что же это такое, я приезжаю к вам уже третий раз, сколько можно!» Тогда гражданин, стоящий сзади, спокойно ему сказал: «Я езжу сюда третий месяц. А ты будешь ездить со своим колесом до тех пор, пока не сдохнешь от инфаркта». И тот сразу посерел...» (наблюдением из жизни автосервиса поделился И. Иванов, гор. Куйбышев, откликаясь на статью «ВАЗ, который не для нас», «ЛГ», № 43, 1988).

А ВОТ как отзываются читатели о доступности наших автомобилей:

«Автомобиль — это несбыточная мечта для молодой советской семьи» (томичи Архипов, 23 года, Марочкин, 24 года, еще один Иванов, 27 лет). «Дайте советскому трудовому человеку такой автомобиль, на котором ездят, а не дожидаются его в очередях по 15 лет!» (В. Брага из Бендер). «Довели покупателя дефицитом до того, что он должен выложить на «толчке» за конвейерное изделие стоимость квартиры. Абсурд!» (одессит на пенсии Н. Кочержин).

Мечты бывают, как известно, голубые розовые и хрустальные. К какой из них отнесем автомобиль, если в наши дни в разговоре полковника КГБ с одним из террористов, захвативших в Орджоникидзе автобус с детьми, прозвучал такой пассаж:

Бандит Анастасов: «У меня отец — инвалид, всю жизнь получает гроши, и я нищий — не могу машину купить, когда люди вокруг на лимузинах ездят».

Полковник Шереметьев ему: «Я старше тебя и тоже всю жизнь мечтаю купить машину, но я же не хватаю автомат, не захватываю автобус и детей».

Не хрустальная, не голубая, а взрывоопасная — вот какая у нас мечта автомобиль. Если подонок, способный в любой миг превратить автобус с детьми в погребальный костер, и если человек высочайших душевных качеств, способный пожертвовать жизнью за любого из этих незнакомых ему детей, — если эти социальные антиподы искренне мечтают об одном и том же «конвейерном изделии», одинаково недоступном для обоих, то что это? Вещизм? Бросьте! Во всем мире, да и у нас, автомобиль давно уже не вещь, а инструмент расширения личной свободы, средство стать независимым от всевозможных расписаний и самостоятельно выбирать пути — во многих смыслах. И уж коли столько пятилеток деятельная часть народа нашего одержима мечтой о собственном автомобиле, уж коли во многих беспятилеточных государствах та мечта давным-давно стала обыденностью, значит, были в наших пятилетках крупные социальные изъяны. Впрочем, последнее уже очевидно.

НЕВОЗМОЖНО поверить, будто причастные к нашей «автомобилизации» ведомства не знают ничего о накопившихся в этой сфере противоречиях. Все всё знают, и всё остается из пятилетки в пятилетку по-прежнему.

Скажем, Госкомцен СССР не может не понимать, что если автомобиль стоит 3—4 годовые зарплаты трудящегося, то его покупка потребует от трудящегося:

— многолетнего отказа от потребления других товаров,

— либо многолетних приработков, то есть отказа от свободного времени, отдыха, воспитания детей и т. д.,

— либо отказа от честного образа жизни (кстати, путь самый легкий и скорый).

Стране, отметим, невыгоден любой из этих вариантов — наносит ли он ущерб экономике от сокращения товарооборота в других отраслях, страдает ли здоровье трудящегося и его семьи, разрушается ли нравственность общества. Стране в целом — плохо. А кому хорошо? Госкомцен? Он ни рубля не получает (но и не теряет!) от несуразных цен. Бюджету? Но в те годы, когда вздувались цены на автомобили, запасы невостребованных товаров в торговле исчислялись много большим количеством миллиардов рублей, чем давала сверхприбыль от ограбления автолюбителей. Кому же было от этого хорошо? Понять невозможно.

Да и сегодня с этой самой сверхприбылью не ясно — в чью пользу она. Взять те же вазовские малолитражки. На внутренний рынок их идет каждый год около полумиллиона, цена в автомагазине 8—10 тысяч рублей. Оптовая цена, которую получает за свое изделие завод, гораздо меньше: 2—3 тысячи. Стало быть, в доход бюджета с каждой проданной передовику производства, ветерану или художнику машины ВАЗа идет примерно 7 тысяч честно заработанных рублей, а в год — 3—4 миллиарда. Однако (вспомним дикие цены на бензин и запчасти) не каждому передовику производства, ветерану и даже художнику окажется по средствам пользоваться своей дорогой покупкой. А на «толчке» она еще дороже, «толчок» зовет и манит фантастическими суммами: 15, 17, 20 тысяч за нового «Жигуленка». Соблазн! И если предположить, что значительная часть проданных через магазин «Жигулей» в тот же год перепродается по двойной цене, то мимо бюджета проскакивают еще миллиарды, но уж эти-то миллиарды в большей части сколочены в кооперативах, выиграны в «наперстки», хапнуты в виде взяток, а то и попросту украдены у государства же.

Мимо бюджета, сказал я? Как бы не так. Удвоившиеся на «толчке» тысячи передовик производства, ветеран или художник чаще всего несет... обратно же в сберкассу, другими словами — в бюджет, ибо купить-то на них все равно нечего. Выходит и «толчок» полезен бюджету? Тогда понятно, почему бюджет, сиречь государство, так снисходительно-рассеянно не замечает нашей феноменальной автоспекуляции, имеющей, уверен, крупнейший в мире оборот.

НО ВЕРНЕМСЯ к автомобилям. Даже в директивной экономике бешеный спрос сбивается все-таки не директивами, а предложением. Ныне же в нашей автопромышленности ситуация такова, что в прошлом году автомобилей было продано советским гражданам на 4 процента меньше, чем в позапрошлом, в году же текущем предвидится еще и уменьшение производства «Москвичей» на 20 тысяч, а приращений по другим автозаводам не будет.

Напряжение на авторынке, кое-где уже взвинтившее без того гипертрофированные госцены втрое, продолжает нарастать. Нужны срочные меры. Какие же?

Очень многие письма наших читателей подсказывают первую, наиболее простую и резонную из возможных мер. «Считаю, что торговлю нашими автомобилями на Западе надо прекратить...» (В. Гудков, Харьков). «Валюта, бесспорно, нужна, но, во-первых, для ее получения хороши не все средства, а во-вторых, нужно навести порядок с ее расходованием. Продавать за бесценок машины устаревшей конструкции не может быть делом престижным и выгодным» (В. Зайцев, Бельск). «Неужели функционеры из Минавтопрома, Внешторга, Госплана, Минфина и т. д. не понимают, что каждая отданная в капстрану машина обогащает наш черный рынок на 3—10 тысяч рублей? Неужели грамм инвалюты тяжелее тонны наших денег?» (А. Вавилов, Новозовск).

Присоединяясь в целом к читателям, формулирую свою позицию более сдержанно: не прекращение, а только сокращение экспортных поставок в те страны, где авторынок забит и без наших «Самар» и «Лад». Это дало бы нам в ближайшие сроки сотни тысяч машин, которыми можно сбить лихорадку спроса. Сворачивание, подчеркну, должно быть до таких пределов, пока советские автомобили покупают без разорительных переделок и по не слишком оскорбительной цене. Нынешняя же безумная энергия, изобретательность, готовность к любым затратам, с которыми внешнеторговые организации буквально выпихивают на западные рынки эшелоны нашего дефицита, кроме раздражения, ничего не могут вызвать у соотечественников.

Но, может быть, нашей державе столь выгодна торговля автомобилями с Западом, что можно не обращать внимания на раздражение соотечественников? Что ж, посмотрим, как мы торгуем. С финнами, например.

Лучший советский автомобиль «Самара 1500» стоит в Финляндии 49 тысяч марок. Дорого? Но французский «лежо 205», куда менее мощный и вместительный (соответствует нашей «Таврии»), обходится финну почти в 60 тысяч марок. Автомобили западных фирм в том же классе, что «Самара», стоят около 70 тысяч — на 40 процентов дороже нашей гордости! Японская малолитражка идет вдвое дороже нашей гордости!! Но ведь ни японцы, ни западные немцы, ни французы не извлекают из Финляндии каких-то особых прибылей — на мировом авторынке давно невозможны сверхприбыли, как у нас, — борьба идет за проценты. Какую же прибыль извлекаем мы, продавая свои машины вдвое дешевле конкурентов, да еще теряя валюту не переделках, торговых услугах финнов, содержании самого «Автоэкспорта»? Уму непостижимо.

Ладно, допустим, дело не в прибыли. Тогда для чего мы продаем ежегодно в одну лишь Финляндию 13—14 тысяч только вазовских автомобилей? В чем наш-то интерес? Загадка.

А вот финны свой интерес не скрывают. Наше пассивное сальдо в торговле с ними — что-то около 5 миллиардов марок, но и у финнов свой пассив в торговле с Японией, около 2 миллиардов. Вот для того, чтобы уменьшить, с одной стороны, наш пассив, а с другой — в то же время уменьшить у себя число возможных покупателей японских автомобилей, — вот для этого самого и используют наш дефицит...

Если мы имеем столь же пассивное сальдо в нашей торговле с другими источниками конвертируемой валюты и если эти источники сами, в свою очередь, слишком много покупают в Японии или США, то ничего удивительного не будет, ежели и они используют «Лады» — «Самары» в тех же целях, что увожеемые финны. Грех не использовать, коли само лезет в руки! Поскольку же у нас ни на каких самых распронаивыгоднейших условиях не берут машины США и Япония, то это лишь подтверждает грустную догадку, что я серьезном автобизнесе ни для чего другого, кроме мелких неприятностей партнерам и балансовых манипуляций, гордость нашего экспорта покуда не пригодна.

И то сказать — «волво» сегодня дает на кузова своих машин восьмилетнюю (!) гарантию от коррозии в самых тяжелых климатических условиях. «Крайслер» обеспечивает бездефектную работу всех (!) своих автомобилей на протяжении трех лет эксплуатации или пробега в 110 тысяч километров. Бездефектную — вдумайтесь, соотечественники, стоя уж в который раз в очередях на «гарантийку»! Рассказывать же про японские авточудеса просто трудно и больно, тем более что они доступны в первую голову японским же трудящимся, а уж за ними — остальному человечеству.

Уместно здесь полностью процитировать того же харьковчанина В. Гладкова: «Считаю, что торговлю нашими автомобилями на Западе надо прекратить как позорящую нашу страну. Она не заслужила такого. На мировой рынок можно выходить только на равных с иностранными фирмами, а еще лучше — опередив их».

У советских — собственная гордость. Или и это уже не так?

Но даже если и удастся прошибить воззваниями родовую готовность нашей бюрократии оправдать сколь угодно большие потери сколь угодно малым количеством валютной выручки (хватало б только на загранкомандировки!), сотня-другая тысяч машин, отбитых у мира капитала для нашего рынка, — что дробина слону. Разрядить напряжение могли бы, пожалуй, громогласно обещанные 900 тысяч елабужских микролитражек «Ока», но они, во-первых, имеют четко обозначенную «нишу спроса» (город, тощий кошелек, недалекие выезды), а во-вторых, весьма сомнительной остается сама выполнимость лихого обещания, не подкрепленного ни должным развитием смежных производств, ни строительной базой и трудовыми ресурсами Елабуги, ни даже хотя бы проектной документацией.

ХОРОШО, а сколько же нам нужно автомобилей в личном владении, вернее, сколько мы хотели и могли бы завтра купить? Это смотря как считать. Каждый второй житель США — автовладелец, в Англии — каждый третий, в Японии — каждый пятый, но нам, понятно, такие показатели пока не по карману. Но вот в республиках Прибалтики автомобиль имеет каждый десятый житель, и этот наивысший у нас показатель представляется уже реалистическим. Если ставить целью достичь того же уровня для всей остальной страны, то понадобится в дополнение к 13 имеющимся миллионам автомашин (которые мы копили десятки лет) завтра же добавить 15 миллионов новых. Это не бог весть что — народ потратил бы на их покупку всего половину своего отложенного в Сбербанке капитала, да и страна не задохнулась бы в чаду и проблемах сервиса, как не задыхается, слава богу, Прибалтика. Это все еще вчетверо-впятеро ниже, чем удельное число автомобилей в ФРГ. Но это было бы благоприятным изменением нашей нынешней ситуации, и не только на авторынке, но на потребительском рынке вообще, поэтому пока для рассуждений примем эту цифру.

Конечно, завтра мы 15 миллионов машин не получим, даже если додумаемся в обмен на неиспользованные пока ресурсы (ну, скажем, органы для пересадки, острова или солнечный свет) закупать готовые автомобили за рубежом. Нам просто не смогут столько продать. И очень хорошо! Сделаем, что надо, сами, но — опять же не завтра.

А когда? С 1980 года и по сей день производство легковых автомобилей в СССР не растет, оставаясь на уровне Бразилии (население вдвое меньше нашего) — 1,3 миллиона штук в год. Даже если в Елабуге нас не надуют, к 1995 году выползем на уровень 2,3 миллиона. Бразилия же будет к тому времени выпускать по 4,5 миллиона автомобилей ежегодно (вчетверо больше нашего не душу население) — есть у них такая энергичная программа. И ежели б нам придумать способ не отстать от Бразилии, тогда мы могли бы к концу 90-х годов догнать... не Финляндию, нет, и, уж конечно, не ФРГ, ...о хотя бы свою же Прибалтику.

Коль скоро речь зашла о Бразилии, стоит отметить средства, которыми намерены энергичные бразильцы решать свою задачу. Уже сейчас, по впечатлениям наших журналистов, юго-восточные пригороды Сан-Паулу напоминают слепок Детройта. Там выросли автосборочные предприятия крупнейших мировых концернов: «Фольксваген», «Форд», «Дженерал моторс», «Мерседес-Бенц», «Скания», десятки заводов и фабрик, у нас именуемых «смежниками», а у них без всяких ведомственных околичностей производящих моторы, покрышки, стекла и весь прочий автомобильный прикład.

Думается, мировые концерны были б не прочь поработать и с нами. «Форд», к примеру, не прочь вложить в нашу автомобилизацию свои миллиарды. Для нас же в этом направлении лежит кратчайший путь к началу преодоления дефицита. Один-два средних (тысяч на 300 автомобилей в год) сборочных завода, работающих по принципу совместных предприятий, могут быть введены в строй за полтора—от силы два года. Выгода наших партнеров — прибыль в рублях, которую, видимо, можно вкладывать у нас же в развитие туризма или невтомобильных производств, способных конкурировать с западными и тем самым приносить валюту. Наша выгода — «престижные» автомобили, которые можно будет продавать нынешним завсегдатаям «толчка» с аукционов, выкачивая из них напрямую в бюджет столько денег, сколько, одержимые вещизмом, они готовы заплатить за «форд» или «тойоту». Это собьет спекулятивный ажиотаж и позволит, социальной справедливости ради, резко понизить государственные цены на автомобили для нормальных советских трудящихся — «Москвичи», «Самары», «Таврии».

Но этот путь, зависимый от конъюнктуры мирового рынка и политических настроений, конечно, вряд ли может быть магистральным. Обратимся же снова к читательским письмам.

«НУЖНА четкая и масштабная государственная программа автомобилизации страны. И нормы ее должны определяться не чиновниками в тиши руководящих кабинетов, а здоровым покупательским спросом» (О. Пермяков, инженер-конструктор Минского автозавода). «Полностью согласен с вашей идеей создания акционерного общества по производству легковых машин, хотелось бы и самому принять участие в этом деле. Очень хочется выложить всего себя, друзья мои тоже «за» обеими руками. Идея ваша — дело наше общее!» (М. Масальский, электромеханик, гор. Горький). «Согласен стать акционером и внести стоимость машины с гарантией ее получения через 3—4 года. Таких, как я, сотни тысяч» (Н. Щербина, гор. Лубны). «Я готов и приобрести акции таких предприятий, и сам на них работать» (Ю. Голушков, Ленинград). «Необходимо народное акционерное общество по производству автомобилей, доступных простому советскому человеку» (С. Полых, Харьков).

Разумеется, это только малая часть откликов, с неожиданной, признаюсь, страстью в силой поддержавших наше предположение (см. «ВАЗ, который не для нас»), что решить проблему массового автомобиля смогут только сами массы, их невостребованная творческая энергия, их отложенный на сберкнижки спрос. Идея акционерного общества по производству автомобилей для народа подхвачена другими средствами массовой информации, причем «Строительная газета» даже объединилась с Центральным телевидением в благородном стремлении ускорить силами и средствами народа ввод Елабужского автозавода. И это тоже говорит — незрело.

Но важно вот еще что — и в нашей почте, и в почте наших коллег люди не ограничиваются предложением денег, а рвутся в эту новую работу сами, горя желанием «выложить всего себя». Видимо, дело не только в их мечте повидать за рулем собственной машины. Хочется, видимо, жить и работать не так, как сейчас, перестроить делом опостылевший мир уравниловки, выводиловки, показухи и нищеты...

И вот здесь, пожалуй, уместно сказать о главном. Конечно, вряд ли стоит в столь трудное время, какое переживает сейчас страна, затевать революционное предприятие только ради желания покататься не личном авто. Но ведь важна как раз его революционность! Подлинно народное, независимое от окостенелой ведомственной иерархии, действующее по законам экономической целесообразности предприятие позволит собрать в «ударный корпус» тысячи и тысячи солдат перестройки, пока разобщенных. Оно вооружит их крупными, под стать капиталу, возможностями, поставит большие цели, станет новой реальной силой в экономике страны и, возможно, внесет наконец перелом в затянувшееся противостояние «рыночников» и «директивщиков».

Мы уже говорили в прошлой статье о совершенно особых свойствах автомобиля как товара, о его катализирующем действии на всю деловую жизнь общества и его способности преображать сам облик страны. В конце концов, не может быть случайным совпадением то, что все державы с развитой индустрией и демократией обязательно прошли этап автомобилизации.

Важно и то, что столь крупное объединение не рыночных принципах поэтому не сможет ограничиться одними лишь автомобилями. Естественным образом оно начнет конкурировать с ведомствами тем, где сегодня свирепствует дефицит, — сервис всех видов, бытовая техника и электроника, мелкая механизация для ремесленников и т. д. Все автомобильные концерны мира производят широчайший спектр продукции, не будет исключением и наш.

НО КАК организовать, с чего начать эту огромную работу?

Думаю, начинать надо с создания инициативной группы, которая, в свою очередь, разработает стратегию программы «Автомобиль — народу», с народом же ее обсудит и после утверждение всеми пайщиками возглавит ее претворение в жизнь.

В некоторых письмах говорится и так: «Предлагаете свои идеи дяде, а почему бы вам самому не стать главой нашей фирмы? Нам нужен лидер, и мы вам верим» (М. Ковалев, Горловка). Спасибо за доверие товарищу Ковалеву и другим, предложившим то же, но всякое дело должен делать профессионал. Это же дело не всякое, оно требует экономического гения, и оно его найдет, если только не будет омертвлено бюрократическими назначениями «сверху». Но свое представление о возможном облике советского хозрасчетного автомобильного концерна изложить хотелось бы.

Финансовое сердце концерна — акционерный «Народный автостройбанк». Пайщиком банка может стать любой гражданин СССР, внесший сумму, приемлемую для него и для банка. Банк гарантирует либо более высокие, чем сберкасса, проценты, либо получение в установленный срок автомобиля, либо, владеющим несколькими акциями, — то и другое. (В прошлом году у нас 17 миллионов человек — только в госсекторе! — получали зарплату более 300 рублей в месяц. Если каждый десятый из них купит акций на 10 тысяч, капитал «Автостроя» составит 17 миллиардов рублей—парочке волжских автозаводов.) Ясно, что при чудовищном нашем спросе выпуск акций должен регулироваться не количеством желающих, а реальными возможностями концерна. Пайщиками могут быть не только граждане, но и организации, причем не только Советского Союза, но, по желанию, иностранные тоже, что позволит иметь в распоряжении банка свою валюту.

Производственная база концерна — 5—7 сборочных заводов с годовой производительностью 100—300 тысяч лицензионных, может быть, автомобилей и возможностью смены моделей на каждом раз в 3—4 года. Сборочные заводы расположены в регионах с избытком рабочих рук — Средняя Азия, Закавказье — или же в удаленных от центра важных экономических районах. Естественно, каждый завод собирает модель, непохожую на другие и более всего отвечающую условиям своей зоны. Сложные агрегаты (двигатели, коробки передач, трансмиссии) предельно унифицированы для всех моделей концерна, их производят один или два механических завода, расположенных в районах с традиционно высокой культурой труда. «Стекло» и «резину», во многом определяющие качество автомобилей, делают специализированные фабрики концерна, имеющие собственную исследовательскую базу. Наконец, технический мозг концерна — конструкторский центр с опытным производством. «Мелочевку» же — метизы, фурнитуру, шленги, электрическую часть, обивку и прочая — могут делать сотни независимых кооперативов по всей стране, которые станут непременно бороться за эти заказы — если они будут выгодны.

Легко сказать — концерн. Где, как, из чего он будет создаваться, коли наши миллиарды на счетах, увы, всего лишь звук, пока не «отоварены» фондами? Этот вопрос — самый трудный. Но не безвыходный, ибо государство должно понимать, что первым же позитивным результатом создания «Народного автостройбанка» станет то, что деньги, стянутые в него, перестают давить на потребительский рынок и сами направляются на создание новых товаров. Второе — появляется возможность быстро оживить капитал, законсервированный в незавершенном строительстве и сегодняшних убыточных производствах. «Народный автостройбанк» выкупит любые корпуса, какие только сможет использовать для размещения своих больших и малых предприятий, вдохнет новую жизнь в угасающие заводы, лишь бы годились ему по профилю, скупит неустановленное оборудование — и все это будет уменьшать нынешний дефицит государственного бюджета. Развитие оптового рынка средств производства постепенно снимет остроту проблемы фондов на строительные материалы, металл и многое другое, что понадобится в период подготовки производства.

Но остается проблема проблем — технология, которая позволит нашему народному автомобилю быть (в главном, по крайней мере) не хуже их «фольксвагенов». Это условие обязательно, иначе и затеваться не стоит. Как здесь быть? Рассчитывать не наши министерства и ведомства? Они и рады б, может быть... Купить для заводов оборудование за рубежом? Повторится история ВАЗа — скачок и медленное, но верное затухание качества.

Возможно, сегодня лучшим выходом была бы разовая, пусть и дорогая, покупка у одного из ведущих мировых автогигантов так называемого «завода заводов», то есть станкостроительного предприятия, способного производить весь набор высокотехнологичного оборудования для всех остальных предприятий концерна, обеспечивать его сменяемость, все более совершенствовать технический уровень. Конечно, «завод заводов» потребует больших вложений валюты, чем комплект типа ВАЗа, зато он сможет сам произвести сколько угодно «ВАЗов» и постоянно обновлять их по лицензиям, а потом и по собственным разработкам...

Однако я увлекся — специалисты инициативной группы гораздо лучше прорабатывают все эти тонкости. Напоследок отмечу только, что концерн должен сам устанавливать две определяющей важности величины: заработок своих сотрудников и цену своей продукции, чтобы резко улучшить социальную атмосферу на своих предприятиях. Заработок должен быть не ниже, чем на государственных предприятиях, а уж выше — несколько положит правления. Ну и цена своих автомобилей и прочей продукции — не выше государственных цен, а уж несколько ниже — решать не Госкомцен, а опять всем миром, только доходность чтоб соблюсти. Тогда работник народного концерна сможет купить «свой» автомобиль не через 8 лет, как на ВАЗе, и не за 4 годовые зарплаты, а много раньше и относительно дешевле.

И в заключение еще одно письмо, журналиста Игоря Ачильдиева:

«Идею создания всесоюзного акционерного общества по производству массового советского автомобиля считаю очень дельной и своевременной. Дело должно быть поставлено таким образом, чтобы каждая советская семья имела возможность купить отечественный автомобиль.

Несмотря на ясность и четкость поставленной задачи, дело может оказаться похороненным в отмалчивании и отписках, если за него не возьмется сама газета, предложившая эту идею.

Считаю поэтому необходимым, чтобы учредителем и основателем подобного акционерного общества стала «Литературная газета». В конце концов нас, подписчиков «ЛГ», шесть миллионов, а сколько среди нас автолюбителей? Отзовитесь, и давайте объединимся!

Предлагаю создать при «Литгазете» «Пресс-автоклуб», который постоянно информировал бы подписчиков о ходе дел по созданию акционерного общества, вовлекал бы в работу деловых людей, зарубежные фирмы, банки, наши кооперативы.

Готов и сам принять в работе «Пресс-автоклуба» самое активное участие».

Как знать, может, «Пресс-автоклуб» и станет зародышем инициативной группы? Загадывать не будем, но приглашаем к обсуждению все организации и предприятия страны, располагающие свободным капиталом, всех финансистов и управленцев, имеющих интересные предложения, всех сограждан, желающих включиться в новое дело, — предлагайте! Приглашаем также и бизнесменов, готовых сотрудничать к взаимной выгоде с нашей страной, и банкиров, и консультантов — выдвигайте свои условия, подскажите новые возможности, предлагайте!

«Литературная газета» готова внести учредительный взнос в «Народный автостройбанк», но нужны компаньоны, сотрудники, вкладчики — нужны энергичные и предприимчивые люди, способные делать дело. Совершенно необходимо для разворота дела участие предприятий и объединений, в том числе оборонных, ищущих новую сферу приложения сил. Приглашаем к сотрудничеству.

Ну так что, народ, возьмемся?

Пороху в пороховницах, увы, пока немного. Разработки концепций массового советского автомобиля 90-х годов сделаны в НАМИ (см. слева направо) — «Дебют-1», «Дебют-2 Турбо» и «Компакт». Масса оригинальных решений, но все эти симпатичные автомобильчики — особо малого класса вроде «Оки». Где их делать, когда и сколько — неизвестно. Готовится на ВАЗе модель 2110, пока недоступная даже для съемки. Что делает АЗЛК, потребителю, в общем, известно. В классе «Волги» возможно увеличение выпуска, но ясности нет. Это все, что нас ожидает в обозримом будущем. Спекулянту на радость, который с утра и до ночи толчется в Южном порту Москвы, где едва ли не вся страна продает и покупает автомобили.

Фото А. САДОВНИКОВА и В. БОГДАНОВА

ЧИТАТЕЛЬ — ГАЗЕТА — ЧИТАТЕЛЬ

ЛГ: ПОСТАНОВЛЕНИЯ 40—50-х...

ЦК КПСС отменил постановления «О журналах «Звезда» и «Ленинград» и «Об опере «Великая дружба» В. Мураделли». Так была снята с общества поистине каинова печать.

Комиссия по литературному наследию замечательного поэта А. Фатьянова недавно через газету «Литературная Россия» потребовала — справедливо — отменить постановление «О кинофильме «Большая жизнь».

Но, напомню, конвейер сталинщины произвел в те тяжкие для культуры времена не только эти два постановления. Таких же, являвших собой размашистые политические обвинения и обобщения, еще немало. Например, «О репертуаре драматических театров...» (1946 г.), «О журнале «Крокодил» (1948 г.), «О мерах по улучшению журнала «Огонек» (1948 г.), «О журнале «Знамя» (1949 г.), «О недостатках журнала «Крокодил» и мерах его улучшения» (1951 г.), «О фактах грубейших политических искажений текстов произведений Демьяна Бедного» (1952 г.), «Об ошибках, допущенных Чкаловским и Читинским издательствами в издании сочинений М. И. Михайлова» (1952 г.)...

В списках на грубое осуждение в те годы после А. Ахматовой, М. Зощенко и великих композиторов, после А. Фатьянова шли и такие писательские имена, как Д. Бедный, М. Водопьянов, А. Гладков, Ю. Герман, Э. Казакевич, М. Комиссарова, Г. Рыклин, В. Саянов, М. Слонимский, братья Тур, А. Штейн, Юр. Яновский, такие известные деятели кино, как Г. Козинцев, В. Пудовкин, И. Трауберг, С. Эйзенштейн...

Надо знать и такое — по Шолохову был нанесен страшный удар. В 1949 году после двух десятков лет пребывания в архиве вдруг публикуется письмо Сталина Ф. Кону. В этом письме есть строчки о «Тихом Доне»: «...тов. Шолохов допустил ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений...» Воздействие письма, увидевшего свет в 12-м томе сочинений Сталина, на смягчили ни выражение «знаменитый писатель нашего времени», ни пожелание, чтобы книгу не изымали «из продажи». Конечно же, запланированный в ИХЛ роман остановили. Было указано вписать в него славицу Сталину и выбросить упоминание командарма 2-й Конной Миронова... К счастью, издевательства над выдающимся произведением продолжались недолго. Умер Сталин, и текст романа в следующем издании был восстановлен. Хотя полная очистка «Тихого Дона» произошла только в первом посмертном выпуске собрания сочинений Шолохова.

Так надо ли держать до сих пор не отмененными былые директивы конца 40-х годов? Их историческая ценность, убежден, только в одном — это достоверная иллюстрация сложного для литературы времени.

Валентин ОСИПОВ,
директор Всесоюзного Центра пропаганды художественной литературы СП СССР

ЛГ: ПРОБЛЕМЫ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

Вперые о коммерческих банках — альтернативе неповоротливой и неэффективной системе государственных банков — заговорили во второй половине прошлого года.

А уже к началу нынешнего года был зарегистрирован 41 новый банк, причем процесс их создания разворачивается все более интенсивно. Сама по себе такая динамика говорит, что коммерческие и кооперативные банки являются столь же необходимыми в условиях перестройки звеньями экономической системы, как подрядные и арендные коллективы на производстве.

Как всякое новое дело, создание коммерческих банков проходит в трудных условиях. На первых порах ощущался дефицит пайщиков и клиентов, но уже все большее число государственных организаций выражает желание пользоваться всем комплексом услуг коммерческих банков. И это понятно — ведь в числе их не только традиционные, но и новые для советской банковской системы. Мы возвратили кредиту его обязательные и банковском деле условия — возвратность, платность, срочность. Банковское дело стело доходным, что позволило нам, а свою очередь, выплачивать своим сотрудникам такое вознаграждение, какого они заслуживали своей квалификацией и усердием в работе. Справедливое распределение прибылей — один из главных факторов, позволивших нам успешно преодолевать трудности.

Но право окончательного приговора — быть или не быть коммерческим банкам — оставила за собой наша административная система. По прошествии всего нескольких месяцев работы коммерческих банков готовятся меры, резко ограничивающие их права и возможности, а в перспективе ставящие под вопрос само их существование. Так, например, Минфин СССР недавно счел необходимым установить для этих банков платежи от прибыли в союзный бюджет, то есть налог, в размере 60 процентов! Что же нам останется на стимулирование наших работников? Впрочем, Госкомтруд СССР уже «озабочен» тем, чтобы мы не имели никаких преимуществ в оплате труда своих работников перед служащими государственных банков. Например, в своем письме министру промышленности строительных материалов Госкомтруд «считает возможным» установить для оплаты труда руководящих работников и специалистов только что созданного коммерческого банка развития промышленности стройматериалов именно те более чем скромные оклады, от которых специалисты надеются избавиться у нас!

Чрезмерное налогообложение подрывает принципы коммерческой деятельности и выбивает саму основу из-под новых банков. Принуждение их к исполнению не оправдывающих себя инструкций Госбанка СССР, невязываемое директивных штатных расписаний окажется для них попросту губительным. Неужели могущественные» ведомства не понимают этого? Уверены — прекрасно понимают. Как и то, что нельзя эффективно решать вопросы деятельности новых экономических форм старыми, отжившими методами. Зато эти методы уже не раз прошли проверку в тех же ведомствах, когда требовалось «подрезать крылья» новым формам и сохранить за собой право внеэкономического принуждения всех и всего.

В. ВИНОГРАДОВ, В. ОХЛОПОКОВ, А. АСАТИАНИ,
сотрудники Московского инновационного коммерческого банка «Инкомбанк — Интерэкспанс»

ЛГ: ПЕРЕЧЕРК ДЕТЕЙ!

У меня в руках — редкость, которой нет, пожалуй, ни у одного преподавателя правил дорожного движения в московских школах. Это выпущенное в количестве пятнадцати тысяч экземпляров таллиннским издательством «Валгус» в 1976 году иллюстрированное пособие для учителей, родителей, водителей автотранспорта и пешеходов под названием «Как уберечь детей». Его автор А. Д. Добрушин описывает двадцать семь (!) разновидностей критических ситуаций, в которых ребенок может попасть под колеса. Для сравнения могу заметить, что редкий шофер знает больше двух-трех типичных эпизодов. Сами же дети, их родители, да что греха таить, даже учителя «дорожной азбуки» вообще плохо представляют себе, откуда грозит опасность на уличном переходе, перекрестке или в, казалось бы, пустынном переулке.

Переиздавать ситуационный учебник в этом году по просьбе ГАИ Москвы взялась было одна из столичных организаций, но вскоре отступилась — не хватило офсетной бумаги. А тем временем в школьном обучении правилам с нынешнего года наступил окончательный кризис.

Недавно Управление ГАИ ГУВД Мосгорисполкома с помощью районных органов народного образования провело анкетирование директоров нескольких сотен столичных школ. Больше всего директора сетуют на отсутствие пособий для обучения правилам движения не только детей, но и... самих педагогов.

Назрела необходимость действовать: и в первую очередь выпустить не один, а несколько ситуационных учебников — для каждой категории участников дорожного движения. Пора открыть и специальную учебную программу на телевидении, как это сделано пока только в Прибалтике. Нужен не развлекательный, а вполне серьезный, разъясняющий механизм аварийных ситуаций с пешеходами мультипликационный фильм, чтобы показывать его и на уроках в школе, и на занятиях в автохозяйствах, и по телевизору. Нужно, наверное, в сто раз больше, чем выпущено, серий учебных плакатов, слайдов, видеокассет. И надо, как предлагает автор упомянутого мною пособия, сделать обязательными зачеты по умению предвидеть и предупреждать опасные ситуации для всех водителей, для учителей, для родителей. Без этого просто нельзя разрядить сложившуюся опасную обстановку на дорогах.

В. ЕРЕМЕЕВ,
майор милиции
МОСКВА

ЛГ: ЗАТОР ПЕРЕД ЗАТВОРОМ

В ноябре 1982 г. я направил письма в Ленморзащиту и институт Ленгидропроект. Обе эти организации занимались в то время проектированием и сооружением системы ЗЛОНН — защита Ленинграда от нагонных наводнений,— проще говоря, пресловутой дамбы. В письмах я высказал сомнение в правильности некоторых технических решений по дамбе и предложил воспользоваться моим изобретением «Затвор гидротехнического сооружения».

Ответов не последовало.

14 января с. г. программа «Время» показала сюжет из Италии. Речь в нем шла о защите Венеции от наводнений с помощью специальных затворов. Как следовало из показанных в передаче схем, сооружаемый в Венеции затвор идентичен предложенному мною.

К итальянцам претензий никаких — у них мое изобретение не запатентовано. Но вот к вышеназванным организациям претензии есть.

Итальянские специалисты продемонстрировали все преимущества затвора и, увы, с оговоркой: «впервые в мировой технологии» Почему же не мы — «впервые в мировой технологии»?

Пусть ответят товарищи из Ленморзащиты и Ленгидропроекта! Как наверстать теперь престиж державы?

Ю. РЕМИЗОВИЧ,
кандидат технических наук

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРИБУНА

КТО ГОВОРИТ ОТ ИМЕНИ РАБОЧИХ

В НАШУ жизнь ворвалась, другого слова не подберешь, демократия. Выборы. Выбираем кого хотим. Но тут-то и обнажилась наша беда, которую нечем теперь прикрыть: снижение политического авторитета рабочего человека. Уменьшилось вот число рабочих в списках кандидатов в депутаты. Если в 1984 году было 35,2 процента, то сейчас — 23,2. Колхозников вместо 16,1 всего 11,3 процента. (О тех, кто избран, не говорю. Результаты мне еще неизвестны.) И это, думаю, только начало наших испытаний. Обижаться тут было бы глупо. Стоит задуматься.

Задуматься, например, над поражением на окружном собрании двух ткачих из Иванова. Одну из них выдвинули 23 трудовых коллектива, каждый из которых прислал ей в поддержку на собрание по шесть человек. Ученого из университета сопровождали всего шесть секундантов. Но он выиграл бой с разгромным счетом, перетянув на свою сторону даже голоса из лагеря конкурентов. И ведь справедливо же заметили на собрании: «Съезд народных депутатов — это не слет передовиков производства».

Падение авторитета. А был ли он?

Десятки лет советские законы (и беззакония) творились от имени рабочих и крестьян. Последним доводом всегда была фраза: «рабочие одобряют». И не нужно было называть поименно, просто — рабочая масса Оторвутся на секунду в одном порыве от станков сто миллионов человек, одобрят — и опять работать, работать. Хорошо бы еще понимали, что одобряют, но вот этого как раз и не требовалось. Заставляли верить на слово — разве можно было тягаться с вождями а предвиденье? Одобряли действия Сталина, Хрущева, Брежнева. И сейчас заверяют, что рабочие двумя руками то за одно, то за другое...

Давайте подождем считать руки. Просто еще раз поднажать — еще не программа. Это мы слышали много, много раз Сколько бумажно-словесных бурь пронеслось над нашими головами, сколько раз нас куда-то звали, потом оказывалось — не туда. В конце концов рабочий выработал инстинкт самосохранения. На призывы не откликается. Поступки, гарантии давай.

Хочу сказать для слуха неприятное. Именно сейчас многие в рабочей среде обращаются в своих молитвах к Сталину, чтобы он пришел из небытия, расправился со спекулянтами, взяточниками, казнокрадами, с которыми в последнее время сладу нет. Уголовные элементы вылезли на свет, в открытую делят сферы влияния. Те, кто должен унять эти темные силы по долгу службы, играют в плюрализм. Но разве воровство тоже перешло в разряд плюрализма? Это преступление против общества, против меня лично. Может, кто-то специально хочет скомпрометировать перестройку, а может, какая-нибудь команда двигает из-за угла свой вариант устройства жизни. Если бы я был депутатом, то немедленно делал бы по этому поводу запрос правительству. Так как я не наделен такими полномочиями, то, может, это и сделает за меня кто-то другой.

НАШ КЕРАМИЧЕСКИЙ завод разрушила, довела до ручки командно-административная система. Вместо средств на восстановление производства выделяли нового директора. За десять лет сменилось шесть руководителей. Буквально за одну пятилетку выпуск продукции снизился наполовину.

...У меня есть приятель, директор завода из нашей строительной системы. Решил он обзавестись визитной карточкой. В типографии его осмеяли, не взяли заказ. Посмотрите, что надо было бы написать на крохотном листке бумаги: «Директор завода железобетонных изделий Производственного объединения «Мосспецжелезобетон» Управления промышленности полносборного домостроения и сборного железобетона проектно-промышленного объединения «Моспромстройматериалы» Московского строительного комитета на правах производственной единицы».

Вот такой пятиглавый Змей Горыныч вырос не когда-нибудь, а сегодня, в дни перестройки. Последняя, самая главная «голова» — Московский строительный комитет поднялся буквально на днях. Теперь он требует у правительства для выезда в свет колонну автомашин «Волга». Об этом, кстати, говорилось на февральской встрече в ЦК КПСС с рабочими. В ответ было справедливо замечено, что дешевле будет носить представителей комитета на руках.

Шутки шутками, а новая контора начала действовать. И машины им выделят. Не обходить же вновь созданную империю пешком! Да и комитет же не самодеятельность, не самострой, рождался с ведома Совета Министров. Горький парадокс: после апреля 85-го в рядах управленцев, как мне кажется, стало еще теснее. «Бог высоко, царь далеко...», а пять голов надо мной зависли. С ними мне вести диалог...

Хочется по атому поводу излить душу, как ато сделал с трибуны XIX партконференции ее делегат рабочий Сурков. Я знаком с ним. Кстати, после конференции вокруг него, делегата, стал складываться климат недоброжелательности, страхуются от него — вдруг где-нибудь опять выскочит без спроса...

Мне кажется, перестройку нужно поставить под особый рабочий контроль. Избрать орган (прямым голосованием на предприятиях), дать ему особые полномочия. Нужно бить тревогу по поводу всех искажений, случаев торможения на местах. Привлекать к ответственности должностных лиц, участвующих в грязной, антинародной игре. В этот орган контроля собрать зубастых, непримиримых работяг, таких, как мой товарищ по рабкоровской работе, сварщик из северного города нефтяников Стрежевого Николай Белоус.

Белоус стал неоспоримым лидером не только у себя на работе, но и в городе. Два раза выдвигали его кандидатом в народные депутаты, два раза он терпел поражение. На расширенное заседание бюро горкома собрали всех, кого Белоус критиковал в газетах, и устроили ему головомойку. Горком снял кандидатуру Белоуса. Второй раз коллектив выдвинул его по территориальному округу. Рядом были Герой Соцтруда, директор совхоза и первый секретарь обкома. Белоус оказался в этой компании третьим лишним. А ведь Николай с достоинством нес бы депутатскую ношу, есть у него принципы, масштабность ума, боевитость.

Вина за белоусовское поражение лежит на всех нас, рабочих. Это плата за нашу пассивность в жизни и в предвыборной кампании. Административные круги проявили куда больше единства.

На мой взгляд, у нас потеряно самое главное, без чего всякое новаторство задыхается, — революционность рабочего класса Из этого красного кирпича собирался строить наше государство Ленин. Сталин уничтожал все, что ему мешало. Ты сам себе не принадлежал, должен был думать, как прикажут, а иначе товарищи с тобой поработают, а если не поработают, то с ними самими... поработают. Сколько рабочих лидеров было в тех ненасытных котлах переварено, перемолото

Но что удивительно — структура связей и подчиненности, глубокая замкнутость в коллективе осталась с тех времен почти нерушимой. Из выступлений на встрече в ЦК КПСС мне особенно запомнились слова слесаря-сборщика ЗИЛа Н. М. Пягчица. Он сказал:

«Если бы мы, рабочий класс, действительно постоянно участвовали в управлении производством, в управлении страной, то, наверно, не обращались бы в каждом случае к Политбюро, не спрашивали бы, почему на нашем предприятии экологический вопрос не решен или не улучшены социально-бытовые условия».

Многие неудачи в выборной кампании рабочего класса заставляют более тщательно разобраться, есть ли у него возможность стать реальной политической силой. Прав Пятчиц — нас от управления отлучили, хотя уже много лет строим бумажное самоуправление. Вот и последний спаситель — совет трудового коллектива во многих местах стал бутафорским органом. От имени рабочих, общественности подписываются бумаги, плывут наверх. Создана видимость демократии, и уже спокойно можно обходиться без народа.

ЕСТЬ У НАС порок, который мы до сих пор называем благом, а на самом деле это повязывает рабочий класс по ногам и рукам, заставляет вечно кому-то за что-то прислуживать. Имею в виду общественные фонды потребления. В нашем обществе страсть к дележке, к распределению — цепкий «ген» в душах от времен военного коммунизма. Говорю о квартирах, путевках и так далее. Делим, делим, а так и не научились распределять по справедливости. Почему-то человеку честному, говорящему правду в глаза, достается самый маленький кусок и в последнюю очередь. Станешь поневоле тихим и уступчивым. Если сам не захочешь сдаваться, семья поможет.

А может, убрать из нашей жизни предмет нечестных манипуляций — общественные фонды? Разделить их между людьми в виде прибавки к зарплате? Ведь так и поступают на Западе, ничего, живут не хуже нас. А у нас сколько шума, сколько нервотрепки. И как-то не задумываемся над тем, что эти фонды мы зарабатываем сами. Правда, два раза: сначала руками, а потом... поведением. В борьбе за «кусок пирога» мельчаем, теряем дальние цели. И все это, конечно, во вред обществу. Ну зачем нужны посредники-благодетели? Откладывай квартирный приварок, который тебе полагается по закону, занимай очередь в ЖСК — и вся история.

У нас же все пущено через рычаги, которыми можно надавить, подчинить, сделать зависимым. Пока мы не освободим рабочего из этих сетей, все разговоры о самоуправлении — напрасный труд. Надоело жить с оглядкой, а жить приходится, другого не дано. Оттого и смелы администраторы, командиры, оттого и нет на них управы Грубо работают. Но в том их сила. Чтобы видели «низы», с кем дело имеют. Для сильного ничего не стоит и закон подмять. Против бедного правдолюбца выставлена целая армия: профком, платный юрист предприятия, государство в виде кресел с гербами.

По традиции администрация сама подбирает себе помощников, вербует свой «народный фронт». На собрании кто-нибудь поднимается со списком в руках: «Предлагаю избрать следующих товарищей». Зал безропотно голосует. Вот и сформирована «коллективная власть», которая будет работать по команде бюрократической системы, являясь ее руками, пальцами, которые душат любое инакомыслие.

А по другую сторону — разрозненные рабочие, у которых, кроме курилки, нет своего пристанища, нет возможности объединиться для защиты. Может, кому-нибудь и не по нраву мой разговор. Скажут: клевещет... Но все мои тридцать пять лет рабочего стажа одеты в спецовку, и я этот механизм кожей чувствую, много раз сам попадал под жернова. И боюсь хозяйственной самостоятельности предприятий, аренды заводов, государственных кооперативов, потому что без низовой демократии хозяйственным руководителям открывается бесконтрольная власть над рабочим.

Сейчас идет борьба с отчетностью, с горами бумаг, которые, оказывается, никому не нужны, их не глядя складывают в стопки, и — самое обидное — даже в макулатуру не берут. Не удивляйтесь, но я скажу: отчетность нужна, только необходимо изменить ее течение, чтоб не от людей снизу вверх, а наоборот — повернуть лицом к рабочему. Если бы директором был я, то не поскупился бы — ввел новую должность инженера по информации коллектива. И повесил бы доску объявлений, где четко — доходы и расходы предприятия, поименно — чья вина в расточительстве. Кадровые вопросы, хозяйственные связи, результаты посещения высшего начальства. Протоколы парткома, профкома, всю до мелочей деловую жизнь производства надо предавать гласности.

Около этой доски без лишней говорильни могло бы формироваться компетентное мнение коллектива. Проявлялись бы люди, умеющие укрощать нездоровые страсти. Лично я склоняюсь к временным инициативным группам по насущным проблемам. А когда вопрос решен — группа самоликвидируется.

ГЛАСНОСТЬ, которая бушует сегодня на страницах газет, разбудила народ. Но пора уж и демократии выступить в поддержку гласности. Жизненно важно для дела перестройки открыть ведомственные тайны наших производственных контор. Сейчас бюрократы охраняют ати тайны тщательно, знают: в чьих руках информация, в тех руках и власть.

Я подсказал одно, а может, кто-то знает другое. Хорошо бы разговорить рабочего человека, Пускай он привыкает думать по-государственному. Ведь и следующие выборы не за горами.

Альберт СПЕРАНСКИЙ,
электрослесарь
МОСКВА

ПИСЬМО С КОММЕНТАРИЕМ

СПРАВЕДЛИВА ЛИ КАРА?

На страницах вашей газеты поднимаются различные проблемы, касающиеся разных сторон жизни как страны в целом, так и отдельных людей. Но об одной проблеме, о которой я хочу рассказать, наша пресса стыдливо умалчивает.

Я женщина, мать троих детей, и мне очень трудно писать об этом, но и молчать тоже нелегко. В таких вопросах советчиков не найдешь, на с кем и поделиться, спросить, как жить дальше.

Хочу рассказать о своем сыне Игоре. В детстве он мне не доставлял никаких хлопот. Рос послушным и способным мальчиком. Может, даже слишком послушным и добрым. Чуткость, отзывчивость, мягкость души стали его основными чертами характера и в последующей жизни. Он очень болезненно переносил обиды (незаслуженные), всякую несправедливость, терпеть не мог жестокости, насилия. Такие черты характера и определяли круг людей его общения.

Закончил школу с отличными оценками, отслужил в армии. Затем поступил в институт, закончил его с отличием. Постоянно выполнял различные общественные поручения. Всегда был активен. Легко находил контакт с людьми. Они всегда к нему тянулись. Но, сказать по правде, близких друзей у него не было. Уже на старших курсах и тогда, когда он работал в НИИ, его часто охватывала хандра, чувство одиночества. Я начала ему говорить, что пора обзавестись семьей, привести в дом жену. Но он уклончиво отвечал, что еще рано, что он не готов к семейной жизни, что хочет посвятить себя науке.

Поступил в аспирантуру, закончил. Работа над диссертацией приближалась к защите. Целыми днями пропадал в институте. Кроме основной работы, читал еще лекции, постоянно был загружен общественной работой. Приняли в члены КПСС. Так незаметно ему перевалило за тридцать.

И тут — как гром среди ясного неба! Меня вызывают в РОВД не то как на допрос, не то чтобы я узнала, что есть на самом деле мой сын. Оказывается, один из его знакомых попал в наркодиспансер с венерической болезнью. При выяснении контактов он назвал моего сына и рассказал, что был с ним в гомосексуальной связи.

Начались допросы, очные ставки. Он на выдержал и хотел покончить жизнь самоубийством. Его спасли. Я плакала, просила, чтобы он остался жить хотя бы ради меня. И он пообещал мне это. Исключили из партии, уволили с работы по статье. Закончилось следствие. Присудили ему год заключения.

Когда я подошла к прокурору и сказала, что будем жаловаться и подавать апелляцию, он ответил: «Что ж, жалуйтесь, если вам на стыдно». А потом добавил, что он такую мразь вообще расстреливал бы.

Не скажу, что я испытываю симпатии к такому явлению. Но я мать, и мне, может, еще больше жаль такого ребенка. Ведь потом он мне рассказал, что это влечение идет помимо его воли. Что по-другому он не может не оттого, что он испорчен, извращен, а оттого, что это его потребность. И если он даже будет жить на безлюдном острове, все равно другим он не станет.

Через год он пришел из заключения. В настоящее время работает рабочим Он остался таким же добрым и чутким, не злым к людям. Но это все равно уже не тот человек. Мы, родные, близкие, соседи, к нему относимся по-прежнему. Пытаемся делать вид, что ничего не произошло, все забыто, все осталось в прошлом. Но он-то знает, что на самом деле это не так.

Должностные лица нет-нет да и упомянут где-то на собраниях — вот, дескать, недосмотрели, проник в наши ряды. А кто проник?

Я хотела узнать, что же это — болезнь или действительно преступление. Литературы по этому вопросу так и не нашла. Что к ним отношение особое. Но почему так? Разве нельзя иначе? Почему молчит наука?

С уважением К.
ОДЕССА

О проблемах, затронутых в письме читательницы, беседуют заведующий отделом науки «ЛГ» О. МОРОЗ и член Международной академии сексологических исследований профессор И. КОН.

— Кажется, во всем мире признали, что гомосексуализм не преступление. А у нас до сих пор статье в Уголовном кодексе сохраняется. И, как видим, действует...

— Действительно, в подавляющем большинстве цивилизованных государств ничего подобного нет. Между прочим, в Уголовный кодекс эта статья была введена только в 1934 году.

Ею иногда пользовались, когда надо было кого-то в лагерь отправить, а других зацепок не находилось. В лагерях же ее применяли для добавки срока... Осенью 1982 года вопрос об уголовной ответственности за гомосексуализм обсуждался на международном совещании ученых-сексологов соцстран, и мы оказались в полной изоляции. Я информировал об этом соответствующие организации. Медики горячо поддержали идею отмены этой статьи, но юристы сочли это «несвоевременным». Сейчас положение изменилось. Насколько я знаю, в проекте нового Уголовного кодекса такой статьи нет. Законодательство защищает лишь несовершеннолетних, независимо от их пола, а также карает публичные действия, оскорбляющие общественную мораль. Думаю, это правильно.

— Не скажу, что мне это легко понять — гомосексуализм. Но все же в человеческой общине, наверное, высшая мудрость — терпимо относиться даже к тому, что непонятно. Терпимость, однако, — это желаемое. На дела ее нет. Даже если не поминать статью в Уголовном кодексе, неприятие и ненависть к гомосексуализму у нас сами по себе велики.

— Гомофобия, иррациональная ненависть к гомосексуалистам имеет несколько причин. Во-первых, она вытекает из общей нетерпимости к различиям, авторитарного стиля мышления и жизни. Во-вторых, тут сказываются очень древние, уходящие в глубь веков табу и запреты. В-третьих, действуют бессознательные механизмы психологической защиты: выражая ненависть к гомосексуалистам, люди отгораживаются от собственных сексуальных страхов, включая неуверенность в своей сексуальной «благонадежности». Сказывается тут и сексологическое невежество, оно способствует развитию любого вида сексуальной тревоги. У нас же ко всему атому еще прибавляется неискоренимая любовь к морализированию. Чтобы отношение людей изменилось, требуется большая просветительская работа. Такая, допустим, какая ведется в ГДР. Но это, конечно, дело долгих лет...

— Ненависть к гомосексуалистам основана на представлении, что это извращение, которое противоречит естеству. Между тем в мира сегодня считается общепризнанным: у большинства «истинных» гомосексуалистов тяготение к людям своего пола не зависит от воли человека, так же как на зависит от его воли тяга к полу противоположному. Так ли ато?

— Да, широко распространен миф, согласно которому гомосексуализм — следствие моральной развращенности. Дескать, эти люди просто не хотят нормально жить, как все. На самом дела причины формирования той или иной сексуальной ориентации могут быть разными, в науке этот вопрос спорный. В отличив от советских медиков, зарубежные ученые не считают гомосексуализм болезнью. Но чем бы она ни определялась, в подавляющем большинстве случаев сексуальная ориентация не является делом свободного выбора, изменить ее большей частью невозможно или чрезвычайно сложно, а карать за нее — бессмысленно и жестоко.

— Считается, что гомосексуалисты — это редкость редкостная. В своей книге «Введение в сексологию» вы опровергаете такое мнение:

«...Это широко распространенное явление. По подсчетам разных авторов, исключительно гомосексуальную ориентацию имеют от одного-двух до пяти-шести процентов мужчин и от одного до трех-четырех процентов женщин».

Вообще, о чем бы внутри атой темы ни зашла речь, всюду господствуют стереотипы. Два из них уже были названы. Первый: гомосексуалистом можно быть, а можно и не быть. Второй: гомосексуалистов мало. Третий: гомосексуалисты — это моральные и физические уроды, которые по всем статьям отличаются от прочих людей...

— Ни по одному психологическому тесту отличить гомосексуалистов от остальных людей невозможно. Женственная внешность и манеры характерны лишь для незначительной части гомосексуалистов, многие феминизированные мужчины с мягким голосом и т. п. вполне гетеросексуальны. Что же касается психологии, способностей, морали и т. п., то между гомо- и гетеросексуальными индивидами нет никаких существенных различий. Даже неврозы, которые раньше считались характерными для гомосексуалистов, — это следствие не их сексуальной ориентации, а социальной дискриминации (легко ли жить, когда все время нужно чего-то бояться, скрывать и т. д.?) и исчезают вместе с нею.

— Как бы то ни было, надо частно признаться: мировой разгул СПИДа не будет способствовать более терпимому отношению к гомосексуалистам. В первых сообщениях о СПИДе говорилось, что это исключительно их болезнь. Ну, еще наркоманов и пуэрториканцев. Добропорядочные граждане, не относящиеся ни к одной из трех категорий, могли не беспокоиться...

— Да, с гомосексуалистами и наркоманами все было вроде бы понятно: бог наказывает их за грехи. Но при чем тут пуэрториканцы? Примириться с мыслью, что господь бог еще и расист, было трудно. И хотя вскоре стало понятно, что все остальные люди так же легко заражаются СПИДом и передают его друг другу, наша печать по инерции продолжала обвинять гомосексуалистов.

Все это, конечно, нелепые утверждения Я недавно вернулся из трехмесячной командировки в США, где участвовал в работе годичной сессии Международной академии сексологических исследований и Национального совета по семейным отношениям, был во многих университетах и научных учреждениях, включая нью-йоркский Центр по изучению клинических, психосоциальных и психиатрических аспектов СПИДа. Так что знаю дело не по газетным статьям.

Так вот, после начала эпидемии СПИДа наибольшие изменения, по мнению ученых, произошли в сексуальном поведении именно гомосексуалистов. Разумеется, их никто там не объявляет вне закона и они не изменили своей сексуальной ориентации. Но они резко сократили число контактов, стали избегать их наиболее опасных форм и применять меры индивидуальной защиты.

Осторожнее стали вообще все взрослые люди, как женатые, так и холостяки. А вот поведение подростков и юношей осталось таким же легкомысленным. Это побуждает врачей и педагогов вопреки протестам консервативных кругов добиваться введения в школах серьезного полового просвещения включая информацию о СПИДе. В некоторых штатах, например в Миннесоте, это уже сделано

Серьезные ученые говорят сегодня не о «группах риска», к которым прежде всего и причисляли гомосексуалистов, а о поведении повышенного риска. Опасность представляют не только проститутки обоего пола (увы, их по-прежнему много на улицах американских городов), а любые случайные половые связи.

— Центральный вопрос: можно ли всетаки предотвращать формирование гомосексуалиста? Что посоветовать родителям?

— Я бы поставил вопрос осторожнее: как избежать тех факторов, которые предположительно могут способствовать гомосексуальной ориентации? Применительно к мальчикам такие факторы—зависимость, занянченность, чрезмерная родительская, особенно материнская, опека. В том же направлении действует запугивание подростков опасностью общения между мальчиками и девочками Мы ведь знаем, как часто родители боятся — вдруг что-нибудь атакое случится? Но когда общение с другим полом затруднено, эротическую окраску гораздо легче могут обрести контакты со сверстниками своего пола. Наконец, самое главное — не надо подозрительно смотреть на подростков. На подозрительность взрослых и подростки отвечают настороженностью. А в этой атмосфере гораздо легче возникает нечто нежелательное.

— Можно ли «лечить» от гомосексуализма?

— В определенных случаях возможна некоторая коррекция при помощи психотерапии. Лет пятнадцать—двадцать назад даже такая возможность отрицалась. Но дело это крайне трудное.

— Какой бы ни была наша традиция в отношении к гомосексуалистам, сейчас в этом отношении безраздельно господствует одно — нетерпимость. Главным ориентиром, как вы считаете, в конце концов должен стать принцип гуманизма. В какие конкретные одежды он должен облечься?

— Надо понять, что люди разные. В том числе они разные и по своей сексуальности. Наше общество должно признать право людей на такое различие, как признано это и в абсолютном большинстве стран.

Отношение к сексуальным меньшинствам — один из аспектов права человека. Авторитарные, недемократические общества враждебны к любым индивидуально-групповым различиям и стремятся устранить их любой ценой: все должны быть такими, как мы. Затем отношение к «чужим» становится высокомерно-снисходительным: конечно, «эти люди» хуже нас, но они в этом не виноваты, так что пусть живут. И лишь на очень высоком уровне развития культуры происходит понимание того, что при соблюдении некоторых обязательных общих правил люди могут успешно жить и сотрудничать, несмотря на различия. Здесь действует та же логика, что и в сфере межнациональных отношений. Но учиться этому очень трудно. Ибо, как сказала Марина Цветаева, «затравленность и умученность ведь вовсе не требуют травителей и мучителей, для них достаточно самых простых нас, если только перед нами — не свой: негр, дикий зверь, марсианин, поэт, призрак. Не своей рожден затравленным».

Что мы думаем

Первые итоги опроса наших читателей по анкете «Общество-88 — Общество-89»

Как уже сообщалось, опубликованная в «ЛГ» 1 февраля с. г. анкета «Как вы думаете?» вызвала огромный интерес. Ответная волна — многие тысячи конвертов ежедневно — на какое-то время выбила из привычной колеи и службы доставки почты, и отдел писем редакции, а затем и Всесоюзный центр изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам. В конечном счете социологи получили массив информации, которым никогда ранее не располагали.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей самый общий, предварительный обзор поступившего материала. В дальнейшем сотрудники ВЦИОМ проведут углубленный его анализ.

ИТАК, в наш адрес вернулось почти двести тысяч анкет. Если учесть, что многие из них были заполнены не одним человеком, а всеми членами семьи и даже целыми трудовыми коллективами, то откликнулся, выходит, примерно каждый тридцатый подписчик «ЛГ».

Признаться, мы не ожидали такого взрыва читательской активности. Что стоит за ним? Прежде всего, видимо, давно накопившееся желание высказаться и быть услышанным. Конечно, этому способствовала сама постановка вопросов, задевающих за живое тех, кому они адресованы. (Характерные замечания на полях анкетных листов: «Наконец-то нас стали о деле спрашивать», «Спасибо за неформальный интерес» и т. д.) Как бы ни были лестны подобные отзывы, мы вполне осознаем, что успех опроса во многом объясним назревшей в обществе жаждой референдумов. Читатели увидели в анкете не только возможность выразить свое мнение, но и прямой путь к решению масштабных социально-экономических проблем. Вместе с тем вызванный резонанс свидетельствует о том, что нашему обществу не хватает других активных форм проявления гражданского самосознания.

Кто же ответил на 34 вопроса, имеющих более четырехсот позиций? В нашей почте так или иначе представлены все регионы страны.

МАКСИМАЛЬНУЮ активность проявили читатели из Москвы и Ленинграда (вместе — 21 процент), наименьшую — из Казахстана и республик Средней Азии (4 процента). В целом преобладает население Европейского центра (26 процентов), Украины (19 процентов), Сибири (9 процентов). Среди ответивших на анкету всего 2 процента составляют люди моложе 20 лет, так же немного — 9 процентов — пожилых (60 лет и старше), а больше всего оказалось людей в возрасте 30—39 лет (35 процентов). Другие возрасты представлены так: 21—24 года — 5 процентов, 25—29 лет — 13 процентов, 40—49 лет — 19 процентов, 50—59 лет — 17 процентов. Подавляющее большинство респондентов * имеют высшее образование.

Отчасти эти показатели отражают особенности читательской аудитории «Литературной газеты». Но не только. Гражданская зрелость, как известно, приходит с годами жизни и учения, вместе с ними растет самосознание человека, повышается (до определенного возраста) его общественная активность. И закономерно, что в результатах анкетирования отразились те многообразные позиции, которые предпочтительнее для наиболее зрелой и потенциально активной части наших читателей. Это наблюдение подтверждает также отмеченная анкетами высокая степень вовлеченности респондентов в политическую жизнь страны.

Всего лишь 1 процент участников опроса указали, что их «политика не интересует» или что они «в политике не разбираются» (правда, около 60 процентов опрошенных полагают, что у них нет возможности влиять на политические события).

В таком парадоксальном сочетании ответов — «интересуюсь», «разбираюсь», но «влиять не могу» — видится характерная черта нынешнего состояния гражданского самосознания. Оно уже пробудилось, заявляет о себе, но еще далеко не всегда готово практически реализоваться. Только одна десятая опрошенных отметила, что всегда участвует в общественно-политической жизни страны, а для 7 процентов такая возможность, как они заявили, «только что открылась».

Специально стоит отметить, что указали свой обратный адрес (хотя мы об этом не просили), усилив личную ответственность за высказанное мнение, более 40 процентов заполнивших анкеты. Из общего числа 33 процента сообщили, что им приходилось отстаивать свою точку зрения на партийных и профсоюзных собраниях. Заслуживает внимания тот факт, что 28 процентов опрошенных имели случай поставить «подпись под коллективными обращениями, протестами, воззваниями». Обращались в газету ранее 22 процента участников опроса. В заседаниях дискуссионных клубов, обществ и т. п. участвовали 9 процентов, в демонстрациях (кроме праздничных) — 4 процента, выступали на митингах и включились в работу новых общественных объединений — 3 процента респондентов.

По мнению абсолютного большинства, прошлый год оказался трудным и в личном плане, и относительно всей страны в целом. Хотя оптимисты и пессимисты разделились примерно на равные группы и составили в сумме около половины опрошенных, для основной массы ответов характерна осторожная выжидательность.

Обобщенно говоря, большинство колеблется между надеждой и тревогой. Есть сомнения и страхи, есть много горечи и ожиданий, есть сложный комплекс чувств и настроений, вызванных переоценкой исторических достижений, устоявшихся представлений, развенчиванием мифов и стереотипов.

Считают себя вполне обеспеченными лишь 11 процентов ответивших на анкету, 33 процента оценивают свое существование как устойчивое, но скромное благополучие, а 27 процентов утверждают, что вынуждены ограничивать себя только «самым необходимым». Наконец, 29 процентов опрошенных свидетельствуют, что им «еле-еле удается свести концы с концами», они вынуждены постоянно одалживаться, прибегать к помощи родных и близких, поскольку собственных заработков на жизнь не хватает. Эти самооценки можно соотнести с указанным размером среднего месячного дохода: свыше 200 рублей на человека приходится у 10 процентов опрошенных, от 150 до 200 рублей имеют 16 процентов, 100—150 рублей — 38 процентов, меньше ста рублей — 28 процентов (из них меньше 75 рублей — 10 процентов).

Большое количество опрошенных (66 процентов) указывают на серьезные проблемы в продовольственном снабжении, 68 процентов — на дефицит промтоваров. Многие считают, что ухудшилось или осталось на том же уровне медицинское обслуживание (соответственно — 31 процент и 43 процента). Оценивая деятельность судов и правоохранительных органов, 64 процента респондентов не видят изменений к лучшему в этой сфере, 16 процентов полагают, что работа ухудшилась.

Эти ответы чаще всего преисполнены привычного ожидания улучшений «сверху», они отражают своего рода инфантилизм, неверие в собственные силы и возможность совместными усилиями добиться изменений к лучшему. Большая часть опрошенных считает, что от перемен в обществе пока выигрывают те, кто и раньше умел использовать несовершенство хозяйственного механизма, кто приспособился к теневой экономике или был причастен к системе распределения благ.

По мнению почти половины респондентов, максимальную выгоду из нынешних реформ могут извлечь кооператоры. В сознании многих людей существует представление, что становится лучше жить «махинаторам и жуликам» (37 процентов), работникам торговли (25 процентов), «частникам» (22 процента), а высококвалифицированные и просто добросовестные работники пока ничего существенного не получили.

62 процента участников опроса не видят реальных возможностей влиять на ход событий в стране, на принимаемые решения. Это серьезный повод для размышлений: не в самом ли осознании такой отчужденности кроется залог ее преодоления и продвижения вперед? И какой человек сильнее — опьяненный иллюзией своего отождествления с властью или трезво оценивающий свои возможности и расстановку сил? Кстати, 63 процента участников опроса в претензии к прессе, что крайне мало пишется о случаях злоупотребление властью, слабо представляется механизм выработки важнейших государственных решений.

ТЕПЕРЬ о том, какие конкретные беды и опасности предвидят в будущем наши читатели. Наиболее реальна, по мнению 85 процентов из них, угроза крупномасштабных технических аварий с катастрофическими последствиями. Доля тех, кто считает это невозможным или маловероятным, составляет всего 2,6 процента. Если рассматривать социальный аспект ожиданий, то на первом месте (70 процентов) стоит возможность конфликтов на национальной почве. Отметим попутно, что и по другим пунктам анкеты на обострение национальных отношений указало значительное число респондентов (в частности, растущую напряженность между людьми разных национальностей отметили 56 процентов). Следующая по серьезности оказывается угроза всеобщего или необратимого экологического кризиса (50 процентов всех ответов). В письмах, дополняющих анкету, приводятся многочисленные свидетельства резкого ухудшения экологической обстановки в различных регионах страны, например, в Поволжье и Прибалтике, в Сибири, на Урале. Столь же серьезно беспокоит людей перспектива хозяйственных неурядиц и массовых эпидемий (по 40 процентов).

Свое положительное отношение к переменам в социально-политической атмосфере последнего времени люди чаще всего связывают с расширением гласности, обретенной свободой слова, волеизъявления. Саму возможность высказаться на эту тему они высоко ценят. Как пишет один из читателей, «вкладываю свой голос в общую копилку голосов, поданных за решительные и быстрые радикальные реформы».

Да, очень сильны у людей ожидание, даже требования ускорить обновляющие перемены, большие надежды в этом смысле они возлагают на политическое руководство страны.

Как считает большая часть респондентов, мало реально, что в ближайшее время произойдут резкие изменения в составе высшего руководства (для 8 процентов это «совершенно исключено», для 39 процентов — «маловероятно»).

Возврат к массовым репрессиям в наше время полагают невозможным 34,5 процента, маловероятным — 36 процентов, а 10 процентов не исключают такой опасности.

Дать интегральную оценку тому, насколько глубоко укоренились тревоги и опасения, крайне трудно. Любые общие показатели такого рода будут не слишком надежны, поскольку процесс изменений в обществе только начался, а в этот период всяческая напряженность концентрируется и распределяется крайне неравномерно.

Между тем, надо признать, мы в принципе плохо знаем свое общество, ибо всерьез его не изучали, хотя то и дело сталкиваемся с необходимостью разобраться в острых социальных противоречиях, групповых конфликтах.

Тут своеобразным индикатором для выявления скрытой напряженности послужит нам некий символический срез ожиданий, касающихся стихийных бедствий (в предположении на этот счет оказывается как бы закодированной психологическая настроенность общественного сознания). Так вот, вероятность природных катастроф наши читатели оценивают необычайно высоко — 78,2 процента из них допускают, что это вскоре может случиться, а противоположного мнения придерживается лишь 1 процент.

ЧТО КАСАЕТСЯ действительных и особо памятных событий прошлого года, то примерно каждый десятый участник анкетирования не ограничился тремя самыми важными позициями, дополнив предложенный перечень. Так или иначе, в окончательном списке оказались все заметные события года, исключая разве что конкурсы красоты, которые никто не упомянул. А по тому, что именно людям запомнилось, можно судить не только о значимости того или иного факта, но и о состоянии на данный момент всего общества, выработанной шкале ценностей. Не случайно на первый план вышли события, представляющие на мировой арене нашу страну (как, скажем, Договор по РСМД) или коснувшиеся всего народа (вывод советских войск из Афганистана сочли главным событием года три пятых всех участников опроса).

Конечно, землетрясение в Армении надолго врезалось в память людей. И как общая беда, и как пример открытого взаимодействия в человеческом мире, не искромсанном государственными границами. Среди наиболее знаменательных событий анкеты отмечают XIX партконференцию, тысячелетие крещения Руси, выступление М. С. Горбачева в ООН. Памятной вехой ушедшего года стало и возвращение доброго имени академику А. Д. Сахарову, и отмена лимитов на подписку. Придавая особое значение таким фактам, наши читатели связывают с ними перспективы дальнейшей демократизации, часто упоминая при этом сложную ситуацию в Нагорном Карабахе, создание Народных фронтов в республиках Прибалтики, расширение доступа в архивы и спецхраны, принятый Закон о кооперации.

ОТВЕЧАЯ на вопрос о причинах наших сегодняшних трудностей, 62,5 процента респондентов подчеркнули 97-й пункт анкеты. Это довольно общее и расплывчатое представление о «засилье бюрократии» конкретизирует анализ замечаний на полях анкет или в прилагаемых письмах (эти дополнения сопровождают добрую половину ответов и требуют дальнейшего глубокого изучения). Как считают 14 процентов опрошенных, из эпохи застоя нам достались и раздутый управленческий аппарат, и командно-административный стиль руководства всеми сферами жизни, и глухое ведомственность, и пустое бумаготворчество. Немало людей остро ставит вопрос о привилегиях и других проявлениях социальной несправедливости, безнаказанности представителей власти, нарушивших закон, в том числе нередко отмечают падение авторитета партии, утрату ее ведущей роли, некомпетентность руководства.

Среди трудно изживаемых пороков нашего общества чаще всего фигурируют коррупция, пьянство, спекуляция, воровство (59,6 процента). Больше половины респондентов (58 процентов) считают позорной нашу техническую отсталость — факт, не требующий особых комментариев. За ним по частоте упоминаний следуют ошибки, допущенные в прошлом при выборе стратегии развития страны (47,4 процента). Здесь следует заметить, что на вопрос, о чем следовало бы чаще писать журналистам, 63,6 процента опрошенных заявили, что хотели бы знать больше об альтернативных путях общественного развития.

Следующая солидная группе ответов касается явления, известного в нашей публицистике под названием «диктатура троечников». По мнению одних, она важимает людей с инициативой и насаждает уравниловку (44,1 процента), по мнению других — означает некомпетентность начальства (36,6 процента) и оборачивается низкой квалификацией специалистов (36,7 процента).

Треть опрошенных связывает наши беды с последствиями сталинизма. При этом в 17 процентах анкет отражено мнение, что разоблачениям сталинизма в печати уделяется слишком мало внимания и места, в то время как 26,3 процента анкет содержат прямо противоположное утверждение, а 49,3 процента опрошенных полагают, что эта теме освещается достаточно.

Возможно, в какой-то мере здесь сказался «эффект приевшегося» к определенному кругу фактов или выразилось недовольство низким уровнем исторического анализа.

«Разрушением морали» объясняют многие беды в стране 30,3 процента опрошенных. Большое разнообразие высказываний на этот счет запечатлели поля анкет: 14 процентов отмечают инертность людей, их равнодушие друг к другу, проявления иждивенчества, инфантилизма; 11 процентов порицают грубость, жестокость, хамство в человеческих взаимоотношениях; 10 процентов ставят в вину народу привычное раболепие, долготерпение в отрицательном смысле слова. В целом же морально-психологические аспекты рассматриваются в половине ответов. К тезису о моральном климате общества примыкают высказывания о нежелании и неумении многих хорошо работать (26,3 процента). Вещизм, потребительство осуждают 18,3 процента.

А КАКОВЫ пути преодоления экономических трудностей? На первое место среди всех ответов вышло предложение резко сократить военные расходы (71,2 процента). Это единодушие знаменует собой решительный отход от так называемого «оборонного сознания», происшедший буквально за последние годы. Кстати, в прогностических ответах по поводу возможных катастроф респонденты совершенно исключают развязывание войны (36 процентов), считают ее маловероятной 41 процент, а вполне реальной — лишь 4,8 процента. Кроме того, критические замечания к армии высказали около 55 процентов опрошенных, указав на необходимость шире освещать проблемы неуставных отношений. Заметим, что семи военнослужащие в многочисленных репликах, дополняющих ответы на анкету, дают не менее резкую, чем у «штатских», оценку порядкам в армии.

Второе место после мотивов демилитаризации заняло предложение предоставить крестьянину, если он того пожелает, беспрепятственное право владеть землей и средствами ее обработки (67 процентов ответов). Большую поддержку встретила также идея передачи всей полноты власти местным Советам (47 процентов). В следующей многочисленной группе респондентов явственно различаются сторонники наведения твердого порядка и усиления централизованного планирования (по 30 процентов), а также выступающие за развитие частного предпринимательства под должным государственным контролем (37 процентов) и за привлечение иностранного капитала (32 процента). Гораздо меньше ратующих за свободу кооперативной деятельности (всего 22 процента), в чем, конечно же, просматривается страх перед ростом цен — с одной стороны, с другой — зависть к «сказочным» доходам предприимчивых людей.

«Достижения какой страны вы считаете для нас особенно ценными?» В ответах на этот вопрос чаще всего упоминаются Япония (39 процентов) и Америка (примерно треть анкет).

Пятая часть опрошенных советует присмотреться к опыту Китая, разумеется, учитывая и его трагедии, издержки и решительные перемены последнего времени, созвучные нашей перестройке.

ОБРАТИМСЯ к предложенным в анкете выборам «человека года». Эта идея вызвала неоднозначную реакцию. Десятая часть участников опросе ее вовсе не приняла. Далеко не все нашли шесть претендентов на три мужских и три женские вакансии. Результаты таковы.

Среди мужчин «человеком года» абсолютным большинством голосов признан М. С. Горбачев, в числе кандидатов названы (по убывающей) Р. Рейган, Н. И. Рыжков, А. Д. Сахаров, Б. Н. Ельцин, и другие. Среди женщин — М. Тэтчер, В. Бхутто, мать Терезе, А. В. Пугачева, Т. И. Заславская, К. Акино, Н. Андреева и другие.

Разные варианты ответов четко выявили положительное отношение большинства к тому, что усилилась роль средств массовой информации. О том, что пресса и ТВ изменились к лучшему, заявили 84 процента опрошенных, кроме того, 72 процента высоко оценили возможность выбора, когда можно «читать, слушать, смотреть то, что хочется».

С точки зрения аудитории «ЛГ», самый интересный журнал — «Огонек», лучшая газета — «Литературная». Далее следуют «Аргументы и факты», журнал «Новый мир». Это издание и служит в основном нашим респондентам источником информации о мире, событиях и героях дня. Популярны также (по убывающей) газеты «Комсомольская правда», «Московские новости», «Известия» и журналы «Знамя», «Юность», «Смена».

Относительно самых серьезных литературных произведений из недавно опубликованных наши респонденты не пришли к единому мнению. Однако чаще других вспоминали романы В. Гроссмана, А. Рыбакова, В. Дудинцева, Б. Пастернака, Ю. Домбровского, А. Пристовкина. А в области публицистики наибольшее внимание привлекли статьи, очерки В. Селюнина, Н. Шмелева, Ю. Щекочихина, А. Ваксберга А. Ципко, Ю. Черниченко, А. Нуйкина, Ю. Карякина, Г. Лисичкина, О. Мороза, О. Лацис, Г. Попова.

ПОДЫТОЖИМ. Какие чувства испытываем мы, весьма бегло и предварительно познакомившись со всем спектром высказанных мнений? Озабоченные настоящим и будущим, люди увидели сегодня реальную возможность сказать все, что думают, и так, как считают необходимым для пользы дела. Прошедший год обогатил их опытом и навыками практического участия в обсуждении насущных проблем жизни. Можно сказать, что думающая, самая активная часть народа осознала свою ответственность за судьбы страны и уже не зависит от чьих бы то ни было подсказок «Есть мнение...».

По крайней мере таково настроение читателей «Литературной газеты».

Рабочая группа ВЦИОМ:
А. ГОЛОВ, А. ГРАЖДАНКИН,
Л. ГУДКОВ, Б. ДУБИН, Н. ЗОРКАЯ,
Ю. ЛЕВАДА,
А. ЛЕВИНСОН, Л. СЕДОВ

* Респонденты — так социологи именуют участников анкетного опроса.

ОТ РЕДАКЦИИ. За неделю до публикации этого обзора ряд данных, полученных социологами, был обнародован работником ВЦИОМ доктором философских наук Ю. Левадой в газете «Московские новости». Поскольку в данном случае речь идет не об опросе общественного мнения вообще, а об опросе ЧИТАТЕЛЕЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ», мы считаем поступок Ю. Левады, равно как и редакции «МН», неэтичным.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СВЯТЫНИ

14—15 марта в Ташкенте состоялся IV курултай (съезд) мусульман Средней Азии и Казахстана, на котором был избран новый совет Духовного управления. Председателем президиума Духовного управления мусульман стал муфтий Мухаммад-Садык ибн Мухаммад-Юсуф.

По решению правительства Узбекской ССР мусульманам на съезде торжественно возвращен «Мусхаф Усмана» — один из древнейших списков Корана, который хранился в Музее истории народов Узбекистана.

— Возвращение Корана — это великое событий, — сказал глава Духовного управления Мухаммад-Садык ибн Мухаммад-Юсуф,— и не только для нас, мусульман Средней Азии и Казахстана, но для всех приверженцев исламской веры на планете. «Мусхаф»—величайший памятник мусульманской культуры. О ценности списка можно судить по тому, что любое издание Корана должно иметь слова исне'де (ссылки): «Сей Коран в точности соответствует Корану Усмана».

Как известно, после откровений пророке нашего Мухаммаде — да будет добрая молитва и вечный мир ему и всем, кто честно следует по его стезе! — священное слово Аллаха передавалось из уст в уста. Отдельные аяты записывались не костях, коре финиковой пальмы, не кусочках кожи, но отдельной книги не существовало. В годы правления первого из праведных халифов Абу Бакра в боях под названием «ридда» погибло более 70 ка'ри, просвещенных людей, знающих Коран наизусть. Это обстоятельство ускорило ход событий, халиф приказал Зайду ибн Сабиту собрать все суры и аяты воедино. Так возник первый, в виде разрозненных глав, пергаментный экземпляр Корана. В период правления халифа Усмана бен ел-'Аффана — в 25—35 гг. хиджры (644—656 гг. по григорианскому календарю. — Ред.) ислам перешагнул далеко за пределы арабских стран. За отсутствием эталона появились разночтения Корана, что строго осуждалось тогда и ничуть не поощряется и по сей день. Халиф Усман отдел приказ размножить Коран. Под руководством Зайда ибн Сабита и Абдуллы бен Зубайра лучшие каллиграфы создали шесть списков Корана, абсолютно идентичных, на куфийской письменности, в диалекте бани-Кур'ейш — племени, которому принадлежал сам пророк Мухаммед. Халиф отправил два экземпляра в священные города Мекку и Медину, один оставил себе, остальные отдел в другие подвластные ему вилайеты.

Согласно одной из многочисленных версий, в Самарканд «Мусхаф» привез из Шама эмир Тимур Курегени. После завоевания русскими войсками Туркестана была оформлена купчая, согласно которой бесценная Книга была приобретена буквально за гроши и увезена в Петербург. После Октябрьской революции В. И. Ленин отдел распоряжение вернуть мусульманам их священную Книгу. «Мусхаф» в специальном вагоне и под усиленной охраной отправился в Уфу, а затем в Ташкент. Некоторое время он хранился в нашем Духовном управлении, но позже был затребован в музей под предлогом особой его ценности и необходимости строгой охраны от возможных посягательств. С тех пор мало кто его видел, а если и видел, то только по особому разрешению.

— Можно утверждать, что возвращение «Мусхафа» — это большой подарок мусульманам...

— Логика не позволяет мне возвращение Корана считать подарком, ибо мы получили то, что нам всегда принадлежало. Не был бы грех с моей стороны, если бы я стал скрывать собственную и многих тысяч верующих истинную радость. Свершившийся акт представляется мне еще одним доказательством потепления отношений государства и религиозных организаций, доказательством действенности перестройки и долгожданного утверждения ленинских норм руководства в нашей республике.

— И последний вопрос, муфтий-хазрет. Вы говорили о громадной ценности «Мусхафа». Может ли Духовное управление обеспечить надежную охрану его?

— Можете не беспокоиться. Ибо семь многовековая история Книги убеждает нас в правильности начертанного в нем аята: «Невозможно уничтожить Коран...».

— Но все же?..

— У нас достаточно сил и средств, чтобы беречь «Мусхаф» как зеницу ока, как собственную честь и совесть.

Беседу записал
Мурад МУХАММАД-ДОСТ

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ ВЫЗВАНО ВЗРЫВОМ?

Напомним: после взрывных работ на подземном солевом руднике в местечке Меркерес на юге ГДР произошел подземный толчок силой 5,5 балла.

Телчком разрушены дома и хозяйственные постройки в окрестных поселках, нарушены связь, подача электричества, движение по дорогам, есть пострадавшие. В сообщениях прямо указывается: землетрясение вызвано взрывом. Насколько это соответствует современным представлениям о сейсмической деятельности? Ведь всегда считалось, что энергетика всего производимого трудом человека в сотни раз уступает процессам, идущим в глубинах Земли. Или же взрыв в шахте послужил «спусковым крючком» для землетрясения, предопределенного тектоникой в данном районе?

Мнение руководителя отдела сейсмологии Института физики земли имени О. Ю. Шмидта АН СССР члена-корреспондента АН Армянской ССР И. Нерсесова: скорее всего, это совпадение двух событий. «Дело в том, — говорит Игорь Леонович, — что хотя это и слабоактивный, но все же сейсмичный район. Землетрясения здесь время от времени происходят. Думаю, это случайное совпадение и по временному соответствию не столь уж невероятное: взрывы производятся достаточно регулярно. Уникальность, редкость, если хотите, невероятность состоит в том, что эпицентр землетрясения оказался вблизи точки взрыва. Косвенной причиной реакции на него может быть результат техногенной деятельности человека. В данном случае образования огромных подземных пустот. Именно это обусловило значительную часть разрушения в зоне землетрясения. Во всяком случае, говорить что-либо определенное можно будет после тщательного исследования информации, полученной на самописцах сейсмографов. Кстати, неделеко от указанного места имеется сейсмостанция, и, думаю, ее показания внесут полную ясность».

Ученые давно интересуются связью между техногенной деятельностью человека и одним из самых разрушительных явлений природы — землетрясением. Накоплен довольно обширный материал по влиянию искусственных водохранилищ на тектонические процессы и сейсмическую активность. Огромные резервуары воды служат как бы крышкой для кастрюли с кипящим паром: они не дают распространяться тектоническим волнам вверх и провоцируют землетрясения. Кроме того, фильтруясь, вода заполняет трещины и разломы, которые также служат для этих волн отдушиной. Есть предположения, что некоторые сейсмические катаклизмы были вызваны откачкой нефти на давно разработываемых промыслах, но здесь еще нет прямых доказательств.

Случай на шахте — пока единственный в своем роде. До этого шахтеры страдали от землетрясений: неожиданные выбросы породы, газа, обвалы — все это могло быть результатом сейсмической деятельности. Но теперь надо учитывать и обратную связь, какой бы маловероятной она ни была. (Американцы, например, делали специальные опыты: производили ядерные взрывы в тектонически активных районах, чтобы искусственно вызвать землетрясения, но однозначных результатов не получили.)

Как бы то ни было, с ростом своего могущества, влияния не все сущее человек должен быть еще более осмотрительным. Природе ошибок не прощает.

В. ЯНКУЛИН

НОВАЯ РУБРИКА

Исповедь

Сегодня мы открываем новую рубрику. Само ее название подсказывает отбор публикуемых в ней материалов. Прежде всего это рассказы людей о самих себе, о своих переживаниях, душевных терзаниях, о муках собственной совести. Почему, ради чего отважился человек на такой публичный разговор, знает лишь он сам. И здесь мы ему не судьи. Для нас же его исповедь важна как глубоко личный человеческий документ, как непосредственное свидетельство современника, как живой знак эпохи. А потому редакция не ставит своей задачей ни проверять излагаемые в таких публикациях сведения, ни ограничивать предмет разговора каким-то временным отрезком. Думаем, исповедаться есть о чем и тому, кто жил в трагические тридцатые годы, и в глухую пору семидесятых, и в наше революционное время. Сегодня мы публикуем письмо в редакцию одного из старейших наших писателей — В. Н. Астрова и комментарий доктора исторических наук В. Д. Поликарпова.

КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО...

ВОПРОС, которому посвящены эти краткие воспоминания, может показаться сугубо личным, но в обстановке широкой гласности он приобретает общественное значение.

В книге американского ученого Стивена Козна «Бухарин и большевистская революция» я был упомянут как единственный из участников так называемой школы Бухарина, переживший сталинский террор. В этой связи моя фамилия в последние месяцы фигурирует на страницах ряда изданий. Ради установления истины хочу рассказать, что именно мне запомнилось из происшедшего со мной более полувека назад.

Моя имя мало что говорит нынешним читателям, поэтому сначала несколько слов о себе. В 1922 году я был избран в члены Всероссийского Центрального бюро журналистов. В том же году поступил в Институт красной профессуры. В 1926-м его окончил, в 1927—1928 уч. г. заведовал его историко-партийным отделением. В 1924—1928-м сотрудничал в «Правде», в 1927—1928-м входил в состав членов ее редколлегии. В 1926 году редактировал «Ленинградскую правду». С 1924 по 1929 год работал членом редколлегии «Большевика» (ныне «Коммунист»). В 1924 году я был в составе делегации РКП(б) на V конгрессе Коминтерна.

В 1928—1929 годах разделал взгляды «правой оппозиции». В ноября 1929 г. заявил в печати об отходе от «правых».

В феврале 1933 года я был арестован; одновременно ЦКК исключила меня из партии, в которой я состоял с марта 1917 года, и с тех пор я 65 лет остаюсь коммунистом вне ее рядов. Обвинение гласило, что я был якобы одним из организаторов контрреволюционной группы «марксистов-ленинцев» и одним из соавторов ее платформы (ерютинской). Ни там, ни другим я не являлся, платформу эту не видел и до сих пор не читал. Что А. Н. Слепков и Д. П. Марецкий, с которыми я работал в «Правде» и в «Большевике», имели к ней какое-то отношение, об этом я узнал лишь из недавних публикаций в прессе. А тогда, в 1933 году, знал лишь, что их арестовали осенью 1932 года и приговорили к пяти годам политизолятора. В то время как А. Д. Зайцева, А. Ю. Айхенвальда, меня и других — в 1933-м и приговорили к трем годам, причем через полтора года политизолятор был нам заменен ссылкой.

1 декабря 1934 года был убит С. М. Киров. Сталинские репрессии ужесточились, и в конце 1936 года меня вновь арестовали. Ив Воронеже, где я отбывал ссылку, перевезли в Москву.

Понять и представить себе обстановку этого «преследствия» сможет лишь тот, кто сумеет не время позабыть все, что нам теперь известно о преступлениях Сталина и его ближайшего окружения, и мысленно перенестись в годы, когда подавляющее большинство советского народа продолжало видеть в Сталине стойкого борца за единство партии, столь необходимое стране перед лицом сплошного империалистического окружения. И так же мысленно перенестись в тесную одиночную камеру внутренней тюрьмы НКВД не Лубянской площади, где я находился в течение нескольких месяцев следствия и допросов. Меня не били, не пытали, даже на «ты» меня никто не называл, кроме случая с Ежовым, о чем я упомяну ниже; но от меня настойчиво, изо дня в день, из ночи в ночь требовали «рассказать о террористической деятельности правых», упорно на жалея слушать, что ничего я об этом не знаю!

Незадолго перед тем Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев в августовском судебном процессе «сознались» в организации убийства С. М. Кирова выходцем из рядов оппозиции. В дни процесса застрелился один из лидеров «правых» М. П. Томский, Л. В. Каменев, а на следующем процессе Ю. Пятаков и К. Радек показали об имеющихся якобы связях Н. И. Бухарина с зиновьевцами и троцкистами (я с ним не виделся лет пять—семь). Газеты, которые я читал перед арестом, полны были требований расправиться с «террористами».

Возвращаясь с допросов в камеру, я старался как можно спокойнее осмыслить происходящее. Я не мог отрицать, что внутрипартийные оппозиции, теряя опору в массах, при продолжении борьбы неминуемо скатываются к авантюризму (к политике без масс, как определял авантюризм Ленин). Подтверждал мне это не только опыт борьбы с троцкизмом, в которой я активно участвовал и в 1921-м, и в 1923—1927 годах, не только убийство С. М. Кирова бывшим оппозиционером-зиновьевцем, но и еще одно существенное для меня тогда обстоятельство.

В начале тридцатых годов, будучи членом партии, я стал свидетелем пьяных выкриков в среде «правых»: «Дайте мне револьвер, я застрелю Сталина!», разговоров о необходимости «дворцового» переворота и т. п. Эти эксцессы в всерьез не брал. Однако уже по следствии 1933 года они всплыли наружу. Тогдашний ответственный работник НКВД Молчанов вызвал меня из камеры и спросил: знал ли о них Бухарин? Я ответил, что я ему о них не сообщал и не слышал, чтобы сообщали другие.

В 1933 году имена членов ЦК и Политбюро не допросах и в протоколах еще не фигурировали. Иное — в 1936—1937 годах: речь шла уже впрямую о Бухарине, Рыкове, Томском. Я говорил себе, что в политике человек отвечает не только за себя, но и за поступки своих единомышленников. Следователи, со своей стороны, утверждали, что политические «дела», да еще о терроре, ведутся в ином порядке, нежели «чисто уголовные». Эсеровской тактике индивидуального террора я даже в борьбе с самодержавием не сочувствовал, а тут — террористические настроения в партии против партийного руководства. Ведь я находился не в царской тюрьме 1915 года в Смоленске, где я, 16-летний мальчишка, отверг требования жандармского полковника Астафьева признать мое участие в ученических подпольных кружках; теперь меня допрашивали коммунисты, в моих глазах — наследники чекистов Дзержинского, которыми исконно гордилась партия. Что следователи проводят в жизнь решения партии — сомнения не могло быть: нарком НКВД Ежов одновременно был одним из секретарей ЦК (или председателем ЦКК, точно не помню). Партия после убийства С. М. Кирова решает, думал я, раз и навсегда покончить с террористическими тенденциями в своих рядах: оставаясь внутренне коммунистом, я обязан, должен, вынужден выполнить ее решения в согласии с партийной дисциплиной.

Пишу я сейчас о себе, как будто о другом человеке, — настолько изменились времена и я сам. Жил я тогда точно в горячечном бреду, мысль моя в поисках выхода бегала по кругу. Исход недавних судебных процессов свидетельствовал, чем грозит «признание», которого от меня и, очевидно, от других «правых» требуют.

Пишу это не для оправдания «царицы доказательств» тех времен — оговоров и самооговоров, недопустимых ни при каких условиях, а в целях выяснения той исключительной обстановки, в какой они получили тогда широкое распространение. Психологической их стороны более подробно намереваюсь коснуться в воспоминаниях о всех 90 годах моей жизни, которые начал сейчас писать.

Настойчивых требований следователей рассказать им о террористической «деятельности» «правых» полностью я не выполнил, но все же показал, что мы, «правые», не исключая лидеров, потерпев поражение внутри партии, признали якобы в принципе допустимыми террористические методы в борьбе против партийного руководства в будущем, в случае обострения политической ситуации в стране. Несколько помню, мне в целом удалось удержаться в этих намеченных для себя рамках. Никаких ужасных злодеяний, вроде шпионажа, планов расчленения Советского Союза, причастности к убийству С. М. Кирова, посягательства Н. И. Бухарина в 1918 году на жизнь В. И. Ленина и тому подобных обвинений, фигурировавших потом не процессе «право-троцкистского блока», я не измышлял.

Через несколько дней после того, как я подписал эти показания, допрашивавший меня следователь Я. Н. Матусов, в предвидении сурового приговоре, посоветовал мне заочно оформить развод с женой, чтобы вывести из-под удара семью (у нас было трое детей). Я выполнил его совет.

Но вышло все иначе, нежели можно было предвидеть. Н. И. Бухарин на очной ставке, которую Ежов проводил в присутствии Сталина и других членов Политбюро — Молотова, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, — мои показания отверг. А летом 1937 года совершенно для меня неожиданно я был освобожден.

Объявляя мне о прекращении моего дела, нарком НКВД Ежов сказал, что выполняет личное указание Сталина. «Благодеря Иосифа Виссарионовиче, — добавил он. — Мы бы тебя не расстреляли, но ты бы у нас посидел».

Время показало, что суровый приговор был лишь отсрочен не двенадцать лет, которые я пробыл не свободе. Из них четыре годе не фронте: в июле 1941 года вступил в Народное ополчение добровольно: ушел на фронт рядовым бойцом разведроты, демобилизовался в конце мая 1945 года в звании старшего лейтенанта.

В марте 1949 года меня вновь арестовали и заочно приговорили к двадцати пяти годам тюрьмы на основании тех же моих показаний, которые в 1937 году послужили к моему освобождению. Они сыграли роль своего рода мины замедленного действия.

После XX съезда партии, пробыв в заключении семь с половиной лет, я был досрочно освобожден решением Комиссии Верховного Совете СССР в сентябре 1956 года.

В 1967 году, будучи вызван в Президиум ЦКК в связи с моим ходатайством о восстановлении в партии (за 55 лет я подавал такие ходатайства неоднократно), я заявил, что никогда не слышал от Н. И. Бухарина никаких «террористических высказываний». Это устное заявление не имело тогда для меня никаких последствий. В апреле 1961 года, перед XXII съездом партии, когда, как можно было предположить, стоял вопрос о возможной реабилитации Н. И. Бухарина, меня пригласили в ЦК КПСС, и после устной беседы я подал в ЦК два письма с отказом от ложных показаний. Позднее Прокуратура СССР реабилитировала меня в уголовном порядке за отсутствием состава преступления.

Вышел я не свободу в 1956 году с написанным в тюрьма романом «Огни впереди». В 1958 году его опубликовало издательство «Советский писатель»; в 1960-м меня приняли в Союз писателей СССР. В 1965 году вышел мой второй роман «Круча», посвященный годам внутрипартийных дискуссий (1921, 1923—1927). Оба романа включены С. Козном в список литературных источников его книги о Н. И. Бухарине.

В заключение несколько догадок, почему Сталин в 1937 году мог решить сохранить мне жизнь. Конечно, это только догадки. Мои показания были недостаточно конкретны, слишком общи для использования их на сфальсифицированном процессе: тем требовался более крепкий «табак». Возможно, что к лету 1937 года известный запас такого «табака» был уже получен из показаний других подследственных.

Некоторую роль могло сыграть и мое особое положение в так называемой школе Бухарина. Из воспоминаний А. М. Лариной («Незабываемое», «Знамя», № 12, 1988) мы знаем о случайно попавшей в руки Н. И. Бухарина записке Сталина, что эту школу «надо уничтожить». Между тем Сталин знал, что я учеником Н. И. Бухарина не являюсь, к его «школе» меня причислили оппозиционеры-зиновьевцы, когда я перед XIV съездом партии выступил против них со статьями в «Правде» в декабре 1925 года.

Последнее обстоятельство, а также моя солидарность с «правыми» в 1928—1929 годах дали основания С. Козну безоговорочно счесть меня участником «школы». На самом деле мои отношения с Николаем Ивановичем Бухариным были достаточно сложны. При всем моем глубоком уважении к нему как человеку и одному из руководителей партии, я расходился с ним в некоторых теоретических вопросах, а перед XIV партийным съездом почти на целый год разошелся и политически из-за его тезиса о необходимости «ужиться с Троцким» в партии. (Конфликт отражен в романе «Круча» с измененными именами слушателей Института красной профессуры.)

Зарождение «школы Бухарина» связано с его преподаванием в 1919 году в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова. Там он читал группе студентов и обсуждал с ними черновики своей будущей книги «Теория исторического материализма». Я же никогда в «Свердловке» не учился, в 1919 году редактировал в Смоленске газету «Рабочий путь», с Бухариным познакомился лишь в 1923 году, а со Слепковым, Марецким и другими бывшими «свердловцами» — в 1922-м.

Вряд ли у Сталина мог быть расчет сохранить для своего прославления мое перо историка и журналиста, но если был — то не оправдался. Дифирамбов ему я ни до 1937 года, ни после не публиковал: в «Круче» старался обрисовать его таким, каким знал до культа его личности (в романе — до 1927 года)*.

Наконец еще одно соображение. В моем лице Сталину представился удобный случай продемонстрировать свое милосердие и заодно создать прецедент, на который в будущем могли ссылаться следователи НКВД при добывании нужных им показаний у подследственных, как это сделал Л. П. Берия в декабре 1938 года при допросе А. М. Лариной. По ее словам, он сказал: «Астров во многом нам помог, и мы за это сохранили ему жизнь». Никакого отношения к моему освобождению в 1937 году Берия иметь не мог, а в 1949-м, когда НКВД действительно был в его руках, я получил 25-летний приговор.

Правда и в воде не тонет, и в огне не горит. Отступив от нее однажды, я был жестоко наказан. Не о тюрьме говорю, тюрьму я перенес и даже в ней роман написал. Говорю о мучительном осознании того факта, что мои вынужденные ложные показания обрекли меня объективно на роль пособника в непредвиденной мной ужасном разгуле репрессий. Отсюда урок для всех живущих: ни на шаг не отступать от правды, не уподобляться слепому, не видящему пропасти у себя под ногой. Пишу это для того, чтобы помочь нынешней молодежи объективно и правильно понять то, что на нашем веку происходило.

Наше счастье, что нет и уже никогда больше у нас не будет возврата к «37-му году» с его ужасными последствиями.

В. АСТРОВ

* Некоторые критические отзывы о личности Сталина в первом издании «Кручи» при редактуре последующих изданий были опущены. (С. Коэн пользовался вторым изданием, 1969 года.)

...КАК ЭТО ВЫГЛЯДИТ СЕГОДНЯ

ВЗРЫВНОЙ силы XX съезда партии не хватило не то, чтобы разрушить до основания или хотя бы обнажить до корней, до истоков сталинскую систему и выработать иммунитет против разлагающего влияния ее остатков, прежде всего на духовный мир общества. И немало людей из ныне живущих поколений вышло из полосы глухого застоя с искалеченной моралью, с затуманенным, а то и утраченным историческим сознанием.

Поднятые из небытия страницы прошлого, ошеломляюще трагические, от неожиданности, в обстановке казенного оптимизма, стали многими восприниматься как нездоровые сенсации, как злонамеренная игре воображения. Обывательское же сознание награждало их кличками вроде «жареных фактов», «черных пятен» взамен «белых». Говорят, что эти «белые» пятна происходят от цвета, каким изображаются на географических картах неразгаданные материки. Но не выпадают ли из исторической памяти белые пятна — следы цензурного произвола, и не они ли вернее всего объясняют происхождение актуальной метафоры?

Заполнить ныне обнаруживаемые белые пятна помогли бы документы, затрудненный доступ к которым — извечная боль историков и литераторов. Надеясь, однако, что не новом этапе перестройки она будет утолена, не будем, тем не менее, обольщаться их чудодейственными свойствами.

Для обеления собственных злодеяний сталинские опричники изобрели немало способов обмана будущих поколений именно при помощи документов: они подсунули, например, Истории сфабрикованные оговоры и поклепы на попавших в застенки, выбитые пытками у таких же жертв произвола.

Покойный генерал А. И. Тодорский, вернувшийся из тех застенков, в свое время говорил мне: «Не верьте, когда утверждают, что человек, если совесть его чиста, никогда не поддастся палачам, даже под пытками не подпишет ложное показание, а тем более на близких ему людей. Применяли такие изуверские пытки — куда там средневековая инквизиция! — попавшего в их руки доводили до беспамятства, до помутнения разума — и подсовывали своими заготовленный «роман», и не человек, а потерявший все человеческое подписывал, не понимая что».

А если потом, на суде ли, на следствии, обвиняемый «подведет» — откажется от выбитых у него под пытками показаний, то протоколы таких допросов указано было к делу не приобщать. И еще: Берия потребовал, чтобы заявления обвиняемых о незаконных методах допроса вообще не фиксировались — и соучастник его преступлений Вышинский услужливо уведомил прокурорам дан циркуляр.

Эти факты, установленные юристами, надо полагать, дадут историку ключ для источниковедческого анализа следственных и судебных материалов, без которых не рассеять дымовую завесу, опущенную над той эпохой. Но универсален ли такой ключ? Всегда ли найдет историк в архивах сталинских узилищ разгадку ложного показания и распознает его фальшь?

Можно по-разному оценивать степень вины В. Н. Астрова, дешего, как он признает, ложные показания. Можно прежде всего сделать скидку на то, что за эту фальшь он расплатился судьбой. Но он, к кому не применялись физические пытки, открывает нам еще одни, может быть, совсем малоизвестные, не зафиксированные иезуитские способы морального давления, служащие в то же время объяснением, как это получалось, что ветераны ленинской партии, революционеры, которых не сломала царская тюрьма, сами сочиняли невесть что на себя.

«Пишу я сейчас о себе, — размышляет В. Н. Астров, — как будто о другом человеке — настолько изменились время и я сам». Пишет он «в целях выяснения той исключительной обстановки», в какой происходило моральное растление партийной и советской бюрократии. Пишет, пожалуй, беспощадно по отношению к себе, раскрывая ту «тайну» своих показаний 1937 года, которая определила продолжительную отсрочку в решении его судьбы. Вынужденное ложное показание, признает он, обрекло его тогда «на роль пособника» в непредвиденном им «ужасном разгуле репрессий».

Суть же той «исключительной обстановки» заключается в атмосфере ожесточенной внутрипартийной борьбы, усиливаемой беспринципными групповыми пристрастиями, в целенаправленном разложении партийных кадров, идущем сверху вниз. Грозные признаки этих явлений и опасность их углубления наиболее политически чуткие и морально стойкие большевики усмотрели внутри правящей партии еще в двадцатые годы, заявив «о страшнейшем разложении партийного и советского аппарата, об удушении всякого контроля масс, о страшнейшем зажиме, гонениях, терроре, играющем и жизнью, и существованием партийцев и рабочих» (Х. Г. Раковский).

Такая зоркость стоила в те времена жизни и чести и Раковскому, и Рютину, и Сырцову.

В. Н. Астров объясняет, что, уже будучи в заключении, все никак не мог «осмыслить происходящее». Повинуясь «партийной дисциплине», внутренне возложил на себя крест солидарности с «правыми», к коим его причислили зиновьевцы в отместку за выступление против них в печати, и уж от имени «правых» послушно подтвердил допущение ими «террористических методов в борьбе против партийного руководства в будущем». Так же послушно оформил заочно развод, «чтобы вывести из-под удара семью». Но ни этим, ни добровольным участием в войне от новой тюрьмы не откупился: «королева доказательств» сработала в руках бериевцев и в 1949 году.

Все это мы узнаем из письма самого В. Н. Астрова. Можно ли в данном случае целиком полагаться на нынешнее его воспоминание? Очевидно, только сопоставление его письма с другими материалами по его «делу» поможет подтвердить или исправить оценки его поведения, зафиксированные в книгах Стивена Козна и Роберта Конквеста. Но письмо Астрова уже позволяет поставить вопросы такого порядка. И этим оно для нас ценно.

Астров не был «наиболее известным» представителем «школы Бухарина», как оценил его Козн. Астров был одним из тех, кто по признаку его совместной с Бухариным работы в партийных органах оказался «перспективным» для Ежова и Вышинского свидетелем обвинения против Бухарина. Его письмо — человеческий документ, запечатлевший, надо думать, перелом, который спустя годы произошел, возможно, в душе не одного Астрова, но и других людей, попавших в расставленные приспешниками Сталина сети. Его письмо — одно из свидетельств того, как они, приспешники, рекрутировали себе «пособников», какими способами добивались от них «признаний» и делали их соучастниками своих преступлений.

Астров приносит теперь покаяние, мотивируемое желанием «помочь нынешней молодежи объективно и правильно понять то, что на нашем веку происходило». Конечно, исповедь всегда пристрастна в той или иной мере. Но в любом случае выслушать Астрова необходимо. Ибо независимо от того, с какой полнотой раскрыты в письме факты его биографии тех лет, из написанного им мы все обязаны извлечь уроки.

В. ПОЛИКАРПОВ

РЕЗОНАНС

«ГОРОШИНА»

30 ноября 1988 г. наша газета рассказала об остром приступе бюрократического недуге у главврача московской детской больницы № 1 М. Корнюшина: он отказал ребенку (которому нужна была несложная, но экстренная помощь под наркозом) из-за того, что на одном из бланков не было подписи самого Корнюшина.

Читатели спрашивают, как расценили поступок главвреча его коллеги. Из официального ответа горздрава следует, что была создана комиссия и что М. Корнюшину вынесено «общественное порицание». Зато из приложенных к ответу документов видно, что едва за нашим корреспондентом закрылась дверь, как М. Корнюшин объявил выговор врачу своей больницы В. Китайгородской, которая все же пыталась помочь ребенку, но не смогла (без наркоза), и выдала тот злополучный бланк со своим заключением, но без «высочейшей подписи. Вряд ли соизмеримы «преступки» этих двух врачей — рядового и главного. Одному у рядового теперь выговор, у главного — порицание. Таким образом, симптом бюрократизма уже можно квалифицировать как синдром.

Такой вывод журналист имеет право сделать только на страницах газеты, рассмотрев и оценив факты. Поэтому выступление М. Корнюшина на комиссии, в котором он живописует встречу с нашим корреспондентом, редакция рассматривает как дезинформацию. Вот фрагмент из протокола: «Я пытался объяснить, что никакого отказа не было... Тогда корреспондент встает с кресла и говорит: «С вами, тов. Корнюшин, все ясно!» Я вновь стал рассказывать... Оборвав на полуслове, корреспондент начала меня упрекать, что я бюрократ, зарылся в бумагах, что я не врач. Я опешил... но она вновь повторила, что я вас знаю—все руководители бюрократы и т. д.». Чтобы коллеги М. Корнюшина поверили, что подобная сцена невозможна в принципе, сравним ее с другой: врач входит в палату и говорит больным: «Лежите, дармоеды! Пригрелись на бесплатных койках и государственных харчах, симулянты!» Предложенная нами ситуация ничем не отличается от той, что изобразил тов. Корнюшин.

Непонятно также, почему комиссия поверила М. Корнюшину и повторила с его слов в официальном ответе, что отказе ребенку не было. В журнале, где фиксируется прием посетителей, записано против фамилии мальчика — «лечение по месту жительства». И чтобы поставить точку не этом эпизоде, приведем еще один фрагмент из речи главвреча: «...в кабинет вошла женщина с мальчиком лет 8 и подала мне талон на госпитализацию. Состояние ребенка при этом было удовлетворительным». Это неправда. Мать вошла в кабинет одна и, получив отказ и оскорбление («Где взяли талон! Небось с черного хода!»), ушла. Мальчик сидел в коридоре, и главврач не удосужился на него даже взглянуть, хотя на бланке было написано «срочная госпитализация».

Р. S. Не днях редакция получила еще один официальный ответ: заместитель министра здравоохранение СССР А. БАРАНОВ сообщает, что факты из статьи «Горошина» подтвердились.

Минздрав считает, что Московское управление здравоохранения не проявило принципиальности в оценке действий т. Корнюшина, говорится в ответе. «Учитывая, что необоснованный отказ от госпитализации и неоказание медицинской помощи являются халатным отношением к служебным обязанностям, Минздрав СССР передал дело не рассмотрение Прокуратуры СССР».

ОТДЕЛ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ «ЛГ»

ЧЕРЕЗ 25 ЛЕТ

Четверть века назад я был в колхозе, в котором сделан этот снимок сейчас. Тогда, в 1964 году, стоял колхоз «Комсомолец» перед громадным прыжком. Вводилась денежная оплата труда, строились светлые планы. Теперь бы можно и итоги подвести. Увы, они плачевны: поразвехался народ, потерявший веру, несколько председателей кряду сменили друг друга, да не по своей воле. Последний председатель, Шатохин, оказался усидчивее других — восемнадцать лет тянет колхоз. И вроде неплохо стоит хозяйство, не шатается, в долгах не ходит. А председатель словно в тенетах липких: из последних сил бьется, отстаивая каждое свое, то есть колхозное, решение. Все еще многочисленные административные путы вяжут колхоз.

И вот — аренда. Какие возможности, какие просторы впереди! А какие? Мужики да бабы, что в негнущихся плащах да промасленных телогрейках отгребают вилами навоз да погромыхивают жестяными ведрами, пока не знают ответа на этот вопрос, да и самого вопроса не задают. Мол, поживем — увидим.

Может быть, самое главное преступление всех времен культовых и волюнтаристских, застойных и прожектерских — это поломанная вера, это отучение народа от труда осмысленного, это потеря веры в самого себя, в собственные руки, в свои силы.

Вспомним двадцатые годы. Почему так быстро и так результативно пошел нэп? Были силы, не отвыкшие еще по-настоящему работать. А как пойдет НАП — новая аграрная политика? Не будем забегать вперед, хотя от всей души хочется пожелать ей удачи. Хочется верить: деревню ждут перемены. Причем перемены глубинные, настоящие. Много вопросов возникнет впереди. По один из них уже и сейчас вырос: всегда ли нужен нам колхоз? Смотря какой, можно дать ответ. Нет, не богатый или бедный, стоящий на собственных финансовых ногах или нуждающийся в экономических помочах со стороны. Тут вопрос более или менее ясен. Какими качествами должен обладать колхоз — это важнее. Если это артель, отбывающая трудовую повинность,— одно дело, если союз свободных кооператоров — дело иное.

...Уезжая из хозяйства, я обещал вернуться снова через 25 лет. Хотелось бы угадать: каким будет новый снимок?

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

Фото автора

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Карой Грос

ПОДХОДИЛ к концу последний, самый напряженный день работы Всевенгерской партийной конференции. Партия меняла курс, с трудом нащупывая новую, никем не хоженную дорогу к социализму. К социализму тоже новому, непривычному. Рынок... Распределение по труду и капиталам... Плюрализм... Напомню: шел май 1988 года.

Стало очевидным и то, что задуманный поворот смогут совершить только новые люди. Закрытое заседание конференции, первый пленум ЦК должны были назвать их имена.

Ко времени возобновления открытого заседания тесноватый пресс-центр забит до отказа. Уже включены мониторы прямой трансляции. Делегаты на местах, гул нетерпеливого ожидания, но президиум пока пуст. Проходит полчаса, час. В пресс-центре объявляют, что организационный пленум ЦК затягивается. Просят набраться терпения.

Наконец в президиуме появляются руководители партии. Место у председательского пульта занимает Янош Кадар. Его лицо выдает явное смятение. Оглашаются результаты выборов. Председателем партии избран Янош Кадар. Аплодисменты. Генеральным секретарем — Карой Грос. Бурные аплодисменты.

В ПОЛИТИКЕ Карой Грос начинал секретарем парткома Венгерского радио и телевидения. Было это в начале 60-х годов. Время неординарное. В партии, в обществе вынашивались идеи первых венгерских реформ. Бурлили споры. Нужно было много думать, сопоставлять, определять позиции.

Из интервью К. Гроса, данного автору:

— Реформы 1968 года я до конца не понимал. Устремления были ясны и близки мне. А вот как мы добьемся этого, для меня оставалось вопросом. В те годы появилась масса новых идей. А когда идей слишком много и они всерьез не продуманы — меня это страшит. Я считаю, что суетой и шараханьем можно нанести делу такой же вред, как и ничегонеделанием.

Вскоре предоставилась возможность сопоставить собственные представления о реформах с практикой. С 1973 года Карой Грос — первый секретарь комитета ВСРП области Фейер. Областной центр Секешфехервар — крупный промышленный город.

Работа в области оказалась недолгой — неполных два года. Но она дала огромный материал для размышлений, подтолкнула к той концепции развития, которую через много лет он выдвинет уже в качестве премьер-министра.

А пока — руководство отделом агитации и пропаганды в ЦК. Новые возможности, впечатления. Новые влияния. И иные позиции. Позиции, которые все чаще и чаще ставили его в .. оппозицию. Он не таился, не молчал. О своих убеждениях заявлял открыто, честно. И, естественно, вызывал у окружающих не только взаимопонимание, но и неприятие.

Из интервью:

— Иногда я замечал, что дело вовсе не в том, прав я или нет. Просто многие в руководстве не желали смотреть правде в глаза, признавать допущенные ошибки. Своими выступлениями я ущемлял прежде всего личные интересы. Только из престижных соображений они отстаивали свои взгляды, а вовсе не потому, что я нес ересь.

Однажды, когда отношения с оппонентами в очередной раз предельно обострились, пришлось сменить место работы. Снова в провинцию.

Из интервью:

— Перед моим отъездом в область Боршод меня вызвал товарищ Кадар. Разговор был добрый. Меня не требовалось убеждать, я с удовольствием принял предложение. Товарищ Кадар решил объяснить мне свое решение. Он сказал — никогда этого не забуду: «Вам надо ехать потому, что так будет лучше для партии, так будет лучше для нас, лучше будет для вас». И он был прав. Во всяком случае, мне действительно было лучше.

Карой Грос считает себя учеником Яноша Кадара. Говорит о нем с огромным уважением, но не идеализирует.

Из интервью:

— С самого начала Янош Кадар выступил как политик с собственным лицом. Представьте себе, у него с тогдашним советским руководством были определенные споры. Это большое дело! И мы — политики моего поколения — на этом выросли.

Шли споры в те годы и внутри самого венгерского руководства. Большого политического шума они не вызывали. Известно, что Янош Кадар зорко следил за дискуссиями, не подавлял их, но и не позволял разрастаться в конфликты.

Из интервью:

— Борьба шла в течение многих лет. У меня лично бывали резкие расхождения во мнениях, крутые разговоры с Яношем Кадаром. Случалось, он категорично отрицал мои взгляды. Бывал жестким и непримиримым. Но никогда я не ощущал его личной неприязни, а тем более мести. Янош Кадар привил нашему движению политическую культуру. Ценности ее, надеюсь, прочно вошли в партийную жизнь. У нас модно проклинать сталинскую модель. Так вот я заявляю, что самые грубые проявления сталинизма давно уничтожены в нашей стране политикой Яноша Кадара. И в этом — его историческая заслуга.

Отъезд из столицы в область Боршод был для Кароя Гроса еще и возвращением на родину. В Мишкольце — областном центре — он родился. В рабочей слободке прошли детство, юность. Здесь он освоил свою первую в жизни специальность печатника. Мощное рабочее движение Мишкольца приняло его в свои ряды, а потом и выдвинуло на политическую стезю. Тут он пережил 1956 год.

В Мишкольце и сегодня живет его мать. В маленьком домишке, на маленькую пенсию. «С тех пор, как перебрался в Будапешт, видимся редко. Не хватает времени. Благо, в Мишкольце живут мои брат и сестра. Заботятся, помогают..»

Кстати, о семье. Сыновья Кароя Гроса — инженеры, у него четверо внуков. Личная жизнь? Грос пожимает плечами: дескать, какая уж там личная жизнь, если работать приходится по 14 часов в сутки? «К счастью, семья давно уже привыкла к этому и относится спокойно».

Давно не был в полноценном отпуске. Даже в свободные часы читает лишь то, что требуется по работе. Любит рыбалку и надеется, что когда-нибудь у него появится-таки возможность порыбачить. Потому и дом решил построить на берегу небольшого озера.

— Как только будет готов, городскую квартиру сдам государству и переселюсь поближе к природе.

— И скоро новоселье?

— Вряд ли, — безнадежно машет рукой. — У нас ведь как: то одного нет, то другого. То плитки не сыщешь, то кранов нет..

Однако вернемся в Мишкольц. Родной город встречал своего выходца ворохом застарелых конфликтов.

Грос не ограничивался лишь решением местных проблем. Пытался теоретически осмыслить широкий круг вопросов, связанных с положением в экономике и обществе. Искал причины трудностей, которые к тому времени уже нагромождались в стране, делал выводы. От коллег требовал беспристрастных мнений. В Мишкольце до сих пор рассказывают о его умении выслушивать людей, спорить, убеждать, а то и признавать собственные ошибки.

Из интервью:

— Опыт, приобретенный в Боршоде привел меня к пониманию того, что требуются перемены принципиального характера. И в практике социалистического строительства, и в стиле политической работы, и в образе мышления. Собственно, нужна новая стратегия...

В подготовке к XIII съезду ВСРП Карой Грос принимал участие уже как первый секретарь Будапештского горкома партии. По многим вопросам новой стратегии у него была точная, ясная позиция. Но он понимал, что принять его идеи еще не все готовы.

Из интервью:

— Иногда я чувствовал, что нахожусь в полном одиночестве...

К БЕСЕДЕ с Кароем Гросом я заготовил два списка вопросов. Более подробный — на случай, если придется много расспрашивать, другой — краткий, если буду в основном слушать. Мне было обещано 60 минут, и хотелось использовать это время с наибольшей эффективностью.

Мы проговорили два часа. Но даже из краткого варианта все вопросы задать не удалось. Настолько подробными, скрупулезно-детальными были ответы.

Карой Грос говорил спокойно, ничуть не нажимая на голос. Но почти осязаемая мощная энергия убежденности чуть ли не гипнотизировала. Бывалые коллеги наставляли меня перед встречей: надо уметь переубеждать Гроса, противоречить ему. Какое там! Только потом, прослушивая запись беседы, я обрел способность «переубеждать», с чем-то не соглашаться.

— Каковы основные черты экономического порядка, который должен укоренить-ся в Венгрии в соответствии с новой стратегией?

— В нашей модели нет ничего особенного.

Первое. Надо решить проблему более эффективного функционирования общественной собственности. На мой взгляд, самая большая беда всего социалистического лагеря заключается в том, что он не смог создать ни для рабочих, ни для предприятий такую систему заинтересованности, которая понуждала бы их наиболее эффективно использовать доверенную им общественную собственность. Не верю, будто предприятие только оттого, что оно государственное, обречено на плохую работу.

Второе. Мы совершенно неоправданно сделали непомерно высокой долю общественной собственности в экономике. Произошло это из-за теоретически ошибочного представления, по которому социализм можно якобы построить за короткое время. Я уверен, что социализм как переходное состояние будет существовать многие десятилетия если не столетия. Вспомним, что по Марксу и Ленину социализм — это часть капитализма в коммунизме. А раз так, то в соотношении форм собственности надо достигнуть более разумных пропорций. Мой вариант: 70—75 процентов общественной и 25—30 процентов частной. В партии многие меня упрекают, говорят, что я предаю социализм. Но это не так. При разумном соотношении форм собственности социализм останется социализмом, а использовать его огромную силу мы сможем лучше.

Далее. Сегодня наше общество зиждется на философии распределения. Все только и говорят, что о распределении и о том, что оно должно быть справедливым. Такое положение вещей надо менять. Общество необходимо нацелить на производство, думать и заботиться в первую очередь о производстве. Иначе может случиться так, что нечего будет распределять.

Наконец, важнейший элемент модели — рынок. Он должен стать единственным мерилом результативности нашей работы. Пока рынка нет, мы будем встречаться с абсурдными явлениями. Пример. Сегодня в Венгрии запасы на складах по своим объемам приближаются к ежегодному совокупному продукту страны. Значительную часть их составляют товары, которые невозможно продать. Такого расточительства не выдержали бы даже самые развитые страны мира! Труд, энергия, сырье лежат мертвым грузом и не приносят никакой пользы... Производить надо только то, что можно продать. А продать можно только на рынке!

— Ваша новая стратегия предполагает и политические преобразования...

— Несомненно. Чтобы понять суть реформы политической системы, в том числе и реформы партии, надо вновь вернуться к недавней истории. Я уже говорил: заслуга Яноша Кадара заключается в том, что он на практике отверг сталинскую модель общества. Но остался за ним и огромный долг! Разрушив ошибочное, отжившее, он тем не менее не создал новой саморегулирующейся политической системы. Нынешний механизм и сейчас ведь во многом держится на субъективном факторе. Счастье партии, что после 1956 года во главе ее встал такой руководитель, как Янош Кадар. Но то, что поначалу было ценностью для партии, со временем превратилось в бремя. Через 20—25 лет личность уже не поспевала за требованиями развития, а так и не созданная система не смогла автоматически нейтрализовать возникшие слабости. Вокруг личности появились люди, которые использовали вакуум, как хотели. Последствия были тяжкими. Словом, суть политических реформ я вижу в том, чтобы создать такую систему, которая в минимальной степени зависела бы от достоинства и слабостей субъекта, личности. Это относится и к партии, и к государству, ко всей политической структуре общества.

Основные элементы концепции поворота воплощаются в сентябре 1987 года в правительственную программу стабилизации экономики. Конечно, этот документ — плод коллективного творчества, но можно предположить, что Карой Грос, ставший к тому времени Председателем Совета Министров ВНР, сыграл в его разработке решающую роль. Сессия Государственного собрания с воодушевлением приняла программу, поддержав таким образом и реформистские устремления нового главы правительства. Экономический поворот начался.

Но уже тогда и в партии, и в обществе, особенно в рабочей среде, в кругах ученых-марксистов, заговорили о недостаточной теоретической обоснованности концепции поворота, об идеологических прорехах в ткани новой политики.

Сам Карой Грос признает теоретические слабости новой модели, но считает:

— То, что мы делаем, нельзя обосновать теоретически. Я верю, у нас внедряется странная, но тем не менее марксистская практика: вначале мы достигнем политического единства, на деле испробуем наши замыслы и на этой основе извлечем общие теоретические выводы.

Это замечание выявляет одну из важнейших черт политического почерка Кароя Гроса: прежде практика и только потом теория.

Позволю себе высказать предположение, что Карой Грос именно по складу своего характера не теоретик. Организатор? Да, настойчивый, целеустремленный. Трибун? Талантливый, зажигательный. Но не теоретик. И это вовсе не беда для руководителя такого масштаба, когда рядом есть единомышленники, способные пополнить недостающее, взять на себя часть забот.

Теория — не брошюрки. Людям нужно ясное понимание причин прежних неудач, видение новых целей, точное определение средств. Когда этого нет, тогда и появляются: в верхах — изобилие идей, суета и шараханье, в низах — сомнения, неверие, бездеятельность.

Из интервью:

— Наши перемены — это результат инициативы очень узкого круга людей в партии. Но я рассчитывал, что то воодушевление, которое было характерно для инициаторов, охватит и большинство коммунистов. Тут я ошибся. Они и сегодня не очень понимают, что означает этот поворот. Остались пассивными наблюдателями...

Пассивность большей части членов партии, ослабление их влияния в обществе, замешательство в рабочей среде вызвали прилив воодушевления у той части венгерской оппозиции, для которой социализм — враг. Она не теряет времени даром, формирует свои ряды и, что самое опасное, умелой тактикой разлагающе воздействует на партию.

Говорит Карой Грос:

— Экстремистское крыло оппозиционных организаций обостряет положение, выступает против сотрудничества (с ВСРП. — В. С.), настраивает людей против существующей системы. Какова тактика экстремистов? Прежде всего она хотели бы расчленить ВСРП, разделить на «реформистское крыло», «сталинистское крыло» и тем самым ослабить центр. Таким методом они пытаются обессилить ВСРП, присоединить к себе отделившихся от партии.

...У нас не должно быть иллюзий. Экстремистская часть наших политических противников стремится не улучшить социализм, а мирными средствами уничтожить его. Не разделить наши заботы, а, основываясь на наших слабостях, осуществить реставрацию.

В последнее время, всматриваясь в газетные фотографии Гроса, замечаю: резче обозначились морщины, озабоченнее взгляд. Еще в январе во время нашей встречи он говорил о своей работе. Теперь к его деятельности скорее подходит слово «борьба».

«Если задумаешься, какое доверие тебе оказали, какую ответственность взял на себя, не можешь быть спокойным ни минуты. Страшно».

Ситуация в стране меняется не по дням, а по часам. Отдача от экономических преобразований пока невелика, жизнь усложнилась. Растет недовольство, зато политические реформы идут семимильными шагами. Но какой бы совершенной ни была надстройка, при нестабильном базисе вся конструкция может оказаться шаткой.

Недавно Центральный Комитет ВСРП выступил инициатором возрождения института многопартийности как условия дальнейшего политического развития. Но выдержит ли нынешняя ВСРП натиск оппозиции?

Есть новая программа действий. Она должна стать основой для активной, наступательной политики. Провозглашено единство двух направлений: реформистского коммунизма и социал-демократизма... В одном ряду — предпринимательмиллионер и неимущий рабочий... Как увязать все это? А оппозиция не терпит, раздаются требования вырвать из сознания венгров большевизм и, более того, само понятие социализма.

Говорит Карой Грос:

— ВСРП не желает отдавать власть, но если бы мы ее потеряли, это было бы нашей собственной ошибкой.

Ответственность партийного лидера сейчас, как никогда, велика.

Владимир СТЕФАНОВ

Время торговать

Беседа специального корреспондента «Литературной газеты» Олега ПРУДКОВА с президентом итальянской фирмы «Оливетти» Карло де БЕНЕДЕТТИ

Если бы меня спросили, что, кроме исторических памятников, больше всего запомнилось в Риме, я бы не задумываясь ответил: неброская вывеска, состоящая из одного слова — «Оливетти». Она вездесуща. Красуется на многих улицах.

«Оливетти» — название крупнейшей фирмы, входящей в ведущую мировую десятку. Она в авангарде современной техники. Производит информационное технологическое оборудование, занимает второе место в мире по выпуску персональных компьютеров. О размахе ее деятельности свидетельствуют следующие цифры: 58 тысяч служащих, десять научно-технических лабораторий в семи странах, 40 отделений по всему миру. Значительный вклад капитала в 230 компаниях в США, Англии, ФРГ и др. странах. Доход от продажи продукции за прошлый год достиг 8 400 000 000 000 лир.

С 1983 года фирму возглавляет Карло де Бенедетти. Некоторое время тому назад я ознакомился с его речью на симпозиуме в Нью-Йорке, опубликованной в итальянском журнале «Панорама». Она посвящена Европе-1992 и отличается масштабностью взгляда, глубиной мысли и пониманием объективной реальности. Де Бенедетти предсказывает, что 1992 год станет «ужасным потрясением для европейской и мировой экономики, потрясением неизбежным и благотворным». Отнюдь не правительства приняли решение о Европе-1992, подчеркивает Бенедетти, европейская интеграция — следствие технологического скачка последних 15—20 лет и глобализации рынков. Это единственно возможная модель будущего, исторический шанс для перестройки Европы, часть широкомасштабного, глобального процесса...

Наша встреча состоялась в римском офисе фирмы. Де Бенедетти 55 лет. Он одолел в бизнесе длинную иерархическую лестницу и взобрался на самую вершину. Президент моложав, подтянут, деловит, излучает энергию и уверенность. Широко улыбаясь, произносит: «Будем говорить, сколько потребуется».

И мы начинаем говорить.

Олег ПРУДКОВ. Вилли Брандт называет 90-е годы «десятилетием больших возможностей». Речь идет о ликвидации военной угрозы, о развитии всестороннего экономического, научного и технического сотрудничества, о Европе (Западной) без границ. Долгие годы мы исключительно односторонне относились к «Общему рынку», создавали у читателя стойкое представление о перманентных конфликтах в нем. Не хотели анализировать многообещающие интеграционные процессы, которые шли внутри него. После 1992 года должна появиться новая Европа. Какая? Как вы себе ее представляете? Это «великий поворот», как однажды выразился господин Андреотти? Рывок гуппика, который вышел с опозданием и теперь догоняет ушедших вперед?

Карло де БЕНЕДЕТТИ. Переговоры о европейском объединении в 1957 году были следствием политической интуиции. Такие крупные деятели, как Аденауэр, Де Гаспери, Шуман, и некоторые другие интуитивно почувствовали, что такая Европа необходима. Но процесс этот шел очень медленно и принес немало разочарований. Ваше представление о том, что в «Общем рынке» были внутренние контрасты и противоречия, абсолютно правильно. Но в то же время возникла новая Европа, континент предпринимателей. Чтобы добиться положения, которое сложилось сегодня, требовалась не только политическая воля, необходимо было сочетание политической воли с экономической. Западный капиталистический мир разделен на три полюса — Америка, в которой роль Соединенных Штатов всегда преобладает, Дальний Восток, где наряду с Японией, а иногда напрекор ей вырастают такие сильные партнеры, как Сингапур, Тайвань, и Европа. Она не имеет права, не может позволить себе роскошь быть разделенной. Мы недостаточно богаты и сильны, чтобы пренебрегать возможностью такого мощного объединения, как «общеевропейский рынок». Это 320 миллионов жителей. Гораздо больше, чем в США, самый богатый рынок в мире как с точки зрения уровня потребления, так и с точки зрения денежных накоплений. И вот таков большое богатство на протяжении многих лет тратилось, чтобы финансировать США или покрывать их дефицит, создавать условия для существования двенадцати различных рынков.

И вот Европа наконец пришла в себя. Я хочу выразить свое личное мнение. Не верю, что 31 декабря 1992 года случится чудо и весь мир проснется в другом измерении. Но под воздействием факторов внешних, внеевропейских, а не внутренних, прежде всего экономических, начался процесс, который нельзя остановить. Мы живем в мире электроники, которая нам дала огромные возможности. Она уничтожила, можно сказать, свела на нет два фактора, которые всегда мешали человеку, — время и пространство. Мы вступаем в такой период, когда время почти исчезает. Как реальность. И расстояния становятся все меньше и меньше.

О. П. Итак, по вашему мнению, процесс объективный и его остановить нельзя? А притормозить можно? Какие силы работают сегодня против единой Европы?

К. Б. Назову две — политическую и бюрократическую. Во-первых, деятели разных стран боятся пока потерять свою местную власть, потому что они привязаны к своим избирательным, а не общеевропейским округам. Убедить Европу в необходимости объединения не риторически, не теоретически, а на деле очень трудно. А вторая преграда — бюрократия (думаю, что это имеет место и в Советском Союзе). Это сила, которая пытается удержаться любыми средствами и вовсе не собирается сдавать свои позиции. Объединенная Европа — смерть многих разновидностей бюрократии. Нельзя требовать от бюрократов, чтобы они согласились на самоубийство. Нужна третья сила, которая двигала бы Европу вперед. И, в общем-то, такая сила даже две силы есть — компании и потребители. Я смотрю на будущее оптимистически и верю, что, несмотря на сопротивление политических деятелей и бюрократов, Европа будет объединена. В борьбе между «тремя полюсами» у нее нет другой альтернативы.

О. П. То, что вы сказали, имеет определенное сходство с нашими внутрисоветскими делами. Нам тоже приходится преодолевать и консерватизм, и бюрократию.

К. Б. Книга Горбачева о перестройке меня очень заинтересовала. Говорю об атом не потому, что вы — советский журналист. Я сторонник такой Европы, которая повернулась бы лицом от Атлантики к Уралу. По-моему, в этом — единственное спасение и для Европы, и для Советского Союза. В телевизионной дискуссии президент Жискар д'Эстен первым высказал идею о создании своего рода плана Маршалла для Советского Союза. Думаю, что эта модель для наших отношений не подходит. Хотя, несомненно, Западная Европа объективно заинтересована в том, чтобы помогать планам модернизации Советского Союза.

О. П. Предположим, что здание «единого рынка» построено. Как же оно практически впишется в строительный комплекс «общеевропейский дом»?

К. Б. Безусловно, СССР — колоссальный рынок, нуждающийся в менеджерах и технологии. В Европе есть и то, и другое. И в то же время мы еще и не колонизаторы. Мы братья, европейцы, и я надеюсь, что процесс сближения между Советским Союзом и Европой будет развиваться именно по курсу, намеченному Горбачевым. В нем огромная польза как для Европы, так и для Советского Союза. Я всегда пропагандирую идею обширного, широкомасштабного сотрудничества.

О. П. Остается эту идею воплотить в жизнь. Но как? Отношения по типу плана Маршалла вы справедливо отвергаете. Нельзя ли хотя бы в общих чертах рассказать, каким вы представляете сотрудничество между ЕЭС, СЭВ, отдельными европейскими странами?

К. Б. Когда премьер-министр Де Мита был в Москве, а он мой большой друг, я сказал ему: тебе следует предложить Советскому Союзу открыть у себя итальянскую школу менеджеров. Потому что самое главное, в чем вы нуждаетесь, это не деньги, а компетентные люди. Италия обладает очень прочной структурой мелких и средних предприятий. Итальянцы — латиняне, люди очень гибкие, умеют приспосабливаться. Они могут оказать большую помощь в модернизации страны. Хоть я и мало знаю Советский Союз, понимаю, что необходимость в такой модернизации у вас велика. Причем первый шаг — это обмен людьми. Затем либерализация торговли товарами, наконец, создание смешанных обществ. Но не на той основе, которую раньше предлагал Советский Союз. Вам придется принять некоторые законы капиталистического рынка. Иначе вы не найдете на Западе ни одного партнера. В разумных пределах времени нужно добиться, чтобы советский рубль стал конвертируемым. Без этого вряд ли можно говорить о рыночных отношениях между Западной Европой и Советским Союзом.

О. П. Думаю, что препятствий идеологического характера для создания рынка Восток — Запад теперь нет.

К. Б. Да, и это очень важно. Два года назад, когда идеологические барьеры еще существовали, мне неинтересно было бы даже начинать подобный разговор. В прошлом рассматривались отдельные сделки, отдельные предложения дельцов. Но не под углом зрения развития кооперации. Это были эгоистически-коммерческие предприятия. Сейчас барьеры идеологического характера устранены с обеих сторон, и я верю, что наступило время для экономической кооперации. Есть, правда, риск утопить все в словах. И еще, конечно, необходимо преодолеть бюрократию.

О. П. Как с ней эффективно бороться?

К. Б. Это надо спросить у Горбачева. Но и нам тоже надо бороться со своей бюрократией. С помощью законов рынка. Мы не всегда выигрываем. Но если смотреть в перспективу, то мы обязательно победим.

О. П. Ваши экономисты утверждают: в рамках единого рынка государственный сектор является тормозом развития. Каков вес этого сектора в Италии?

К. Б. В промышленности примерно 30 процентов. Впрочем, точно никто не знает, что такое итальянская экономика.

О. П. Иногда мне кажется, что мы тоже не очень точно знаем свою экономику. Боюсь, что это общая болезнь... Еще один вопрос в связи с вашим замечанием по поводу государственного сектора. Тенденция ведет к уменьшению государственной доли?

К. Б. Безусловно. И она уже уменьшается в некоторых странах очень быстро.

О. П. Вы сторонник тэтчеризма?

К. Б. Не в полной мере. Но считаю, что с точки зрения экономического развития Тэтчер добилась многого. Особенно в области приватизации. Английская промышленность и действует лучше, и обходится дешевле. Стало лучше потребителю. Во Франции, у нас в Италии, даже в таких странах, как Швеция с ее традиционной социалистической ориентацией, тоже заметна тенденция к сокращению государственного сектора. Испания проводит приватизацию банковской системы.

О. П. Вы сказали, что мы могли бы использовать опыт итальянских мелких предприятий. Но какова их собственная судьба в условиях единого рынка?

К. Б. Здесь существует одна альтернатива: либо превратиться из мелкого предприятия в среднее, либо умереть. Таков закон рынка. Рыночная система очень далека от совершенства. Но по сравнению с другими системами, например с марксистской, она функционирует успешнее. Я имею в виду экономику.

О. П. Хочу вернуться к проблеме «идеологических барьеров». М. С. Горбачев в речи на Генеральной Ассамблее ООН говорил о деидеологизации международных отношений, «новом мировом порядке», основанном на новом мышлении, на приоритете общечеловеческих гуманистических начал над классовыми конфликтами. Не думаете ли вы, что сегодня некоторые взгляды Запада на мировую политику оказались устаревшими? Это относится и к Европе. Почему все еще существует пропасть между прогрессивным экономическим мировоззрением и политической практикой? Вы с гордостью говорите о создании «корпорации Европа», но наряду с ней возникает другая, военная. Я говорю о Западноевропейском союзе.

К. Б. Это остатки исторического прошлого. Конфликт идеологий привел к военному противостоянию. Есть известный дисбаланс в вооружениях Запада и Востока. Думаю, что это все уравновесится.

В этот момент в комнату вошла секретарша. Подала телеграмму. Де Бенедетти улыбнулся и извиняющимся тоном сказал: через пять минут надо ехать на аэродром. Что ж, дело есть дело, и у президента все рассчитано по минутам. Не исключено, что появление секретарши не было неожиданностью для моего хозяина. Тем не менее я оценил любезный жест, сделанный в начале беседы: «будем говорить, сколько потребуется»...

О. П. Итак, последний вопрос. Не станет ли Западная Европа крепостью, окруженной стенами и рвами?

К. Б. Я не верю в Европу-крепость, как говорят некоторые американцы. Эпоха всяких барьеров заканчивается. Сейчас время коммуникаций, а не барьеров. Горбачев это показал, может быть, даже лучше, чем американцы.

О. П. Они тоже начинают трезветь.

К. Б. Да, конечно, конечно...

***

В уже упомянутой выше речи Карло де Бенедетти сказал: «Я считаю, что первая задача предпринимателя состоит в том, чтобы понять смысл изменений того процесса, в рамках которого он действует, и подготовить соответствующий ответ на эти изменения: только так можно активно строить будущее, а не подчиняться ему пассивно».

По сути дела, это ответ на вызов, брошенный технологической революцией. Устами де Бенедетти глаголют крупные корпорации, сделавшие ставку не на интеграцию рынков. Об одной частности хочется сказать особо. Прав он, пожалуй, когда говорит о школе менеджеров. Не хватает еще у нас деловых, компетентных людей, знакомых не только с теорией марксизма, но и с тайнами рыночной экономики.

РИМ

ЯПОНЦЫ: ЧТО ОНИ ЧИТАЮТ?

Ким РЕХО,
доктор филологических наук

МЫ ПРИВЫКЛИ, что книгу пишут для того, чтобы ее читали. Но в последнее время в Японии все чаще стали говорить о книгах, которые слушают. Даже заговорили о наступлении «эры аудиокниг». Повсеместное распространение компактного кассетного магнитофона с наушниками вносит, как и на Западе, существенные коррективы в традиционный образ чтения.

Все началось с того, что в январе 1987 года издательство «Синтёся» выпустило серию «кассетных книг», куда вошли произведения известных писателей Ибуса Масудзи, Дадзай Осаму, Ямамото Сюгоро в исполнении популярных артистов-чтецов. Кассетные книги быстро завоевали признание, и теперь в это дело включились почти все крупные издательства. Так книжная индустрия пытается заинтересовать читателя, повернуть его к книге, хотя специалисты считают, что аудиокниги не вполне отвечают традиционным навыкам японцев: иероглифическое письмо требует визуального чтения.

Несмотря на изобретательность книжной индустрии, в последние годы в японской печати нередко звучат тревожные голоса: Япония перестает быть читающей страной. В чем причина застоя? Социологические исследования, проводимые ежегодно газетой «Майнити» и разными общественными организациями, показывают, что в условиях индустриального, потребительского общества значительно изменились как состав читательской аудитории, так и сама структура чтения. Прежде всего отметим, что ныне утрачивает интерес к чтению студенческая масса, составляющая основной читательский слой. Старые профессора с тоской вспоминают, как в конце 40-х — начале 50-х годов многочисленные японские издательства состязались в выпуске многотомных собраний сочинений классиков всемирной литературы. Так, например, в 1949—1951 гг. издательство «Согэнся» выпустило собрание сочинений Л. Н. Толстого в 22 томах. И в это же время издает сочинения Толстого и «Коданся», уже в 47 томах. Учитывая читательский спрос, издательство «Согэнся» вновь выпускает сочинения Толстого в 14 томах. Воистину, на вкус Толстого, нельзя было назвать себя культурным человеком.

А сейчас иная картина. В знаменитом районе Канда (Токио), славящемся сплошными рядами букинистических магазинов, нередко можно увидеть, как классики продаются за бесценок связками... И нет покупателей! В мае 1984 года закрылся журнал «Уми» («Море»), то есть море, куда стекаются большие и малые реки мировой литературы. Перестал выходить единственный в Японии журнал, специализировавшийся на публикации зарубежных авторов. Он просуществовал всего 15 лет.

Европейский роман, которому удалось пересечь границы и привлечь к себе интерес в разных странах, не становится бестселлером в Японии уже много лет. Вспоминаются 20-е годы, когда Япония была «переводной державой» и славилась культурой чтения. Практически вся мировая философская, религиозная, экономическая, художественная классика была в центре внимания японских переводчиков.

Примечателен и другой факт: в 1984 году в Японии впервые за всю ее историю экспорт печатной продукции превысил импорт (324 миллиарда японских иен против 316, или 51:49 процентам). Экспорт продолжает расти. Вывозят книги! — эта новость была воспринята как праздник японской культуры, как свидетельство ее мирового признания.

Японские социологи самокритичны, в последнее время они все чаще указывают на то, что уровень чтения снижается как в качественном, так и количественном отношении. В 1987 году всего 47 процентов опрошенных читали книги (в 1984-м — 60 процентов). Несколько больше читают журналы: в 1987 году — 63 процента. Средняя продолжительность чтения служащих в сутки составляла 56,9 минуты: на журналы — 25,6; на книги — 31,3. Студенты читают еще меньше: 49 минут. Дефицит времени обусловливает и стиль чтения: неторопливое, основательное домашнее чтение уступает место быстрому, легкому чтению в кафе или в баре. Естественно, книги, требующие умственного напряжения, не подходят для подобного чтения. Другой стала и цель чтения: лишь 12 процентов опрошенных ответили, что читают книгу для познания и самообразования, 50 процентов читают для отдыха и развлечения.

Потребительская революция изменила качество жизни среднего японца и ее стиль. Она сняла культ Ниномия Сонтоку, ученого и крестьянина, служившего в довоенные годы эталоном нравственности, воплощением образа бережливого труженика и аскета. Вместо него средства массовой коммуникации формируют иной тип человека, отвечающий идеалу эпохи сверхпотребления. Потребитель возведен на пьедестал почета. В этих условиях меняются и читательские вкусы и предпочтения. А литература в свою очередь приспосабливается к новой ситуации.

Что пишут и читают в Японии сегодня? Какие книги становятся там бестселлерами?

Слово «басутосэра» (bestseller) вошло в обиход с начала 50-х годов. С той поры ежегодно в апреле «Сюппан нэнкан» («Ежегодник печати») публикует список бестселлеров года. Это делается так: 52 наиболее респектабельных книжных магазина страны отбирают ежемесячно 5 книг, пользующихся наибольшим спросом, а журнал «Новости печати» также ежемесячно публикует эти данные. А в начале следующего года «Сюппан нэнкан» подводит итоги и объявляет 20 наиболее популярных книг года.

В 1987 году (данных за прошлый год пока нет) список бестселлеров возглавлял сборник коротких стихотворений (танка) «Праздник салата». Его автор Тавара Мети — 24-летняя, мало кому известная учительница литературы. За год до сенсационного успеха, в 1986 году, Тавара получила премию издательства «Кадокава» за книгу танка «Утро в августе». Через год она предложила тому же издательству «Праздник салата» и получила отказ: не было уверенности в кассовом сборе. Поэтические книги уже давно не в чести на книжном рынке Японии.

Тираж сочинений маститых поэтов не превышает двух-трех тысяч и, как правило, составляет 700—800 экземпляров. Издаются эти сочинения обычно на средства самого автора.

Получив отказ от издателя, который всего год назад наградил ее премией, Тавара обратилась в другое издательство — «Кавада сёбо», и... состоялась сенсация: книга появилась на полках книжных магазинов в мае 1987 года, а к концу года она разошлась в двух миллионах экземпляров. Поэтесса стала суперзвездой. Успех был настолько необычайным, что критики окрестили ее инопланетянкой.

В чем секрет феноменального успеха Таварв Мети? Название сборника взято из стихотворения:

— Это же вкуснятина! —
сказал ты, пробуя салат.
Было шестое июля.
Теперь этот день для нас —
праздник салата.

Одних это стихотворение коробило своей «столовой» лексикой, несерьезностью, другие же, наоборот, сразу оценили раскованность стиха, не подчиняющегося канонам старой поэзии. Именно непринужденная легкость, даже легкомысленность подкупала читателя. Поэтесса насыщает стихи разговорной лексикой улиц.

Движение за демократизацию танка возникло давно, еще во второй половине XIX века, но «разговоры» не укладывались в крошечный размер танка — стихотворения в 31 слог. «Разговорная» танка Таварь привлекала своей естественностью в сочетании с тщательным соблюдением метрики и размера.

В прежние времена понимать красоту означало чувствовать «кавбфугацу» (буквально: цветы, птицы, ветер, луна). Но внимание автора «Праздника салата» привлекает прежде всего шум улиц и герой — часто за столиком кафе или глядящий на витрины магазинов:

На полках
магазинов самообслуживания
созревают помидоры.
Тебе грустно?
Выглядишь печальнее
замороженных овощей.

В сборнике Таварь мы не встретим привычной лирики природы, мотивов печали, вызываемых сменой времен года. В основном там стихи о любви. Причем ее любовная танка совсем непохожа на стихи прежних поэтов. В ноябрьском номере журнала «Синтё» за 1987 год опубликовано 33 коротких стихотворения танка, принадлежащих известной поэтессе старшего поколения Отомо Митико. В этих стихах часто встречаются слова «слезы», «плач». Страдание — прерогатива женщины в традиционной поэзии. Героини Таварь отказываются от такого рода привилегии. В «Празднике салата», куда вошло 434 танка, эти излюбленные поэтические слова-образы не встретились ни разу. Даже стихи о печали неразделенной любви не оставляют в душе тяжелого осадка. Уныние, рефлексия чужды настроению ее героев.

Известному писателю Одзаки Коё принадлежит изречение: «Русская литература — это бифштекс, сочащийся кровью, а японцы любят постную рыбу». Эстетствующий писатель имел в виду острую социальность, мрачность картин в «Преступлении и наказании», заставляющих читателя глубоко задумываться над жизнью. Это не импонировало ему. Однако он не смог до конца противостоять притягательной силе русской литературы — переводил Чехова и Толстого.

Литературная ситуация в Японии 80-х годов многим напомнила слова Одзаки Коё, сказанные еще в начале века. Оцудзи Кацухико, например, констатирует, что японцы насытились «бифштексной» литературой, обременительной для их ослабевшего желудка. В это самое время им предложили салат, и все на него набросились. Словом, настало время малокалорийного салата.

Легкое овощное блюдо — недвусмысленная метафора деидеологизированной литературы. Массовая аудитория желает легкого чтения, не обременяющего ни тело, ни душу.

Какой след оставит в литературе книга Таварь, покажет будущее. Но уже сейчас у нее немало подражателей, особенно среди тех, кто пишет танка для массовой печати, радио и телевидения.

СРЕДИ бестселлеров 1987 года, тираж которых достиг миллионной отметки, — роман Мураками Харуки «Лес Норвегии». Автор относится к числу так называемых «новых писателей», родившихся после войны и заявивших о себе в 70-е — начале 80-х годов. Он пользуется наибольшей популярностью среди японского студенчества: 22 процента опрошенных студентов Токийского университета отдали ему предпочтение. Чем же Мураками так притягивает к себе внимание молодежи?

Песня «Битлз» «Лес Норвегии» о любви как о случайной встрече и утрате — музыкальная идея произведения. Это повесть о юности 20-летнего студента Ватанабэ, о его несбыточной мечте. Наоко, которую он беззаветно любит, психически больна. Одиночество, сознание своей отчужденности от людей обостряют ее недуг. Она живет в постоянном искушении уйти из этого мира. Любовь Ватанабэ, казалось бы, вернула ее к жизни, к людям. Разочаровавшись в студенческих бунтах 60-х годов, участником которых он был, Ватанабэ впервые по-настоящему чувствует свою человеческую ответственность перед этим прекрасным и по-детски незащищенным существом. Без любви у человека нет дороги, ему некуда идти. Он стремится найти моральную опору в любви, верит, что напрасно спасает Наоко. Однако все его усилия напрасны. Девушка кончает жизнь самоубийством в психлечебнице.

Невозможность счастья в этом абсурдном мире — лейтмотив произведения. Его герои — люди одинокие, хрупкие, как комья земли, они ищут спутника, «собеседника» и не находят, а находя, вскоре теряют их. Может быть, поэтому в романе так много сексуальных сцен. Как говорит один из персонажей, секс этих людей — это способ делиться взаимным несовершенством.

В финале романа Ватанабэ, потрясенный смертью Наоко, после долгих скитаний вспоминает о другой девушке, по имени Мидори, которая когда-то любила его. Еще одна попытка уцепиться за жизнь. Но найдет ли он в себе силы, чтобы начать заново жить?

И снова звучит песня «Битлз» о любви, о несбыточной мечте. В романе слышатся отголоски литературы прошлых лет — литературы «потерянного поколения». Поведение японского студента, его образ мышления в романе мало чем отличаются от поведения и образа жизни современной молодежи стран Запада.

В 60-х годах известный писатель Ито Сэй утверждал, что общество, в котором живут японцы, непохоже на европейское. Ощущения и переживания японцев резко отличаются от чувств европейцев. Справедливо, пока японское общество не сравняется с европейским по своей социальной структуре и по культуре человеческих отношений, до тех пор не может быть и речи о каком бы то ни было сходстве японского романа с европейским. Данные же международного исследования настроений молодежи показывают, что японская молодежь все более сближается с молодежью стран Европы.

Примечательно, что Ватанабэ, считающий себя средним японским студентом со средним японским лицом, родившийся в средней японской семье, читает исключительно европейских авторов. Лишь однажды он вспоминает роман Оэ Кэндзабуро «Сексуальный человек». В кругу друзей он слушает Баха, Моцарта, его любимый ансамбль — «Битлз».

Действие романа «Лес Норвегии» происходит в Японии, но оно могло иметь место и в любой европейской стране. Японским студентам, вероятно, потому и полюбился роман Мураками Харуки, что они увидели в нем картины из своей собственной жизни и легко могли отождествить себя с персонажами книги. Они оценили также сочетание занимательного сюжета с серьезным содержанием.

В поисках путей к массовому читателю многие японские писатели стремятся к созданию романа, не опускающегося до уровня бульварного чтива и в то же время не отвечающего снобизму избранных. Литературная продукция такого рода получила наименование «промежуточного», или «среднего», романа, занимающего некое срединное положение между «элитарной» и «массовой» беллетристикой.

Признанным автором «промежуточного» романа является Ватанабэ Дзюнъити. Например, «Почему мы не разводимся?», повесть о супружеской неверности и семейных неурядицах, также недавно стала бестселлером. Любовные перипетии с внезапно возникающими приключениями переплетаются в романе с серьезными размышлениями об изменившихся отношениях между женщинами и мужчинами в японском обществе.

Несколько особняком среди бестселлеров стоит роман «Вихри татарские». Его автор Сиба Рётаро — один из крупнейших исторических романистов, лауреат многих литературных премий, член Японской академии художеств.

С тщательностью историка Сиба Рётаро изучает факты, затем, давая свою версию событий, как бы вступает в диалог с читателем. Это своего рода открытая книга, приглашающая читателя поразмышлять вместе с автором. С большим мастерством Сиба воссоздает далекое прошлое народов Восточной Азии, изображает судьбы людей, вовлеченных в водоворот исторических событий прошлых веков, которые тесно увязываются с авторской концепцией культурной интеграции народов Восточной Азии, их взаимообогащения в историческом процессе.

Бум исторических романов продолжается в Японии и поныне.

В список бестселлеров входят самые разные по жанру и тематика книги, вплоть до астрологии. Но сочинения о бизнесе неизменно занимают одно из первых мест. Таковы, например, «Письма отца-бизнесмена к сыну» американца К. Уода, переведенные на японский язык; книга «Made in Japan», принадлежащая перу Морита Акио — президенте всемирно известной компании «Сони»; а также... комикс «Введение в экономику Японии» Исиномори Сётаро.

В академическом словаре русского языка мы читаем: «Комикс — графически-повествовательный жанр, получивший широкое распространение на Западе — серия рисунков с текстом, образующая связное повествование, обычно приключенческого содержания».

Это определение на сегодня, видимо, уже устарело: комикс популярен и на Востоке, а его жанровый диапазон не ограничен приключениями. Комиксы используются и в качестве учебных пособий. Школьники предпочитают учебникам иллюстрированную книгу с доходчиво написанным текстом. Комикс стал союзником в учебе. В 1984 году издательство «Обунся» выпустило серию «Учебные комиксы». Книжные магазины открывают отделы комиксов для школьников и студентов. Читатель комиксов неуклонно взрослеет. Теперь в моде комиксы для взрослых. Расширяется и тематика. В 1986 году издательство «Сюэйся» выпускает комикс «Всемирная история» в 16 томах, а «Тюокоронся» — «Историю Китая» в 12 томах.

Конечно, смешно и досадно, когда берешь в руки комикс, написанный по мотивам «Преступления и наказания» Достоевского. На цветной обложке книги, изданной в 1977 году, миловидный юноша в студенческой фуражке размахивает огромным топором. Полифонию романа Достоевского едва ли можно передать в серии примитивных рисунков.

Однако было бы ошибкой вовсе пренебречь комиксом заранее исходя из того, что это несерьезный жанр. Комиксы как легкая для восприятия форма стали использоваться — и порой не без успеха — для преодачи наиболее сложных по содержанию произведений. Так, в Японии издан комикс по «Капиталу» К. Маркса. Серия рисунков с текстом популярно объясняет, например, закон прибавочной стоимости.

Функции и сфера применения комиксов постоянно расширяются. В высших художественных училищах Токио открылись отделения комиксов.

ОБОЗРЕВАЯ японские бестселлеры последних лет, нельзя не заметить, что произведения выдающихся писателей прошлого и настоящего уже давно не входят в число самых читаемых. В 1987 году вышел роман Оэ Кэндзабуро «Письма к милым ушедшим годам», над которым писатель работал целых 8 лет. Герой романа — сам автор, выступающий в двух лицах: молодого писателя и Брата Ки. Последний считает своей главной книгой «Божественную комедию» Данте, которая указывает человечеству путь к спасению. Обращение автора к теме христианства связано с его убеждением, что выживание человечества возможно тогда, когда все мировые религии — христианство, иудаизм, ислам, буддизм — найдут взаимопонимание не только между собой, но и с миром неверующих. Многослойное содержание романа требует вдумчивости, серьезного чтения и анализа. Может быть, поэтому он и не стал бестселлером. Конечно, писатель имеет своих постоянных читателей среди японской интеллигенции, придающей большое значение активизации художественного восприятия, способности к критическому анализу прочитанного.

Отрадно, что в числе лучших книг зарубежных писателей назван роман В. Распутина «Живи и помни». Приходится констатировать, что японцы мало читают советских писателей. До сих пор они с трудом освобождаются от плена болезненных впечатлений, полученных от «романов бесконфликтности» и «номенклатурной литературы» периода застоя, которые в большом количестве переводились на японский язык. Наша перестройка возрождает интерес японских читателей к советской литературе. В последнее время издательство «Гундзося» выпускает серию «Библиотека современной советской литературы».

Ежегодные данные о читательском спросе и читательских предпочтениях не являются, конечно, мерилом, определяющим критерий ценностей, но они дают возможность понять современные тенденции «массового» чтения в Японии. Читатели отдают предпочтение тем произведениям, которые сочетают «занимательность» и «серьезность» как в области содержания, так и по форме. Игнорировать этот факт, пройти мимо него уже невозможно. Не случайно вокруг «массовой» литературы разгораются горячие споры.

Конечно, было бы неверно делать из сказанного вывод о всевластии в Японии литературного ширпотреба. Японская интеллигенция активно выступает в защиту подлинно художественных творений национальной и мировой литературы, с завидной быстротой реагирует на новейшие явления и события литературной жизни Запада и Востока. По инициативе Японской ассоциации писателей в Токио открылся книжный магазин, специализирующийся не «серьезной» художественной литературе.

Книжная Япония — огромная и сложная тема, требующая продолжение разговора. Данные заметки — лишь подступы к этой теме.

«Преступление и наказание» в виде комиксов — популярного вида японской книжной продукции.

Проект Джеймса Кокса

Просветительская ассоциация художественных галерей «Гранд централ» — благотворительная некоммерческая организация, созданная для того, чтобы знакомить международную общественность с художественным наследием и современным изобразительным искусством США, а также развивать и совершенствовать художественное образование. На днях директор художественных галерей «Гранд централ» Джеймс Кокс, прибывший в Москву для переговоров по проекту «Советско-американская конференция искусств», провел пресс-конференцию, на которой рассказал о своем проекте и перспективах советско-американских контактов в области изобразительного искусства.

— Первоначально мы планировали просто обмениваться выставками, — сказал он. — Но встречаясь в ходе моей первой поездки в Советский Союз с профессиональными художниками, специалистами, официальными лицами, я понял, что наши связи могут быть значительно более широкими и разнообразными. Я почувствовал, что моих собеседников интересует не только обмен художественными ценностями, но и всеобъемлющее сотрудничество в вопросах организации галерей, маркетинга, специализированной прессы, аукционов — то есть всего того, из чего складывается художественная жизнь на Западе. В частности, на проведенном фирмой «Сотбис» аукционе современной авангардной советской живописи я ощутил стремление моих советских коллег выйти на мировой рынок. Одновременно я понял, что советские специалисты недостаточно хорошо знакомы с коммерческой стороной дела, с тем, как организованы наши галереи, как и по каким законам функционирует наш бизнес. Наши знания о вашем рынке и ваших художниках также совершенно неудовлетворительны. Отсюда и возникла моя идея проведения советско-американской конференции искусств, в которой примут участие не только художники обеих стран, но и специалисты в тех областях, о которых я упомянул выше.

— Благодаря тому, что наша галерея существует уже почти 70 лет, — продолжал Дж. Кэкс, — наши контакты в сфере искусства чрезвычайно прочны и многочисленны. В составе нашей делегации для обмена опытом с советскими коллегами прибудут художники, эксперты, директора музеев, коммерсанты, редакторы художественных изданий, а также юристы, специализирующиеся в области прав и законов, связанных с искусством. Они обсудят вопросы наилучшей организации экспорта произведений советского искусства, прочтут лекции, обменяются информацией. В последний вечер конференции в Москве будет открыта коммерческая художественная галерея западного типа, созданная специалистами «Гранд централ». Однако это только первый этап проекта. Осенью 1989 года состоится путешествие американских представителей по Советскому Союзу, а в 1990 году — ответный визит советской группы в США.

Дж. Кокс выразил признательность сотрудникам общества «Родина», Министерства культуры и Союза художников СССР, а также организации «Армянская диаспора» (США) за содействие в реализации проекта. Как было объявлено журналистам, «Советско-американская конференция искусств» состоится в Москве в июне 1989 года.

В. АБАРИНОВ

Шекспир–425 лет спустя

В апреле культурный мир будет отмечать 425-летие со дня рождения великого английского драматурга. В нашей стране Шекспириана огромна и разнообразна. И тем не менее она пополняется из года в год. В этом читатель вскоре сможет убедиться, заглянув в третий выпуск «Указателя русских переводов и критической литературы на русском языке», который подготовлен к изданию Всесоюзной государственной библиотекой иностранной литературы (составитель — кандидат искусствоведения Ю. Г. Фридштейн). Помимо библиографической информации, новое издание дополнено литературным приложением, где публикуются новые переводы некоторых сонетов Шекспира и большая подборка стихов русских и советских поэтов на шекспировские мотивы: пушкинский «Сонет», стихи Ахматовой, Цветаевой, Набокова, Слуцкого, Мартынова, Ахмадулиной, Вознесенского и др.

Шекспировские творения служили источником вдохновения и для поколений русских художников. Сегодня мы публикуем рисунок из «шекспировской папки» Павла Бунина, посвятившего многие годы своей жизни работе над иллюстрациями к произведениям Шекспира.

Иллюстрация Павла БУНИНА к трагедии У. Шекспира «Ричард III»

«Война и мир» в Индии

Еще при жизни Льва Толстого «Войну и мир» перевели на английский язык. В начале пятидесятых годов с английского издания сделали перевод на хинди — сокращенный вариант. В нем были неточности. Многие читатели в Индии не поняли романа, так как к переводу не прилагались пояснения.

Пять лет назад индийские фирмы, распространяющие в Индии советские книги, обратились к объединению «Международная книга» с просьбой перевести роман на язык хинди.

Путь к переводу романа «Война и мир» для известного индийского переводчика Мадана Лала Мадху, лауреате международной премии «Дживагиш», был долгим и нелегким. За тридцать лет им переведено около ста произведений классиков русской литературы — Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Чехова, Горького, Маяковского. «Анна Каренина» и «Отец Сергий» — своеобразный подход к монументальному роману Толстого.

— Кто-то удачно заметил, что в переводе прозы переводчик — раб, — рассказывает Мадан Лал. — И я работал, как раб, стараясь не только точно передать смысловые тонкости, философские размышления автора, но и сохранить литературный стиль. Я не только перевел роман, но и написал к нему предисловие, которое познакомит читателей с жизнью и творчеством Толстого, с историей создания романа. В перевод включил много сносок. Они помогут индийскому читателю глубже понять великое творение русского писателя.

— Какие чувства вы пережили, когда поставили последнюю точку в переводе четвертого тома?

— Чувство облегчения и жалости, — ответил Мадан Лал. — Рад был, что многолетний труд увенчался успехом. Вместе с тем было грустно расставаться с героями романа, которых успел полюбить.

Издание подготовило издательство «Радуга». Тираж каждого тома — двадцать две тысячи экземпляров. Для Индии это большой тираж. Первые два тома уже пришли к индийским читателям. Третий и четвертый появятся в самое ближайшее время.

М. ГРЫЗУНОВА

СТЕНГАЗЕТА «КЛУБА ДС»

РОГА и КОПЫТА

● **ИНТЕРЕСНЫЙ ОПЫТ**

На прилавки магазинов г. Бибикино поступила первая партия соли, расфасованной в 25-килограммовые пакеты. Новшество позволит вывести бибикинцев на первое место в мире по потреблению столь необходимого организму продукта.

● **ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...**

...что на каждого бюрократа приходится минимум два заместителя?

● **ОБЪЯВЛЕНИЕ**

Меняю двухкомнатную квартиру со всеми удобствами на нормальную.

● **ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ**

Я, Иван Макарович Водолазов, распивал вчера спиртные напитки со своим дривом Степаном по уважительной причине. Копию справки, выданную мне Степаном, прилагаю.

КИРОВОГРАД А. ПЕРЛЮК

● **ПОЛЕЗНЫЙ СОВЕТ**

Если вас не устраивает ваша зарплата, отдайте ее жене.

● **НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ**

Новую форму детективного романа изобрел писатель М. Интригов — его новая остросюжетная книга имеет форму пистолета.

Ольг СЕИН

● **НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ**

В городе Ново-Комарьинске состоялся первый кооперативный концерт для фортепиано с оркестром. Концерт прошел с огромным успехом.

Вадим ДАБУЖСКИЙ

● **ОБЪЯВЛЕНИЕ**

Молодая пенсионерка ищет спонсора.

Майя ИВАНОВА

МЕДПУНКТ «КЛУБА ДС»

В. ВИТАЛЬЕВ

Как уберечься от СПИДа

СПИД расшифровывается как синдром приобретенного ИММУНОдефицита. Его не следует путать с синдромом приобретенного дефицита, поражающим любого человека, купившего дефицитную вещь.

Для того чтобы уберечься от СПИДа, нужно иметь в виду следующее:

1. Если на следующий день после приятного времяпрепровождения вы испытываете недомогание, то это значит, что накануне в комнате была неплотно прикрыта форточка.

2. Если вы не чувствуете недомогания, то следует призадуматься, ибо коварство СПИДа в том и заключается, что он проявляется не сразу.

3. Если вы не уверены, то лучше не надо.

4. Если вы уверены, то имейте в виду: вы можете ошибаться.

5. Если какой-нибудь остряк расшифрует слово «СПИД» как «специфические последствия интернациональной дружбы», не верьте ему: к сожалению, не только интернациональной.

6. Если вы хотите преподнести приятелю на день рождения приемник «Спидола», то лучше не делайте этого: приятель может обидеться.

7. Если в вашей машине барахлит спидометр, на всякий случай можете обратиться к врачу.

8. Если жена сгоряча назовет вас эспид, то это еще не значит, что ей все известно.

9. Если жена попросит вас не портить ей кровь, значит, она о чем-то догадывается.

10. Если вы морально устойчивы, то все предыдущие советы вам ни к чему. СПИД вам не страшен.

11. Если вы морально уступчивы, то все наоборот.

Некоторые граждане считают, что каждый год 1 апреля на всех нас неизбежно наступает День смеха. Мы считаем, что они считают правильно. Другие граждане начинают в этот день сразу смеяться, строить козни, куры, смехотворные планы, надувать, поддавать (жару), говорить «У вас вся спина белая» и даже показывать свой родной язык (дразнясь). Иные, раз начав смеяться 1 апреля, продолжают смеяться и далее (несмотря на ускорение и перестройку), заходя в магазины, в общепит, слушая отдельных товарищей и глядя на некоторые вещи (а чаще — их отсутствие). И делают это письменно.

Мы в «Клубе 12 стульев» всегда подвигаем таким товарищам свободный от других товарищей стул. И сегодня даем дефицитные места тем, кто может в этот день показать не только свой (богатый русский), но и чужой (характерный, литературный) язык, другого автора. С этой несерьезной целью мы и публикуем под видом пародий передразнивания, подражания, «Пересмешники» и «Рога и копыта».

Во избежание недоразумений временного характера администрация «Клуба» доводит до сведения всех готовых посмеяться граждан, что решением общеклубной конференции день 29 марта переносится на 1 апреля (и наоборот). В связи с чем 1 апреля вводится повсеместно с момента получения газеты.

АПРЕЛЯ

Профессионально-му празднику весёлых людей

ПЕРЕСМЕШНИК

Мих. КАЗОВСКИЙ

ЕСТЬ ВОПРОСЫ?

ДИКТОР. Дорогие товарищи! Сегодня опять при помощи сверхдальней, сверхновой и сверхсрочной связи мы устанавливаем своеобразный телепаром между нашим городом Новые Спинжаки и кантональным аббатством Нью-Смокинг. Его ведут политический обозреватель Лев Серебряный и полемический обравователь Лео Сильвер. Внимание! Аббатство входит в поле видимости, слышимости и осязаемости...

СЕРЕБРЯНЫЙ. Алло, алло! Говорят Новые Спинжаки! Вы нас видите?

СИЛЬВЕР. Хэллоу, Лева! Я тебя вижу, но ни черта не слышу.

СЕРЕБРЯНЫЙ. Лео, я тебя вижу прекрасно, но очень плохо слышу. У тебя замечательный цвет лица — несмотря не то, что, я знаю, в вашем аббатстве хлещет ливень.

СИЛЬВЕР. О, Лева, это не так плохо, как ваши перебои с продуктами.

СЕРЕБРЯНЫЙ. Ваши безработные — тоже, наверное, не подарок, но не будем о грустном. Лучше давай спросим у тех, кто собрался в студиях, чего они ждут от нашего телепарома. Девушка, что бы вы хотели спросить у ньюсмокингцев?

ДЕВУШКА. Вот у них там, в аббатстве, — все аббаты, да?

СЕРЕБРЯНЫЙ. Очень интересный вопрос. Как вы ответите не него, Лео?

СИЛЬВЕР. Кто хочет ответить? Вы, сэр? Представьтесь.

МУЖЧИНА. Пит Редингот, фермер. У меня вопрос: можно ли в Новых Спинжаках открыто заявлять о своем несогласии с правительством?

СЕРЕБРЯНЫЙ. Подождите, вы сначала ответьте сами. Задан интересный вопрос на религиозную тему.

СИЛЬВЕР. Лева, вы уходите от прямого ответа.

СЕРЕБРЯНЫЙ. Ну, хорошо. Кто ответит фермеру из Нью-Смокинга? Вы? Представьтесь.

МУЖЧИНА. Петр я, Ватников, со второго автопредприятия. И хочу сказать, что папаша, который так печется о нашей демократии, чересчур, по-моему, доверяет буржуазным газетам. Пусть приедет в наши Спинжаки и увидит лично. Каждый день ровно в два часа на центральной улице возникает колонна мужчин, которая всем своим видом демонстрирует несогласие с курсом правительства на искоренение алкоголя. И никто их не трогает! Сам стоял — и, как видите, жив-здоров, чего и папаше из Нью-Смокинга от души желаю!

СИЛЬВЕР. Лева, Лева, ничего не слышно. Есть ли еще вопросы?

СЕРЕБРЯНЫЙ. Думаю, что есть. Вот, пожалуйста.

ЮНОША (краснея). Говорят, на Западе очень много секса. Это правда?

СЕРЕБРЯНЫЙ. Лео, как бы вы ответили?

СИЛЬВЕР. Мы рады представить вам популярную в Нью-Смокинге рок-группу «Гамбургер с хлебом», приехавшую к нам со Спринцевых островов. Они сейчас исполнят популярную среди нового поколения песню «Мы глотаем не жуя!».

Много грязных волос, дыма, яепев а звуков. Изображение уплывает.

СЕРЕБРЯНЫЙ. Лео, мы практически ничего не видим. Связь заканчивается.

СИЛЬВЕР. О'кей, надо производить хэппи-энд, не так ли?

СЕРЕБРЯНЫЙ. Как ты считаешь, разговор получился?

СИЛЬВЕР. О, йес, по-моему, очень искренний. Спросим, однако, у тех, кто пришел в студию...

ПАРЕНЬ. Я всегда считал, что в Новых Спинжаках живут одни только хмурые небритые мужики. А сегодня увидел, что среди них есть и женщины, даже девушки! Это меня жутко удивило!

СЕРЕБРЯНЫЙ. Прекрасное впечатление. Одна из наших женщин, самодеятельная поэтесса, хочет выразить свои чувства стихами. Пожалуйста.

ЖЕНЩИНА.

Нет различий между нами,
Все с руками и ногами.
Каждый любит мать свою—
Будь он «новый», будь он «ньюю»!

СЕРЕБРЯНЫЙ. Что ж, спутник действительно уходит, но он еще непременно вернется!

СИЛЬВЕР. О, йес! Мы еще не раз попробуем разобраться в загадочных нетурах друг друга!..

О РЕГЛАМЕНТАЦИИ СМЕХОПРОИЗВОДСТВА И УПОРЯДОЧЕНИИ СМЕХОПОТРЕБЛЕНИЯ

(Проект единого общественного мнения после принятия решения)

1. 1. Смех — это наше неотъемлемое достояние. Смех — имя существительное. Поэтому беречь и приумножать его — долг каждого честного гражданина, независимо от наличия у него чувства юмора. Каждый гражданин, достигший смеховозрелого возраста, имеет право смеяться. Это право закрепляется за ним пожизненно, поголовно, по месту жительства, месту под солнцем, другим сидячим, стоячим и прочим местам, независимо от половозрастной принадлежности, социальных признаков и желания.

1. 2. Практическое осуществление этого права находит отражение в ряде положений, предусмотренных для смеха.

1. 3. Время для публикации п. 1. 3. еще не наступило.

1. 4. За организацию, осуществление, распространение смеха несут ответственность ведомства и организации, которые по согласованию с местными органами власти совместно намечают его объекты, количество, характер, время и места осуществления. Для чего, не позднее чем за 15 дней до момента намечаемого смеха, необходимо обратиться с письменным заявлением в соответствующие органы, которые наделены правом запретить или не разрешить проведение несанкционированного смеха.

1. 5. Устанавливаются разумные нормы потребления смеха, перечень основных его видов, разрешенных на территории СССР и союзных республик в зависимости от статей УК, бюджета, серьезности момента и перемены ветра.

1. 6. Советскому человеку за годы Советской власти стали безраздельно чужды такие не имеющие у нас никакой социальной почвы виды смеха, как мафиозный, коррупционный, шизофренический, шовинистический, садистский, порнографический, гомосексуальный, подрывного и иного характера.

Осуществление этих видов смеха всенародно осуждается как несовместимое с нашим образом жизни. Его производители и потребители клеймятся позором, на них накладываются штрафы, взыскания, постановления. При систематическом и повторном нарушении производится полное изъятие продуктов смеха с конфискацией средств его производства, распространения и потребления.

1. 7. Смех может носить массовый, всеобщий, всенародный, региональный, местный, частный, личный, коллективный и др. характер. Но практическое воплощение должен иметь только смех правильный. Правильность смеха устанавливается органами, осуществляющими широкое, всенародное, свободное распространение смеха. Перечень объектов, не подлежащих смеху, постепенно улучшается, расширяется.

1. 8. В целях упорядочения производства и потребления смеха смех обкладывается: а) налогом, б) прогрессивным налогом, в) всем остальным.

1. 9. Смех относится к важной сфере расширения демократии, поэтому упорядочение и регламентация его должны стать проявлением ее.

Продолжение следует...

Черновой вариант проекта готовили
Евг. САЗОНОВЫ (отец, сын).

ДИАЛОГ НЕДЕЛИ «КЛУБА ДС»

Банк идей

— Как быть? — спросили Евгения Сазонова. — Есть идея организовать общество потребителей, но скептики говорят, что покупателю трудно быть придирчивым и привередливым: выбора нет, почти все в дефиците.

— В таком случае, — ответил классик, — нужно создать общество потребителей дефицита.

В. ВЛАДИМИРОВ

День пародии

Николай ПАРИЛИН

Фирменное содержание

На плечи гор
Ложится лунный вечер,
Как флотский
темно-синий воротник.

Морское небо надо мною,
Оно, мне кажется, в тельняшке...

Тельняшкою
(тенях от веток)
Был снег под луной полосат...
(Анатолий КРАСНОВ)

Моряк на суша по морям скучает.
Аз, годы, годы... Отлучен. И мне
На берегу теперь луна сияет,
Как дембельская бляха на ремне.

Печальна эта лунная соната.
Душа томится, что ни говори...
На фоне неба — черного бушлата —
Рядами пуговицы-фонари.

Проспект широк,
как будто клеш матросский,
Тельняшкой — пешеходный переход.
[И в жизни есть такие же полоски —
За черной, верю, белая грядет.]

В запас, учтите, душу не уволишь.
[Надеюсь, вам не надо объяснять,
Что в карты я играю для того лишь,
Чтоб слово «бескозырка» услыхать.]

В глухой тоске пишу стихи о шторме
[И море гонит пресловутый вал!].
Мне кажется, что я сегодня в форме,
Не зря мне «Кортик» ближе.
чем... «Кинжал»...

Борис БРАЙНИН

Вилы в бок

..Нам представляет
для знакомства
Своих гостей мадам Тюссо —
От Свифта до
Шерлока Холмса,
От Кеннеди до Пикассо...
Музей мадам Тюссо всеядец,
Но это лишь на первый
взгляд.
(Михаил ВЛАДИМОВ)

Отродясь я не был пордом
И в родне буржуев нет,
Но однажды прибыл в Лондон
Как сатирик и поэт.

Вышел я на Пиккадилли —
Враз нагнал на сэров страх:
Мне ни разу не хамили
Ни в каких очередях.

[И рекламной ради цели,
Явно для отвода глаз,
Предоставили в отеле
Мне исправный унитаз.]

С виду гладко здесь и чисто.
Плюнешь — в урну попадешь.
Только врешь! Фельетониста
На фу-фу не проведешь.

...Скажем, этот нижний Сохо —
Это ж просто стыд и срам.
Видно, там с одеждой плохо —
Столько ходит голых дам.

Для блезиру много лоска,
Есть метро и зоосад.
И музей, где все из воска
Знаменитости стоят:

Футболисты, дипломаты,
Шерлок Холмс и Герострат...
Только странно: есть Раскатов,
А меня снесли на склад.

Что ж, спасибо за вниманье,
За стриптиз и «ай лав ю»,
Впрочем, сэры, на прощанье
Я устрою вам «сэнк ю».

Про Гонконги, и Нью-Йорки,
И про этот ваш Лондон
Напечатаю в «Вечерке»
Стихотворный фельетон.

СТАМБУЛ — АФИНЫ — КОРСИКА — ПРИМОРСКИЕ АЛЬПЫ — ФЛОРЕНЦИЯ — ПИЗА — ВАТИКАН — ЛИВОРНО — ЛИССАБОН. — КОПЕНГАГЕН — ЛОНДОН — МАРЬИНА РОЩА*

* Все географические названия (кроме последнего) взяты из сборника М. Владимова «Линия огня».

Игорь РОМАНОВ

Упрямство слов

Когда я душу разогрел
На слове, что в строку
не лезло.
Я гнул его и так и сяк
И нет драгоценней глагола,
Чем этот разлив немоты.
(Лев ОЗЕРОВ)

Свои стихи в печать сдавая,
Порою чувствую озноб,
Поскольку немо прозреваю:
Строфа — не та,
И фраза — в лоб...

А вся беда в словах неровных —
Никак не отмоешь их в строку.
Я подгонял их — слева, справа,
Потом прибегнул к кулаку.

Но только все безрезультатно:
Слова смеялись надо мной,
Хоть я еще и троекратно
Пнул каждое из них ногой.

Как воск, их мял
И вил, как нити,
Сгибал их, точно венский стул...

И вы, читатели, простите,
Коль я чего-то
перегнул.

День пародии

Александр БОБРОВ

Оригиналка

Брожу с определителем
растений
По пригородным рощам
и лугам
И в обновленной зелени
весенней
Оригиналы вижу тут
и там.
(Павел СЕРГЕЕВ)

По лесопаркам, подмосковным
тропам
И по другим
прогулочным местам
Брожу с машинописным
гороскопом,
Оригиналы вижу тут и там.

Гляжу в страницы,
в потом — налево
И замечаю пару стройных ног.
Спросил ее:
— Простите, вы не Дева!
— Иди ты, — отвечает, — Козерог...

Перехожу на календарь японский
И спрашиваю робко:
— Вы Змея!
А те в ответ не изменила тон свой
И прямо как отрезала:
— Свинья!

Александр ИВАНОВ

К вопросу о геньях

В Лутовинове —
Тургенев.
И в Карабихе — поэт.
Я не гений. Нету геньев!
Прежде были — нынче нет.

Чехов в Мелихово едет.
Граф гуляет по стерне.
Только мне ничто не светит!
Скоро я останусь не...

Я возьму свою гитару
Да спою на целый свет.
Прогуляться бы на пару.
Жаль, что нынче пары нет!

Все фигуры на картона,
Все банальные слова...
Нет Ивана, нет Антона,
Нету Феди, нету Льва.

Вся Андреи да Евгении,
Вся Булаты кроме нас...
Нету геньев! Где вы, геньи!
Одиноко мне без вас!

Поспевает земляника,
Дамы ходят по замла,
Говорят, что Веронике
Совершенно обвигле...

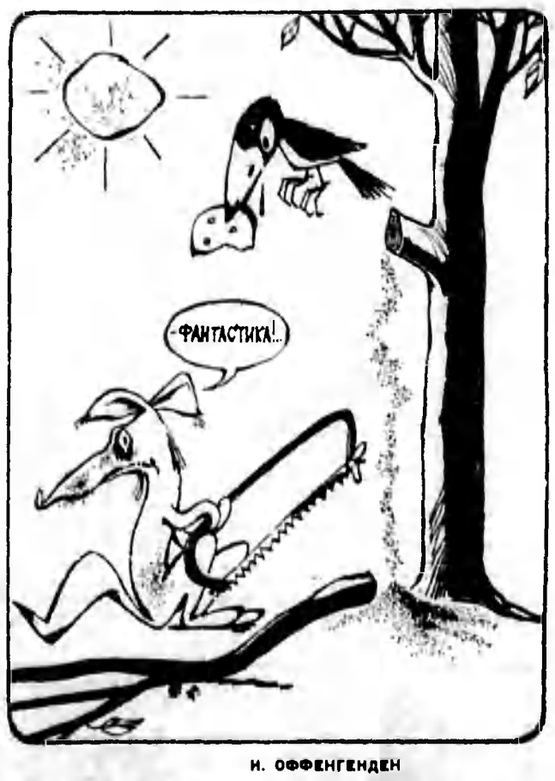
Но известно, что без геньев
Гибнет наша красота...
Ведь Андреев, и Евгеньев,
И Булатов не хвата...

И хота я иронична —
Понимают это все, —
Ситуация трагична:
По мадамам и месье...

Сегодня у нас — сплошные пародии, и художники решили не остаться в стороне. И тоже попробовали себя в изопародийном жанре, но с уклоном в литературу. Так, москвичи Иван СИДОРОВ и Иосиф ОФФЕНГЕНДЕН вдохновились классикой и придали ей современное звучание.

И. СИДОРОВ

И. ОФФЕНГЕНДЕН

Главный редактор Ю. ВОРОНОВ.
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, А. ГОЛОВЧАНСКИЙ, В. ГОРБУНОВ, Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Ю. ИЗЮМОВ (первый зам. главного редактора), Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, В. МОЕВ (отв. секретарь), Л. НОВИЧЕНКО, Ю. ПОРОЙКОВ (зам. главного редактора), О. ПРУДКОВ, С. СЕЛИВАНОВА, В. СУББОТИН, А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Костянский переулок, 13. АДРЕС ДЛЯ ТЕЛЕГРАММ: Москва, К-54, Костянский пер., 13; ДЛЯ ПИСЕМ: 103654, ГСП-3, Москва, К-51, Цветной бульвар, 30; справочный телефон — 200-24-17.

А — 01322 Номер подписан к печати 27/III.89 г.

Типография «Литературной газеты»: Москва, Ц., Цветной бульвар, 30 Зак. 224 ИНДЕКС 50067